

ВОРОНЕЖСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ВОРОНЕЖСКИЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

В ы п у с к 17

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2015

УДК 343.98:378.4(470.324-25)

ББК 67.52

В75

Редакционная коллегия:
д-р юрид. наук *О. Я. Баев* (отв. редактор),
д-р юрид. наук *М. О. Баев*,
д-р юрид. наук *Е. Каспшак* (г. Ольштын, Польша),
д-р юрид. наук *В. А. Мещеряков*,
д-р юрид. наук, академик *В. Ю. Шепитько* (г. Харьков, Украина),
канд. юрид. наук *Т. Э. Кукарникова* (отв. секретарь)

Воронежские криминалистические чтения : сб.
В75 науч. трудов. – Вып. 17 / под ред. О. Я. Баева. – Воронеж :
Издательский дом ВГУ, 2015. – 242 с.

ISBN 978-5-9273-2187-2

В очередном выпуске «Воронежских криминалистических чтений» освещаются актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы.

Сборник основан на материалах постоянно действующего теоретического семинара кафедры криминалистики Воронежского государственного университета, в работе которого принимают участие преподаватели, аспиранты и соискатели кафедр криминалистического цикла юридического факультета ВГУ, а также криминалисты других городов нашей страны.

Для преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов юридических вузов, сотрудников правоохранительных органов, адвокатуры и уголовной юстиции.

УДК 343.98:378.4(470.324-25)

ББК 67.52

ISBN 978-5-9273-2187-2

© Воронежский государственный университет, 2015
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2015

Светлой памяти
доктора юридических наук,
профессора кафедры криминалистики ВГУ
Александра Васильевича Тямкина (1951–2014 гг.)
п о с в я щ а е т с я

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда уходит из жизни знакомый человек, появляется чувство недоуменной печали (почему так – вдруг ушел?..).

Когда же из жизни уходит человек тебе близкий, возникает чувство боли: она появилась, не исчезает... и вдруг временами так накатывает, что дышать без этого человека затруднительно...

Вот такое чувство, уверен я, возникло у многих из нас после ухода 30 августа 2014 г. из жизни доктора юридических наук, профессора, полковника милиции в отставке Александра Васильевича Тямкина.

Светлой памяти его и посвящен настоящий выпуск «Воронежских криминалистических чтений».

На протяжении значительной части своей жизни А. В. Тямкин был не только профессором кафедры криминалистики ВГУ, но и сотрудником (преподавателем, доцентом, начальником кафедры, профессором кафедры) Воронежского института МВД РФ. И потому далеко не случайно, что авторами многих помещаемых в это издание научных статей являются преподаватели данного института (А. Л. Осипенко, А. В. Пучнин, А. И. Гайдин и др.). Эти статьи – их дань памяти профессора Тямкина (а как еще, если не публикациями, научный сотрудник может отдать дань своему ушедшему коллеге и другу?).

Актуальные и зачастую остродискуссионные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений достаточно обстоятельно рассмотрены в статьях О. Н. Куликовой, Е. И. Галяшиной (Москва), ряда других авторов.

Публикации М. В. Стояновского, А. С. Фоминой (Воронеж), А. В. Хмелевой (Москва), А. А. Эксархопуло (Санкт-Петербург), ряда других специалистов посвящены не менее серьезным исследованиям общих проблем криминалистики, тактики и методики расследования преступлений.

В настоящем выпуске традиционно «силен и оригинален» «компьютерный» блок публикаций: авторы поделились своими мыслями о задачах криминалистики в области борьбы с киберпреступностью (Е. П. Ищенко, Москва) и о влиянии информационного общества на развитие этой науки (В. А. Мещеряков, Воронеж); отдельные аспекты этих проблем рассматриваются и в статьях других авторов.

Традиционно для наших «Чтений» и активное обсуждение актуальных проблем уголовного процесса. Рассматриваются они авторами в самом широком диапазоне: от продолжения дискуссий об объективной (а как же без нее?) истине (И. М. Комаров, Москва), доказательственном праве (Д. В. Зотов, Е. Л. Комбарова, Воронеж), институте понятий (А. Р. Белкин, Москва) до особенностей судопроизводства в отдельных его стадиях (О. Ю. Цурлуй, Воронеж).

Все эти проблемы, как и множество иных, искренне интересовали ушедшего от нас Александра Васильевича, пытавшегося интерпретировать высказанные по данным вопросам в дискуссиях мнения на закономерности оперативно-розыскной деятельности, в теории которой он являлся одним из ведущих специалистов страны.

В романе известного фантаста и (потому) философа Станислава Лема – романе странном и, признаюсь, мной не до конца понятом – я встретил очень точное с точки зрения методологии науки замечание: «Изучить можно только то, что в структуре случайностей выявляет свою закономерность». Авторы статей настоящего сборника исследовали не артефакты, а явления, имеющие в своей структуре закономерности, значимые для теории и практики уголовного судопроизводства, и в большинстве статей – вполне успешно.

*Ответственный редактор
«Воронежских криминалистических чтений»,
академик РАН, доктор юридических наук, профессор
кафедры криминалистики ВГУ,
заслуженный деятель науки РФ*

О. Я. Б а е в

ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОГО ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ АДВОКАТА НА СТАДИИ ПРИНЯТИЯ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Любое противодействие адвоката уголовному преследованию своего подзащитного (неизбежность и допустимость которого неоднократно обосновывалась в литературе, в том числе и автором данной статьи¹⁾ есть взаимодействие его с лицом, осуществляющим таковое преследование, взаимодействие объективно и субъективно конфликтное по сущности и по диаметрально противоположной направленности выполняемых каждым из них процессуальных функций.

Однако проблемы оценки поведения адвоката с точки зрения его правовой допустимости возникают обычно еще раньше – до начала его непосредственных взаимодействий с лицами, осуществляющими уголовное преследование по делу, – с начала его общения с потенциальным подзащитным или другими представляющими интересы последнего лицами.

Как показывает судопроизводственная практика, в настоящее время все чаще к адвокатам за юридической помощью обращаются лица, в отношении которых непосредственное уголовное преследование еще не осуществляется, а также когда уголовное дело возбуждено именно в отношении конкретного лица, до первого его допроса в качестве подозреваемого. Речь при этом может идти как о даче адвокатом разовой консультации обратившемуся к нему человеку, так и о желании последнего заключить с адвокатом соглашение на предстоящую защиту от грозящего ему уголовного преследования (и это, как показывает практика, встречается чаще).

«Юридическая помощь адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве, – как указал Конституционный Суд Российской Федерации в определении по конкретной жалобе (касавшейся проблем адвокатской тайны), – не ограничивается процессуальными и временными рамками его участия в деле при производ-

стве расследования и судебного разбирательства, она включает и возможные предварительные юридические консультации»².

Заметим, что такие лица (если не обращаются сразу к определенному адвокату) нередко последовательно получают консультации по интересующим их проблемам от нескольких адвокатов (и в ряде случаев мнения разных адвокатов по этим проблемам существенно различаются).

Алгоритм деятельности адвоката в данных ситуациях, по нашему мнению, состоит из двух взаимосвязанных «шагов», применительно к которым есть смысл рассматривать проблемы и пределы его допустимого правового поведения, с тем чтобы оно не переросло в злоупотребление им правами члена адвокатского сообщества:

а) оценки перспективы возможного уголовного преследования обратившегося к адвокату лица (далее – доверителя);

б) рекомендации доверителю по его поведению в случае начала в отношении него непосредственного уголовного преследования.

Очевидно, что на данной стадии общения с клиентом адвокат исходит из своего рефлексивного анализа сложившейся правовой ситуации. Такой анализ основывается на сообщаемой доверителем информации о сущности возникшей потенциально (или реально) уголовно-правовой и процессуальной проблеме, роли и степени его в ней участия, а также на представляемых клиентом документах: актов ревизий, аудиторских проверок, решений арбитражных судов, документов, подтверждающих алиби либо, напротив, его отсутствие, и т.п.

В ряде случаев некоторые сведения для «предвосхищающей» оценки ситуации адвокат может получить из СМИ, ранее сообщивших о фактах, за консультацией и юридической помощью относительно которых затем к нему обратился доверитель (обычно такая информация касается выявленных проступков и правонарушений должностных лиц, в том числе высокопоставленных, других «резонансных» преступлений). Как было сказано, в первую очередь, это касается перспектив уголовного преследования.

Адвокат должен сразу предупредить своего доверителя, что свои предположения по интересующим того правовым проблемам он строит, исходя исключительно из его объяснений и представленных ему материалов. Если они, мягко скажем, неточны и (или) неполны, то это, несомненно, скажется на его диагностике возможных перспектив уголовного преследования.

В связи с этим (в силу принципиальной важности для рассматриваемой проблемы) заметим, что нам представляется ригористичным, популистским, не соответствующим реалиям практики следующее утверждение Ю. П. Гармаева. «Чтобы эффективно защищать, – считает он, – надо верить человеку, понять те обстоятельства, которые толкнули его на преступление, простить ему его недостатки, войти в его положение, пожалеть, наконец»³. Любой подозреваемый, обвиняемый имеет право на защиту его адвокатом, в то числе и тот, которому адвокат не верит, которому он внутренне не «может простить его недостатки».

Попутно – и на это обратим особое внимание – возникает вопрос: адвокат, по мнению Ю. П. Гармаева, должен верить своему подзащитному, а следователь? Должен ли он верить своему подследственному, должен ли «понять те обстоятельства, которые толкнули его на преступление»⁴? А то, что подзащитные далеко не все и далеко не всё правдиво рассказывают своим адвокатам, является аксиомой адвокатской деятельности в любых странах⁵.

Адвокату требуется проанализировать ставшие ему известными факты на предмет их противоправности в целом и с уголовно-правовой точки зрения, в частности.

Заметим, что это особенно значимо и сложно в настоящее время по конфликтным межличностным отношениям в области экономической деятельности: отдельные возникающие в ней проблемы одной из конфликтующих сторон могут расцениваться как криминальные, другой – относящимися к гражданским правоотношениям, может быть, таковым деликтам.

Если эти факты (или часть из них) представляются адвокату в принципе уголовно-наказуемыми, ему следует сформировать свое, естественно, предварительное мнение по вопросу роли и степени участия обратившегося к нему лица в совершении данного деяния.

Совершенно очевидно, что формирование адвокатом обоснованного мнения по этим проблемам требует от него глубокого знания уголовного права, Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), толкований их соответствующих положений Конституционным судом РФ и в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Однако проблемы у адвоката в изучаемом нами отношении, видимо, начинаются не с момента дачи им указанных, сугубо, можно сказать, юридических консультаций, а с обсуждения с до-

верителем позиции и/или линии поведения последнего в случае начала осуществления против него непосредственного уголовного преследования.

В первую очередь, адвокат должен разъяснить конституционное право не свидетельствовать против себя и своих близких (ст. 51 Конституции РФ), затем с этих позиций обсудить с доверителем вопрос, следует ли тому на обсуждаемой стадии досудебного производства давать показания следователю. Решение этой проблемы, естественно, усложняется тем, что адвокату, повторим, обстоятельства дела известны лишь со слов доверителя. Потому он может на этой основе только, как сказано, рефлексивно (исходя из своих знаний, профессионального опыта и т.д.) предполагать, какой информацией в отношении этого лица может в данный момент располагать следователь и какую информацию об этом и из каких источников следствие может получить в дальнейшем.

С одной стороны, отказ от дачи показаний уменьшит вероятность возникновения противоречий в первоначальных и последующих показаниях (если подозреваемый или обвиняемый изъявляет желание дать показания, то в соответствии со ст. 46, 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) он предупреждается, что таковые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу).

С другой стороны, отказ от дачи показаний, как показывает практика, нередко психологически воспринимается следователями не только (а зачастую не столько) как реализация лицом своего конституционного права, но как нежелание допрашиваемого «сотрудничать» с ними, как оказываемое этим лицом противодействие уголовному преследованию.

Если смотреть реально, то таковым отказ от дачи показаний, по сути и зачастую, и является. Это, действительно, способ противодействия предварительному расследованию преступлений. Однако способ не только тактически допустимый, но и с правовой точки зрения законный.

Еще в начале XX в. один из основоположников криминалистики А. Вейнгарт на первой же странице своего руководства к расследованию преступлений писал: «На отказ обвиняемого от ответов следователь должен смотреть не как на ослушание его или неуважение, и не как на улику против обвиняемого, а как на пользование своим правом, причем, однако, – подчеркивал

он, – рекомендуется разъяснить обвиняемому, что, отказываясь давать ответы, он оставляет без опровержения все предоставленные против него улики»⁶.

Однако способы действий следователей в настоящее время в таких ситуациях, как показывает практика, зачастую, увы, носят эмоциональную окраску, вплоть до не вызывающегося объективной необходимостью задержания подозреваемого и/или обращения в суд для избрания в отношении этого лица меры пресечения в виде содержания под стражей. Такие возможные исходы отказа от дачи показаний адвокат также должен разъяснить своему доверителю.

Тем не менее мы полагаем, что в случаях крайней неопределенности об информации, которой в отношении клиента располагают органы расследования, и об источниках, из которых они могут такую получить в дальнейшем, адвокат может рекомендовать клиенту воспользоваться его конституционным правом.

Если же доверитель убежден в своей непричастности к расследуемому событию и, тем более, если он может ее обосновать (например, ссылками на документы или свидетелей), то отказываться от дачи показаний на данной стадии расследования не имеет смысла. Чем раньше будет проверена достоверность его показаний, чем раньше он в них опровергнет «все предоставленные против него улики», тем раньше будет решен вопрос о прекращении в отношении него уголовного преследования (если таковое будет осуществляться).

Думается, такую же рекомендацию следует дать доверителю, если в процессе обсуждения этой проблемы он дает вполне «респектабельные» с позиции защиты объяснения своей позиции по существу дела, которые он в дальнейшем предполагает изложить и следователю.

Вот здесь и возникает весьма сложный и один из основных в контексте изучаемого аспекта допустимости правового поведения адвоката вопрос. Может ли, а главное, должен ли адвокат корректировать защитную версию своего доверителя при осуществлении в отношении него уголовного преследования в целом и на этой стадии, в частности?

Опять же будем реалистами: профессиональный юрист, особенно если он (воспользуемся используемой в литературе в данном отношении терминологией) является «адвокатом с предшествующим опытом работы в правоохранительных органах или в

суде», зачастую может предложить клиенту «слабо пробиваемую» обвинением линию защиты. Она может касаться как самого факта причастности клиента к расследуемому событию, наличия в нем состава преступления, так и его отдельных обстоятельств, также влияющих на уголовно-правовую оценку инкриминируемого последнему деяния.

Не является ли дача адвокатом таких советов и рекомендаций вариантом злоупотребления им своим правом, «подкрепляемым и обеспеченным» возможностями бесед с доверителем наедине и запретом на разглашения адвокатской тайны?

Сразу заметим, что *все* опрошенные нами адвокаты считают такое поведение составляющим существенную часть их профессиональной деятельности по уголовным делам, допустимым с позиции критериев ее законности и этичности. Смысл противоположной точки зрения очевиден из названия и содержания статьи Ю. П. Гармаева: адвокат не должен подстрекать своего подзащитного ко лжи, «даже если эти средства используются для достижения законной цели – защиты от обвинения»⁷.

Самыми сложными, можно сказать, экстремальными с точки зрения проблем правомерности поведения адвоката, на наш взгляд, являются такие ситуации, когда за юридической помощью к нему обращается лицо:

- а) совершившее преступление, к моменту его обращения к адвокату остающееся латентным;
- б) за совершение некоего преступления находящееся в розыске;
- в) замысливающее или/и подготавливающее совершение преступления.

В подобных случаях такие лица чаще всего обращаются к адвокатам, в отношении которых существует уверенность, что тайны, доверенные им, будут сохранены. Нет сомнения, что такими сведениями с малоизвестным ему адвокатом (или назначенным ему по другому делу) обратившийся к адвокату человек вряд ли поделится.

Первая, возникающая в связи с этим этически и тактически весьма сложная проблема, непосредственно смыкающаяся с проблемой злоупотребления адвокатом правом: должен ли в таких ситуациях адвокат а) оказывать обратившемуся к нему лицу какую-либо юридическую помощь и, тем более, б) заключать соглашение на его защиту от реального или потенциального уголовного преследования?

Отвечая на первую часть этого отнюдь не риторического вопроса, мы исходим из гарантированного Конституцией РФ (ч. 1 ст. 48) права каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Потому не дача консультаций любому официально обратившемуся к адвокату гражданину (даже в подобных жизненных ситуациях), а, напротив, отказ в даче таковых следует расценивать как если не злоупотребление адвокатом правами, то как невыполнение им своего профессионального долга.

Иное дело – направленность и содержание даваемых им юридических советов.

Нам представляется, что во всех этих ситуациях адвокат, как минимум, должен:

а) разъяснить обратившемуся к нему лицу весьма высокую вероятность выявления преступления и его участия в его совершении;

б) дать объективную юридическую оценку такому, совершенному или предполагаемому, преступлению, его уголовно-правовой квалификации и разъяснить предусмотренное соответствующей статьей УК РФ наказание за данное преступление.

Что же касается принятия в одной из этих ситуаций поручения на защиту, то решение этого вопроса – дело сугубо субъективное, всецело зависящее от личностных качеств и мотивации деятельности конкретного адвоката, в том числе и от его взаимоотношений с доверителем.

Единственное, о чем в связи с этим следует напомнить: от уже принятой на себя защиты в дальнейшем адвокат по общему правилу, в соответствии с приведенным выше действующим уголовно-процессуальным запретом, отказаться не может.

В первой и второй из рассматриваемых ситуаций адвокату, представляется, также следует подробно разъяснить доверителю установленные ст. 61 УК РФ обстоятельства, смягчающие ответственность за совершение преступления, и правила назначения наказания при их наличии (ст. 62). При этом особое внимание должно быть обращено на п. «и» ч. 1. ст. 61 УК РФ, в соответствии с которым, как известно, к таковым относятся явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления.

Увы, далеко не всегда эти рекомендации изменяют установку обратившегося к адвокату лица на активную защиту от возмож-

ного или реального уголовного преследования за совершенное им преступление. Чаще всего лишь за ее осуществлением и советами по ее реализации доверитель и обращается в этих ситуациях к адвокату.

На наш взгляд, если адвокату становится известен факт уже совершенного преступления (к этому времени латентному или в связи с которым доверитель находится в розыске), то нижним пределом правовой допустимости оказания им юридической помощи доверителю выступает диспозиция ст. 316 УК РФ, предусматривающая ответственность за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений.

В свете сказанного нам представляется не противоречащим правовому статусу адвоката, не являющимся злоупотреблением им правом поведение адвоката в следующей ситуации.

З. сообщил адвокату Х. о совершенном им во время ссоры при совместном распитии спиртных напитков убийстве С. в своей квартире. После убийства З. скрылся, оставив труп на месте происшествия, где он и находится в настоящее время.

После бесплодных попыток Х. разъяснить З. то, что труп, несомненно, будет обнаружен, а он с очень высокой степенью вероятности будет изобличен в совершении преступления, адвокат обсудил с З. возможную линию защиты, которой тот должен придерживаться в случае задержания, и согласился принять на себя его защиту.

Несколько дней спустя труп С. был обнаружен, З. разыскан и задержан. В результате применения к нему незаконных методов следствия З. при допросе в отсутствие защитника (дело расследовалось до 1 июля 2002 г.) виновным себя в убийстве С. признал полностью, изъявив желание, чтобы в дальнейшем его защищал адвокат Х.

При последующем допросе, проведенном с участием адвоката Х., З. от своих «признательных» показаний отказался. В связи с установлением факта применения к З. при их получении незаконных методов ведения следствия, существенными нарушениями уголовно-процессуального закона при производстве наиболее важных следственных действий по проверке признания З., отсутствием других каких-либо веских доказательств его виновности, ходатайство защитника Х. о прекращении уголовного преследования З., в конечном счете⁸, было удовлетворено.

Если находящееся в розыске лицо утверждает, что выдвинутое в отношении него обвинение необоснованно или в целом ошибочно и приводит достаточно убедительные об этом доводы,

то, думается, адвокат может не только «с легким сердцем» принять на себя его защиту. После этого он может и активно, естественно, не сообщая о месте нахождения обвиняемого и источнике получения им информации, в рамках предоставленных ему законом полномочий участвовать в проверке таковой версии следователем (заявляя о том необходимые ходатайства, собирая доказательства в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ). В ряде случаев, как показывает практика, это может привести либо к прекращению уголовного преследования в отношении данного лица в полном объеме, либо к изменению квалификации совершенного им деяния до «приемлемого» для обвиняемого уровня, в связи с чем он затем добровольно предстает перед следователем.

Также проиллюстрируем это положение примером из адвокатской практики.

К. находился в розыске по обвинению в соисполнительстве убийства У., труп которой был обнаружен в багажнике принадлежащей ему машины.

В беседе с адвокатом К. привел веские и, главное, поддающиеся проверке доводы о том, что в убийстве У. он участия не принимал. Он действительно по просьбе своих знакомых, убивших потерпевшую, предпринял попытку сокрытия трупа (когда он на машине следовал к лесу, где хотел захоронить труп, то был остановлен работниками ГИБДД, испугался, бросил машину и скрылся).

Приняв на себя с учетом этих сведений защиту К., адвокат представил следователю полученную от обвиняемого информацию, позволяющую объективно установить степень виновности К., которая в ходе ее проверки полностью подтвердилась. Заочно К. было перепредъявлено обвинение по ст. 105 ч. 2 на ст. 316 УК РФ, и ранее избранная мера пресечения в виде содержания под стражей была изменена на подписку о невыезде.

Ознакомившись у адвоката с копиями этих документов, К. добровольно явился к следователю. В результате он был осужден к наказанию в виде краткосрочного лишения свободы, от отбывания которого его освободили в связи с применением постановления Государственной Думы об амнистии.

Далее в контексте исследования поставленной проблемы остановимся на положении, запрещающем адвокату отказать от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого (напомним, этот запрет предусмотрен ч. 7 ст. 49 УПК РФ). Изучение ее следует начать с обозначения типовых ситуаций, в которых адвокат решает

вопрос о необходимости и возможности принятия на себя защиты определенного лица (рассмотренные выше защитные ситуации – экстремальны, их, к счастью, отнести к типовым ситуациям деятельности адвоката нельзя).

Наиболее часто вопрос о принятии на себя защиты конкретного лица возникает перед ним после того, как это лицо либо задержано в качестве подозреваемого в порядке ст. 92 УПК РФ, либо когда в отношении него избрана мера пресечения в виде содержания под стражей в порядке ст. 108 УПК РФ.

В такой криминалистической ситуации с просьбой оказания арестованному юридической помощи, как правило, к адвокату обращается – что на практике происходит чаще всего, кто-либо из его родственников или другое лицо, заинтересованное в судьбе этого человека, в исходе дела в отношении подозреваемого, обвиняемого.

При этом, как верно отмечается в литературе, некоторые из этих лиц, обращаясь к адвокату с просьбой о защите подозреваемого, обвиняемого, имеют сугубо личные интересы в поведении и в показаниях подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу. Особенно, заметим, сказанное относится к лицам, имеющим основания для опасений, что даваемые последним показания могут повлечь проверку и их причастности к расследуемому преступлению.

В подобных, повторим, типовых случаях решение о возможности и целесообразности принятия на себя защиты подозреваемого/обвиняемого адвокат вынужден (что естественно и логично) принимать лишь на основе информации, сообщаемой ему этими лицами, информации, крайне неполной, недостоверной и, зачастую, если не обычно, эмоционально-тенденциозной направленности⁹.

Адвокат не знает обстоятельств инкриминируемого этому лицу преступления, ему не известны ни занятая своим будущим подзащитным позиция по делу, ни его психологические свойства и особенности, которые позволят установить с ним необходимый контакт, без чего успешное осуществление защиты практически невозможно.

При этом адвокат, как сказано в действующем УПК РФ, не может отказаться от принятой на себя защиты по уголовному делу. Однако он имеет право отказаться от принятия на себя поручения на защиту некого подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, адвокат, заключая соглашение о защите данного лица с его представителем, своего будущего подзащитного «в глаза не видит», покупает (автор извиняется за сленг) «кота в мешке».

Говоря об этом, отметим, что нам известны адвокаты, которые категорически отказываются от защиты лиц, обвиняемых в преступлениях, совершаемых по националистическим мотивам. Другие адвокаты не менее принципиально отказываются от защиты обвиняемых в сексуальных посягательствах в отношении малолетних.

И в то же время «адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлению удостоверения адвоката и ордера» (ч. 4 ст. 49 УПК РФ). Иными словами, без предоставления ордера, свидетельствующего о принятии на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, адвокат не только не может ознакомиться с материалами дела в указанном выше их объеме, но и не имеет полномочий на посещение данного лица в месте его содержания (СИЗО, ИВС и др.).

В этой связи на практике возникает следующая дилемма:

С одной стороны, без такой беседы адвокат, о чем упоминалось выше, затрудняется в положительном решении вопроса о принятии на себя защиты данного подозреваемого/обвиняемого, в первую очередь, по возможному наличию одного из оснований, исключающих его участие в производстве по уголовному делу (ст. 72 УПК РФ). Адвокат также может быть принципиально несогласным с использованием в предстоящей защите предлагаемых последним в беседе явно незаконных или неэтичных средств ее осуществления. Нет сомнений, что в подобной беседе могут выявиться и другие (субъективные и объективные) причины, по которым адвокат не сочтет возможным принять на себя поручение о защите данного лица.

С другой стороны, посещение места содержания подозреваемого/обвиняемого под стражей для беседы с ним и принятие на этой основе на себя, учитывая все названные выше обстоятельства, решения о принятии поручения на его защиту противоречит действующему уголовно-процессуальному и другому соответствующему законодательству (Законам «Об адвокатуре...», «О содержании под стражей...», УИК РФ).

Таким образом, возникает серьезное противоречие в возможностях реализации конституционного права подозреваемого/об-

виняемого на получение юридической консультации и помощи от адвоката, в том числе, по нашему мнению, и обсуждения между ними условий заключения соглашения о защите, и действующим законодательством.

Возможность реализации данного права в реалиях современного досудебного производства поставлена, в сущности, в зависимость не от процессуального статуса человека, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, а от того, содержится ли он или нет к этому моменту под стражей.

Потому уже на подготовительном с точки зрения криминалистической тактики этапе защиты по уголовному делу по изложенным выше причинам у отдельных адвокатов может возникнуть (и на практике, зачастую, возникает) вполне понятное «искушение» обеспечить себе возможность беседы с потенциальным подзащитным в условиях его содержания под стражей.

С этой целью адвокат предоставляет в соответствующую организацию (ИВС, СИЗО) ордер на якобы уже осуществляемую им защиту данного лица, а затем по результатам беседы с ним принимает решение о возможности принятия на себя осуществления его защиты.

К примеру, в ходе такой беседы с обвиняемым в разбойном нападении М. адвокат убедился в том, что он ранее принял на себя защиту обвиняемого К., не имея до посещения М. в следственном изоляторе сведений, что они оба обвиняются в совершении одного преступления. До того информацией об этом он не располагал, так как К., отказываясь давать какие-либо показания по делу, также к данному моменту отказывался обсуждать обстоятельства совершения инкриминируемого ему преступления и со своим защитником.

Выяснив это обстоятельство, адвокат отклонил просьбу родственников М. (которая и вызвала необходимость его беседы с М.) о его защите.

Эта ситуация существенно усугубляется тем, что многие адвокаты привлекаются к участию в досудебном производстве по уголовному делу в качестве защитников по назначению органа, осуществляющего предварительное расследование. В таких случаях они вступают в него, не только не зная обстоятельств преступления (при решении вопроса о заключении соглашения на защиту лица, содержащегося под стражей, адвокат все же владеет некоторой о них информацией, сообщенной, как сказано, его представителями). Адвокат не представляет себе личности под-

защитного, ничего не знает в принципе о человеке, которого ему поручено защищать. Более того, он не знает, согласен ли будет данный подозреваемый/обвиняемый с тем, чтобы именно он осуществлял его защиту (особенно актуален последний вопрос для случаев, когда данному лицу назначен в качестве защитника молодой адвокат).

Нам в этом отношении представляется следующее.

Если посещение адвокатом «потенциального» подзащитного в месте его содержания под стражей преследует именно и только эту цель, но не направлено на достижение других целей (скажем, на обсуждение с подозреваемым/обвиняемым линии и тактики его защиты), вряд ли их можно признавать реальным злоупотреблением правом с его стороны. В этом случае данные, формально противоречащие закону, действия адвоката не только не нарушают баланса общественных и личных интересов в досудебном производстве по уголовному делу, а, напротив, по нашему убеждению, направлены на его обеспечение.

Такое поведение со стороны адвокатов есть их реакция на, повторим, существующее нормативное противоречие между конституционным правом любого человека на получение юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) и возможностью его реализации в зависимости от того, находится или не находится нуждающееся в том лицо в этот момент под стражей.

С целью разрешения возникшей в связи с этим правовой коллизии мы предлагаем дополнить ст. 50 УПК РФ частью 1.1 примерно следующего содержания:

1.1. Подозреваемый, обвиняемый, содержащийся под стражей имеет право на беседу в месте своего содержания с приглашаемым им, его близкими родственниками, представителями адвокатом об обстоятельствах, имеющим значение для решения адвокатом вопроса о принятии на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

¹ См.: *Баев О. Я., Баев М. О.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2014.

² По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О // Рос. газета. 2000. 3 авг.

³ *Гармаев Ю. П.* Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве, средства предупреждения и нейтрализации. М., 2010. С. 79 (цитируется по рукописи, любезно предоставленной нам автором).

⁴ Увы, направленность всей деятельности адвоката – защитника по уголовным делам – предопределяет существенную, где-то экстремальную, специфику нравственно-этической ее основы. Она заключается в следующем: адвокат не может назвать подлеца подлецом, если подлец его клиент.

⁵ «Заповеди» адвокатской деятельности, сформулированные американским адвокатом Аланом М. Дершовицем, гласят: 1. Никогда не верь полиции и прокурору. 2. Никогда не верь средствам массовой информации. 3. Никогда не верь своему клиенту». Цит. по: Цитатник политика и журналиста. М., 2003. С. 477.

⁶ *Вейнгарт А.* Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. СПб., 1912. С. 1.

⁷ *Гармаев Ю.* Адвокат не должен подстрекать своего подзащитного ко лжи // Рос. юстиция. 2003. № 7. С. 13.

⁸ До того данное уголовное дело дважды судом направлялось для производства дополнительного расследования.

⁹ «Мой сын/внук/муж, – искренне возмущаются они в таких случаях, – не мог совершить того, что ему приписывают!».

О. Я. Баев

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРЕВЕНЦИЯ ПОДКУПА И/ИЛИ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ

Подкуп и принуждение к даче ложных показаний потерпевших, свидетелей, других, перечисленных в ст. 309 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) участников уголовного судопроизводства, увы, устойчивая и, что очевидно, крайне негативная тенденция в современной отечественной правоохранительной и судебной деятельности.

В статье, посвященной обзору утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. № 586

Государственной Программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы»¹, констатируется: «Каждый год, по данным ВНИИИ МВД, в России свидетелями тяжких преступлений становятся более 11 миллионов человек. Из них около 2,5 миллионов (каждый четвертый! – *О. Б.*) в ходе судебных заседаний из-за боязни мести со стороны обвиняемых резко меняют свои показания. По официальной статистике ежегодно в России гибнут или исчезают от пяти до восьми свидетелей преступлений».

Расследовать такие преступления неимоверно сложно².

Однако не менее, если не более, сложно по многочисленным объективным и субъективным причинам осуществлять предупреждение возможности обозначенного противоправного воздействия на названных выше субъектов в этих целях лицами, заинтересованными в определенном исходе уголовного дела. Организационные и другие меры, на то направленные, а также средства и способы нейтрализации последствий такового воздействия в своей системе, взаимосвязи и взаимообусловленности и понимаются нами как специальная превенция подкупа и принуждения к даче ложных показаний в уголовном судопроизводстве, проблемам которой и посвящена данная статья.

По мнению ряда криминологов, причины феномена подкупа и/или принуждения потерпевших и свидетелей к даче ложных показаний состоят в: 1) низкой общей и правовой культуре; 2) неуважении к человеку; 3) терпимости ко лжи; 4) несправедливости правосудия; 5) жестокости наказания; 6) невозможности примирения по желанию потерпевших; 7) неуважению к правосудию³.

Можно предположить, что на распространенность этого феномена оказывают влияние и некоторые региональные факторы. Так, изучив правоприменительную практику Республики Дагестан, Г. А. Алилов выделил следующий ряд несколько иных обстоятельств, стимулирующих распространение этих преступлений в данном национально-экономическом регионе: 1) безработица; 2) низкий уровень жизни населения; 3) отсутствие средств для реальной защиты потерпевших и свидетелей от расправы со стороны преступников и их сообщников; 4) продажность отдельных экспертов, специалистов и переводчиков; 5) коррупция в структурах власти; 6) слабый уровень материально-технической оснащенности сотрудников оперативных подразделений; 7) негативное влияние СМИ страны, пропаганда преступного образа жизни⁴.

Криминологами обозначены и направления разработки средств и способов предупреждения такового противоправного поведения: «Для эффективной профилактики [этих] преступлений необходимо принять организационные меры, связанные с использованием оперативных и материально-технических ресурсов, внедрением современных методов изобличения, совершенствовать экономические отношения; улучшить качество расследования по изобличению лиц, виновных в совершении этого преступления, и в доказывании вины обвиняемых».

«Высокая результативность деятельности по выявлению и раскрытию случаев подкупа и принуждения и привлечения виновных к ответственности, – как совершенно верно подчеркивает Г. А. Алилов, – как и широкая огласка результатов такой деятельности, формируя в общественном сознании уверенность о неотвратимости наказания, является одним из лучших средств предупреждения»⁵.

Каких-либо возражений в своей принципиальной обоснованности эти положения вызывать не могут. Однако они нуждаются в более конкретном, прагматическом раскрытии их содержания, что в своей совокупности и взаимосвязях (между средствами процессуальными и криминалистическими) и будет представлять, как сказано, систему мер специальной превенции подкупа и/или принуждения к даче ложных показаний субъектов, перечисленных в диспозиции ст. 309 УК РФ.

В достаточно кратком изложении – и без излишних претензий на научную новизну – средства и методы данной превенции таких преступлений нам в настоящее время представляются следующими.

1. Строжайшее соблюдение в досудебном производстве по уголовным делам следователем, дознавателем, другими правоприменителями следственной тайны для если не полного исключения (будем реалистами), то минимизации возможности разглашения данных о лицах, в ложных показаниях которых заинтересованы противодействующие осуществляемому предварительному расследованию субъекты⁶.

Диапазон направленных на то существующих уголовно-процессуальных средств весьма широк. Он включает в себя, в частности:

– предупреждение участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разреше-

ния ставших им известными данных предварительного расследования (ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ))⁷, с разъяснением им диспозиции и санкции ст. 310 УК РФ;

– процессуальные меры по сокрытию данных о личности в уголовном судопроизводстве.

На этой проблеме следует остановиться более подробно, ибо сущность процессуального сокрытия данных о личности в уголовном судопроизводстве достаточно сложна в организационно-тактическом отношении. По нашему представлению, ее следует рассматривать как самостоятельную тактическую операцию, включающую в себя широкий спектр направленных на то мер. В частности, в число их следует включать:

а) необходимость сокрытия данных о лицах, отраженных в материалах доследственной проверки заявления или сообщения о преступлении (очевидно, что решение о присвоении лицу псевдонима, под которым с ним будут производиться следственные действия, о чем речь пойдет чуть ниже, принимается уже по возбужденному уголовному делу);

б) производство опознания подозреваемого, обвиняемого (другого лица) в порядке, предусмотренном ч. 8 ст. 193 УПК РФ, вне визуального наблюдения опознаваемым опознающего;

в) другие опосредованные уголовно-процессуальным законом меры решения этой задачи, вплоть до производства следственных действий с участием потерпевшего или свидетеля под присваиваемым ему с этой целью псевдонимом (ст. 166 УПК РФ).

По праву уделив последней возможности особое внимание и совершенно верно заметив, что «самым распространенным следственным действием, при котором выполняются мероприятия по сокрытию данных о личности, является допрос», А. Н. Халиков (имеющий многолетний собственный следственный опыт) сформулировал ряд тактических в этом отношении рекомендаций.

Многие из них у нас вызывают определенную настороженность своей обоснованностью. Тем не менее мы считаем необходимым ряд из них – при всей их спорности и неоднозначности – воспроизвести здесь без каких-либо авторских комментариев, что еще раз будет подчеркивать актуальность и неоднозначность возможных решений этой проблемы.

Так, по мнению А. Н. Халикова, «кроме указания в протоколе допроса несуществующих персональных сведений, необходимо

выполнить следующие действия для исключения возможности расшифровки сведений о скрываемом участнике уголовного судопроизводства:

- текст показаний свидетеля или потерпевшего составлять из обычных слов и предложений, без индивидуальных признаков речи, характерных для допрашиваемого лица;
- составлять текст допроса без указания источника осведомленности допрашиваемого лица (если нет такой необходимости по делу), минимизируя ненужные для следствия детали дела, о котором идет речь ⟨...⟩.

Одним из тактических приемов обеспечения безопасности свидетеля с одновременной дезориентацией обвиняемых и их представителей является составление двух протоколов допросов одного и того же лица. При этом в первом протоколе, где приводятся его подлинные данные, могут содержаться ничего не значащие показания (но не ложные, поскольку это будет нарушением закона). Интересующая следствие информация заносится в другой протокол, в котором персональные данные о допрашиваемом лице изменены. Такой прием будет оптимальным в случае, если указанный свидетель известен обвиняемому и последний понимает, что известное ему лицо в ходе следствия обязательно будет допрошено»⁸.

В то же время рекомендации, предлагаемые в изучаемом отношении отдельными авторами, вызывают у нас еще более резкое неприятие.

Так, Б. А. Мириев в своем кандидатском исследовании пришел к выводу о необходимости – в целях недопущения криминального воздействия на свидетелей, потерпевших – законодательного закрепления права следователя не знакомить обвиняемого и его защитника с протоколами допросов потерпевших, а также тех, кто свидетельствует против обвиняемого, поскольку их показания он услышит в суде⁹.

Такой путь разрешения данной проблемы – и это верно уже отмечалось в литературе – противоречит презумпции невиновности, самым существенным образом ограничивает право на защиту в уголовном процессе в современном его структурном образе¹⁰.

2. Правовые механизмы, направленные на реализацию Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государ-

ственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ст. 11 УПК РФ)¹¹. В соответствии с ним (ч. 1 ст. 6) в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества; 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; 4) переселение на другое место жительства; 5) замена документов; 6) изменение внешности; 7) изменение места работы (службы) или учебы; 8) временное помещение в безопасное место; 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое¹².

3. Правовые механизмы, обеспечивающие безопасность (а потому, и в первую очередь, исключающие возможность противоправного воздействия с целью противодействия уголовному судопроизводству) лица, с которым в досудебном производстве по уголовному делу заключалось досудебное соглашение о сотрудничестве. В частности, напомним, что «в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого материалы уголовного дела, идентифицирующие его личность, изымаются из возбужденного уголовного дела и приобщаются к уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого, выделенному в отдельное производство» (ст. 154 УПК РФ).

В связи с этим нам совершенно непонятна цель, с которой УПК РФ до настоящего времени сохраняет заимствованное из предыдущего уголовно-процессуального законодательства положение, по которому обвиняемому надлежит вручать в качестве приложения к обвинительному заключению список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, *с указанием их места жительства и/или места нахождения*.

Как, в частности, отсутствие сведений о местожительстве потерпевшего, свидетелей со стороны обвинения может сказаться на обеспечении права обвиняемого на свою защиту? Облегчить же ему возможность (тем более с учетом современной криминальной ситуации) негативно воздействовать на этих лиц с целью дачи ими ложных показаний по делу такие сведения вполне

могут. Более того, нам совершенно непонятно, как реально следует выполнять данное категорическое предписание ст. 220 УПК РФ, когда отдельные из свидетелей, потерпевших принимали участие в деле под псевдонимом?¹³

4. В рамках полномочий, предоставленных законом соответствующим должностным лицам, необходимо в изучаемом отношении повысить эффективность ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора. По каждому уголовному делу, которому есть основания полагать, что потерпевший или/и свидетель дали ложные показания, они должны обеспечивать тщательную и объективную проверку следователем версии о том, что таковые показания/заключение/перевод были даны в результате подкупа или принуждения со стороны заинтересованных в исходе дела лиц. Сказанное, разумеется, относится и к наличию по делу оснований полагать, что эксперт, специалист дали по нему ложное заключение, переводчик – умышленно осуществил неправильный перевод.

Особенно актуальной представляется необходимость соблюдения этого требования для весьма распространенных в практике ситуаций, когда суд в постановленном по делу приговоре оценивает показания некоторых допрошенных им потерпевших, свидетелей в качестве ложных, данных (как зачастую это формулируют судьи) «с целью воспрепятствования наступления ответственности подсудимого».

Инициативное прокурорское реагирование в отношении лиц, показания которых получили такую оценку суда, по существу, отсутствует, хотя, как известно, ее суды вынуждены производить чуть ли не по каждому второму-третьему из рассмотренных ими уголовных дел.

В крайне редких случаях, когда уголовные дела о лжесвидетельстве и возбуждаются, в процессе их расследования проверка названной выше версии осуществляется крайне поверхностно (делая таковой вывод, и это подчеркнем особо, мы основываемся на материалах известных нам уголовных дел).

В качестве некоей гипотезы можно предположить, что такое отношение к необходимости расследования каждого факта дачи свидетелями, потерпевшими заведомо ложных показаний и возможного их с этой целью подкупа или принуждения к тому (без отягчающих обстоятельств) обуславливается тем, что эти преступления относятся к преступлениям небольшой или средней

тяжести, а расследовать такие преступления, как показано выше и что очевидно, крайне сложно.

Хотя о давно назревшей необходимости существенного усиления ответственности за эти действия высказывается большинство специалистов в области уголовного судопроизводства¹⁴, до настоящего времени в этом отношении уголовный закон никаких изменений не претерпел¹⁵.

5. Рассмотрение уголовных дел по обвинению в подкупе и/или принуждении к даче ложных показаний в условиях закрытого судебного разбирательства.

Практика неопровержимо свидетельствует, что данные преступления зачастую носят длящийся и продолжаемый характер (здесь мы используем эти понятия в общепринятом, но не уголовно-правовом их значении). Иными словами, противоправное воздействие на потерпевших и свидетелей не ограничивается рамками предварительного расследования, но продолжает оказываться и во время судебного процесса (в этом случае с целью поставить под сомнение доказанность виновности подсудимого/подсудимых в учиненном подкупе и принуждении к даче ложных показаний). Такое воздействие оказывается как самим подсудимым, так и другими, заинтересованными в исходе рассматриваемого судом дела лицами. И потому далеко не единичны факты, когда в ходе судебного разбирательства лица, выступающие по таким делам в качестве потерпевших от подкупа или принуждения или свидетелей этих действий отказываются либо от дачи показаний в целом, либо от ранее данных изобличающих подсудимого показаний.

К примеру, при рассмотрении судом уголовного дела по обвинению некоего Грызунова по ч. 2 ст. 309 УК РФ потерпевшая (как указано в приговоре), высказывая опасение за свою безопасность, от дачи показаний, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ, отказалась, в связи с чем судом были оглашены ее показания, данные в ходе предварительного расследования, достоверность которых после этого потерпевшая полностью подтвердила.

Свидетель-очевидец учиненных подсудимым Грызуновым действий по принуждению потерпевшей к даче ложных показаний в суде от своих о том показаний, данных на предварительном следствии, отказался. Однако после их оглашения он по существу дела эти показания полностью подтвердил, уточнив

лишь одну деталь: о том, что Грызунов является криминальным авторитетом, он следователю не говорил¹⁶.

6. Полагаем, рассмотрение дел о подкупе и принуждении к даче ложных показаний в условиях закрытого судебного заседания полностью соответствует п. 4 ч. 1 ст. 241 УПК РФ. Принятие судом о том соответствующего решения не только обуславливается необходимостью обеспечения безопасности участников судебного процесса, их близких родственников, родственников или близких лиц. Судебное разбирательство дел этой категории в данном режиме, т.е. в условиях закрытого судебного разбирательства, если полностью не исключит возможность указанного воздействия на данных лиц, то существенно снизит его вероятность.

Можно предположить, что и внесенные Федеральным законом от 21 июля 2014 г. изменения в ст. 241 УПК РФ, предоставившие суду право при рассмотрении отдельных категорий уголовных дел в исключительных случаях по ходатайству любой из сторон принимать решения об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, не непосредственно, а путем использования систем видеоконференцсвязи¹⁷, кроме обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, также в определенной мере положительно скажутся на предупреждении возможности подкупа и/или принуждения к даче ложных показаний/заклЮчения эксперта, специалиста и неправильного перевода.

7. По нашему убеждению, в специальном нормативном виде (в ведомственном акте, а может быть, – прямо в УПК РФ) следует закрепить даже не право, а обязанность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по каждому уголовному делу о тяжких и особо тяжких преступлениях обеспечивать оперативное сопровождение процесса его рассмотрения в суде первой инстанции.

Таковая необходимость обусловлена тем, что именно после ознакомления стороны защиты со всеми материалами завершеного предварительного расследования располагают полной информацией об их существовании. А потому с этого времени заинтересованные в определенном исходе судебного рассмотрения дела лица могут целенаправленно и «массировано» предпринимать (и, увы, как показывает практика, предпринимают) меры по подкупу или принуждению указанных в диспозиции ст. 309 УК РФ субъектов к изменению показаний/заклЮчения, данных в досу-

дебном производстве по делу. Вне его рамок предупреждение такого воздействия, выявление таких фактов, своевременная нейтрализация негативных их последствий незаконному противодействию судебному рассмотрению уголовного дела, очевидно, возможна лишь в результате направленной на то соответствующей оперативно-розыскной работы¹⁸.

Все названные (и другие возможные) процессуально-правовые средства и методы специальной превенции подкупа и принуждения к даче ложных показаний реализуются в криминалистической деятельности субъектов доказывания по уголовным делам.

В первую очередь для этого необходимы обоснованные с точки зрения криминалистики принятие и реализация правоприменителями решений об использовании таковых средств, учитывающих сложившуюся (или складывающуюся) конкретную следственную/судебную ситуацию.

Особую значимость в изучаемом здесь отношении имеет тактически и методически грамотное использование информации, полученной от потерпевших, свидетелей (из заключения эксперта или специалиста), с тем чтобы ее источники преждевременно не стали известными заинтересованным в незаконном противодействии осуществляемому уголовному преследованию лицам. Иными словами, криминалистическими способами следует обеспечивать «предвосхищающую» превенцию возможных попыток подкупа или принуждения этих лиц с целью дачи ими ложных показаний: может, такие попытки по конкретному делу, в конкретной ситуации не будут иметь место, но ... следовательно всегда должен учитывать вероятность такого противоправного воздействия на источники указанной информации.

Несоблюдение этой, казалось бы, достаточно очевидной рекомендации не только оказывает негативное влияние на качество судопроизводства. Оно чревато – в зависимости от формы противоправного воздействия – созданием для этих лиц реальной опасности для физического и нравственного здоровья, а в отдельных ситуациях, увы, и для их жизни.

На этой наиболее экстремальной ситуации в заключение исследования остановимся более подробно.

К ликвидации «неудобных» свидетелей и потерпевших, соучастников преступления заинтересованные в соответствующем исходе судопроизводства лица прибегают, чаще всего, по делам о преступ-

лениях, совершенных организованными преступными группами (сообществами). В этих случаях убийцы руководствуются, как то показывает практика, двумя взаимосвязанными мотивами:

а) месть за данные лицом показания;

б) демонстрация другим лицами, которые могут дать по делу «обвинительные» показания, возможных последствий таковых и для них.

Приведем иллюстрирующие эти положения примеры из опубликованной следственной практики.

1. Обвиняемые в совершении ряда преступлений П. и М. 4 октября 2010 г. по сговору с Р. и А. (в отношении всех четверых была избрана мера пресечения в виде содержания под стражей) заявили ходатайства о заключении досудебных соглашений о сотрудничестве. Ходатайства этих лиц были прокурором удовлетворены, однако мера пресечения им (о чем эти лица также просили) по мотиву тяжести инкриминируемых преступлений изменена не была.

20 октября 2010 г. М. и П. были найдены мертвыми в камере СИЗО. Причиной смерти стало удушение. Рядом с убитыми была обнаружена записка: «Собаке – собачья смерть»¹⁹.

2. Оперативный сотрудник склонил члена преступного сообщества к даче уличающих показаний, а затем предъявил запись показаний лидеру данного сообщества в целях подтверждения своей осведомленности о его деятельности этого лидера.

На следующий день автор показаний был найден убитым и изуродованным, при этом весьма характерным способом, не оставляющим сомнений в мотивах убийства (ему был отрезан язык). «Более никто по этому делу, – пишет Е. В. Топильская в статье, из которой этот пример заимствован, – уличающих лидера показаний не давал»²⁰.

¹ Богданов В. Говорите, вас защищают // Рос. газета. 2014. 6 мая.

² Об этом см.: Баев О. Я. Методика расследования принуждения к даче показаний, подкупа или принуждения к даче ложных показаний, уклонению от дачи показаний. М., 2014.

³ См., например: Зеренков Э. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты подкупа и принуждения к лжесвидетельству и уклонению от дачи показаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 1999. С. 21.

⁴ См.: *Алилов Г. А.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 12.

⁵ *Алилов Г. А.* Указ. соч. С. 19.

⁶ О ряде теоретических и прикладных проблем «следственной тайны», применительно к теме нашего исследования см., например: *Маслов А. Е.* Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию : дис. ... канд. юрид. наук, Воронеж, 2001 ; *Его же.* Тайна предварительного расследования (Правовые и криминалистические средства обеспечения). Воронеж, 2003.

⁷ К слову, обязанность не разглашать данные предварительного следствия является, по сути, единственной, предусмотренной действующей ст. 53 УПК РФ обязанностью адвоката-защитника. Об этой проблеме, так же как и о других обязанностях защитника, см.: *Баев О. Я., Баев М. О.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовному делу. М., 2014.

⁸ *Халиков А. Н.* Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере. М., 2010. С. 380–381.

⁹ См.: *Мириев Б. А.* Окончание предварительного расследования в уголовном процессе Российской Федерации : вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 96–97.

¹⁰ См.: *Фирсов С. Н., Шубина Н. Ф.* Проблемные вопросы реализации статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному права на защиту. Саранск, 2013. С. 163.

¹¹ С учетом утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. № 586 Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы».

¹² URL: <http://www.rg.ru/2004/08/25/zakon-zashita.html-comments>

¹³ На эту проблему мы обращали внимание около десяти лет тому назад. См.: *Баев О. Я.* Структура и содержание обвинительного заключения в российском уголовном процессе : законодательная история и современные проблемы // Правовая наука и реформа юридического образования. Вып. 18. Процессуальное право и правовая культура. Проблемы взаимодействия и развития. Воронеж, 2005 ; *Его же.* Обвинительное заключение : структура и содержание // Уголовный процесс. 2007. № 4 (28).

¹⁴ См., например: *Борисов В. И.* Проблемы ответственности за подкуп или принуждение лица, дающего показания, эксперта, специалиста и переводчика в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012 URL: // <http://www.ruimvd.ru/>

¹⁵ Как выразился в связи с этим один из опрошенных нами следователей, «стоит ли в таком разе суетиться, отвлекаться от других дел, что-

бы, в конечном счете, суд человеку дал несколько тысяч штрафа, ... и то – в худшем для него случае».

¹⁶ См.: Приговор Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 24 апреля 2012 г. по уголовному делу № 1-14/2012. URL: <http://yandex.ru/clck/jsreidir?from>

¹⁷ См.: Рос. газета. 2014. 25 июля.

¹⁸ О таковой необходимости и ранее неоднократно обращалось внимание в литературе, в том числе в выполненной под научным руководством автора настоящей работы более десяти лет тому назад кандидатской диссертации А. И. Тесникова. См.: *Тесников А. И.* Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства о преступлениях, совершенных организованными группами. Воронеж, 2002.

¹⁹ URL: <http://www.liveexpert.ru/topic/view/243846> dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve

²⁰ *Топильская Е. В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве на примере модельного дела // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы) / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2010. С. 254, 255.

А. Р. Белкин

И КАК ЖЕ ВСЕ-ТАКИ БЫТЬ С ПОНЯТЫМИ?

О процессуальном статусе понятого мы неоднократно писали ранее¹, предлагая соответствующие поправки к ст. 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), теперь же остановимся на некоторых аспектах его участия в процессуальных действиях.

До 2013 г. в УПК РФ (ст. 170) участие понятых было предусмотрено при наложении ареста на имущество, осмотре и эксгумации, следственном эксперименте, обыске (в том числе и личном) и выемке, предъявлении для опознания и проверке показаний на месте, т.е. практически во всех случаях, за исключением допроса, очной ставки, освидетельствования, а также получения образцов для сравнительного исследования². Выдвигались и предложения о расширении этого списка³; однако в дальнейшем Федеральным

законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ число случаев, в которых участие понятых обязательно, было значительно сокращено.

Институт понятых имеет давнюю историю. Впервые в русском законодательстве он упоминается еще в «Уложении» 1649 г. Известный дореволюционный процессуалист профессор И. Я. Фойницкий писал о нем: «Это остаток старинного нашего института народного участия в уголовном суде, переродившегося в институт обеспечения подлинности происходящего перед данным органом власти и записываемого в протокол. По Своду законов (до Судебной реформы 1864 г. – А. Б.) он применялся шире, главным образом при допросах, для показаний; такое назначение понятых обуславливалось недоверием к полиции, производившей предварительное следствие, и должно было отпасть с переходом последнего в руки судебных следователей»⁴. Должно было, но не «отпало».

Статья 108 Устава уголовного судопроизводства предписывала приглашение понятых при производстве осмотров, обысков и освидетельствований, т.е. всех известных в то время следственных действий, за исключением допроса и очной ставки. Эта традиция была воспринята и советским законодательством.

В последней своей работе, задаваясь вопросом, приносит ли пользу институт понятых, Р. С. Белкин полагал, что «добросовестным, профессиональным и взвешенным может быть только отрицательный ответ». Впрочем, далее он несколько пророчески указывал: «Пессимистически глядя в будущее, я почти уверен, что глас криминалистов окажется гласом в пустыне и институт понятых в российском законодательстве благополучно доживет до следующей правовой реформы и, может быть, переживет и ее»⁵. Что ж, предсказание Р. С. Белкина сбылось очень скоро.

Как следует расценивать сохранение института понятых в современных условиях? Во всяком случае, конечно, не как одну из форм «участия общественности» в уголовном судопроизводстве, поскольку случайные люди общественности не представляют. Думается, это пережиток того же недоверия к объективности лица, ведущего расследование, своеобразное средство против фальсификации доказательств, хотя, как известно, проще и чаще всего фальсифицируются результаты допроса, при производстве которого понятые не присутствуют, что невольно наводит на мысль о целесообразности первоначального предназначения института понятых как такового.

Сходного мнения придерживались и авторы вводного Комментария к УПК РФ, указывавшие, что «институт понятых в уголовном судопроизводстве по-прежнему воспринимается как неотъемлемый атрибут процесса. Вместе с тем, представляется, что этот институт – не что иное как «презумпция недоверия следователю и дознавателю». И не только им, но и человеку вообще. Фактически участие понятых при производстве обыска, например, – это проявление настороженности как в отношении того, кто обыскивает, так и в отношении того, у кого производится обыск»⁶.

Достаточно распространена точка зрения, что квалифицированно оценить законность, целесообразность и эффективность действий следователя понятые практически не могут, поскольку обычно недостаточно компетентны и фактически превращаются в статистов, людей «для подписи». Подпись же они, как правило, ставят без колебаний и сомнений, полностью полагаясь на добросовестность следователя, которую оценить не в состоянии, за исключением редких случаев слишком откровенных подтасовок с его стороны или пренебрежения правилами здравого смысла, например, когда следователь не пересчитывает изымаемые при обыске деньги.

С другой стороны, как отмечает профессор П. А. Скобликов, представители прокуратуры США на вопрос, что в российском уголовном процессе представляется им наиболее интересным, заслуживающим заимствования, указали на институт понятых и высказали уверенность, что граждане США с большим энтузиазмом восприняли бы такое нововведение и охотно исполняли бы роль понятых⁷. И это при том, что, как у нас принято считать, доверие к правоохранительным органам у американских обывателей весьма высокое.

Ст. 170 УПК РФ сохраняла участие понятых в тех следственных действиях, в которых их требовал и УПК РСФСР. Сторонник привлечения понятых, О. Я. Баев приветствовал сохранение этого института в новом УПК РФ: «Мы <...> с удовлетворением отмечаем, что УПК предусмотрел необходимость привлечения понятых к достаточно широкому кругу следственных действий»⁸. Осталось лишь сказать, что мы не разделяли этого удовлетворения⁹.

Впрочем, в более поздней работе О. Я. Баев и Д. А. Солодов высказывали весьма интересную мысль, призванную обосновать и подкрепить необходимость сохранения института понятых:

участие понятых они считали обязательным «при производстве следственных действий, которые в тех же условиях, с участием одних и тех же лиц практически не повторяемы»¹⁰. Следуя этой логике, можно было видеть, что действия, упоминавшиеся в ст. 170 УПК РФ, действительно, требовали участия понятых; однако при этом было непонятно, почему законодатель исключил из этого списка освидетельствование (к слову, по УПК РСФСР это действие также требовало привлечения понятых). Возможно, имело смысл ратовать за то, чтобы вернуть обязательное участие понятых и для его производства.

Практически весьма интересный вопрос о необходимости сохранения в уголовном судопроизводстве института понятых вызывал и продолжает вызывать в последнее время большие споры. По мнению многих ученых, это просто анахронизм. Соглашаясь в целом с этой точкой зрения, мы также подчеркивали, что «привлечение понятых целесообразно лишь при производстве обыска и не столько для охраны закона от следователя, сколько для охраны самого следователя от возможных впоследствии клеветнических заявлений обыскиваемого»¹¹. Вместо столь радикального предложения в дискуссионном порядке мы предлагали компромиссную идею – исключить обязательное присутствие понятых при производстве тех следственных действий, в которых, помимо следователя, участвуют иные незаинтересованные лица, могущие при необходимости дать нужные показания о ходе и результатах следственного действия: специалисты, лица, предъявляемые для опознания вместе с опознаваемым, вспомогательные участники следственного эксперимента и другие¹², сохраняя предоставление следователю права приглашать понятых по своему усмотрению в том случае, когда он считает это нужным.

Однако секвестр, наложенный Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ на участие понятых, оказался куда более радикальным: понятые в обязательном порядке сохранены только при обыске, личном обыске, выемке электронных носителей информации и предъявлении для опознания. Еще в ряде случаев вместо участия понятых предусмотрено применение технических средств фиксации.

На наш взгляд, принятые поправки являются непродуманными и чреватые опасными для правосудия последствиями. Совершенно необоснованно из числа действий, в производстве

которых участие понятых обязательно, исключен осмотр. Между тем хорошо известно, что именно это действие оставляет широкие возможности для злоупотреблений. Отметим в связи с этим, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) сохраняет требование об обязательности участия двух понятых в аналогичных действиях (ст. 27.9–27.10 КоАП РФ). То же можно сказать и об освидетельствовании, на практике мало отличающемся от личного обыска (ст. 27.12 КоАП РФ).

Осмотр и выемка задержанной корреспонденции и фонограмм переговоров – эти действия в общем не предусматривают присутствия иных участников процесса, кроме следователя. Если и тут нет понятых, совершенно никакого контроля за действиями следователя нет.

Наконец, наложение ареста на имущество (хоть это и не следственное действие) фактически имеет много общего с выемкой и осмотром. И здесь, на наш взгляд, без понятых не обойтись, отсутствие их может открыть дорогу злоупотреблениям. И здесь опять же КоАП РФ сохраняет участие двоих понятых (ст. 27.14 КоАП РФ).

Особо отметим появление в части 1¹ ст. 170 УПК РФ пресловутых *технических средств фиксации хода и результатов следственного действия*. Что это такое, законодатель не оговаривает и не уточняет. В таком случае несколько фотографий, сделанных на камеру недорогого мобильного телефона, тоже могут считаться такими средствами (почему бы и нет?).

Вдобавок ко всему, в случае если по какой-то причине применение подобных средств невозможно (а собственно, почему?), следователь, оказывается, может просто записать в протоколе, что этих средств нет (объяснения причины невозможности законодатель не требует). На нет и суда нет.

Разумеется, если говорить о технических средствах, то это должна быть именно видеофиксация. Видеокамера давно уже не роскошь, а элемент повседневной жизни, и в случае, если все-таки фиксация невозможна, следует объяснить причину ее отсутствия и заменить хотя бы теми же понятыми.

Однако и видеофиксация отнюдь не панацея. Понятой – участник процесса, у него есть права и обязанности, он может быть допрошен по поводу обстоятельств производства того или иного

следственного действия¹³ и несет ответственность за правдивость своих показаний. Ни о чем подобном применительно к видеофиксации и говорить нельзя. Оператор видеосъемки фактически не является участником процесса, статус его не определен, согласия остальных участников на видеосъемку не требуется, и нигде не зафиксировано, что ему должно быть показано все, что случилось. Наконец, если вдруг у видеокамеры иссякло питание, следователь просто пометит в протоколе, что далее фиксация не могла производиться – и все.

Понятой же видит не только то, что ему явно показывают, он может быстро менять направление взгляда, реагировать на движения, замеченные периферическим зрением, слышать звуки, не улавливаемые видеокамерой, чувствовать запахи (например, запах алкоголя, исходящий от участника следственного действия), делать очевидные выводы из наблюдаемого¹⁴.

Кроме того, если относительно понятого прямо указано, что он должен быть незаинтересованным лицом, то видеооператор – это такой же сотрудник, фактически коллега следователя или дознавателя. Если же говорить о возможном коррупционном воздействии на понятого, то, как правильно, отмечает профессор П. А. Скобликов, «субъектом коррупции может стать и видеооператор (специалист), привлекаемый для участия в следственном действии, а также те, у кого хранится видеозапись, те, кому она передается для исследования, экспертизы и т.д. Причем объектив видеокамеры в нужный момент можно легко отвести от нежелательного объекта, нажать кнопку «пауза», стереть предыдущую и сделать новую «правильную» запись и т.д. и т.п.»¹⁵.

Итак, замена понятых техническими средствами фиксации представляется недостаточно обоснованной и неоправданно поспешной.

Риском предложить поправки к ст. 170 УПК РФ, которые не являются, строго говоря, полным откатом назад, но устраняют последствия излишней непродуманности поспешных преобразований:

Статья 170. Участие понятых

1. В случаях, предусмотренных ст. 115, 177–179, 182, 183 ч. 3¹, 184, 185 ч. 5 и 193 настоящего Кодекса, процессуальные действия производятся с участием не менее двух понятых, которые вызываются для удостоверения факта производства данного действия, его хода и результатов, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 настоящей статьи.

1¹. В случаях, предусмотренных ст. 181, 183 (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3¹), 186 ч. 7 и 194 настоящего Кодекса, понятые принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя.

2. В остальных случаях процессуальные действия производятся без участия понятых, если следователь по ходатайству участников уголовного судопроизводства или по собственной инициативе не примет иное решение.

3. В труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство процессуального действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, действия, предусмотренные ч. 1 и 1¹ настоящей статьи, могут производиться без участия понятых, о чем в протоколе процессуального действия делается соответствующая запись. Применение средств видеofиксации хода и результатов процессуального действия в указанных случаях является обязательным. Если в ходе процессуального действия применение технических средств видеofиксации невозможно, то производство такого действия в отсутствие понятых не допускается.

3¹. При видеосъемке хода и результатов процессуальных действий видеofиксации подлежат все существенные обстоятельства хода самого действия, обнаруженные предметы и документы и места их обнаружения. Сведения, зафиксированные в протоколе, но не зафиксированные средствами видеofиксации, могут быть признаны недопустимыми доказательствами.

4. В случае участия понятых следователь перед началом процессуального действия в соответствии с ч. 5 ст. 164 настоящего Кодекса разъясняет понятым цель данного действия, их права и ответственность, предусмотренные ст. 60 настоящего Кодекса.

Исходя из закона суду, производящему те или иные следственные (судебно-следственные) действия, понятые не нужны; однако явных указаний в законе на это нет. При этом ст. 288 и 289 УПК РФ содержат прямые отсылки к нормам ст. 181 и 193, соответственно, а для соответствующих следственных действий участие понятых обязательно. Представляется, что глава 35 УПК РФ могла бы быть дополнена отдельной новой ст. 251¹:

Статья 251¹. Участие понятых

1. Арест на имущество, накладываемый судом в ходе судебного заседания в порядке части 1¹ статьи 115 настоящего Кодекса, производится с участием понятых.

2. Все прочие процессуальные действия, производимые непосредственно судом, участия понятых не предусматривают.

В силу ч. 2 ст. 170, следователь мог принять решение о привлечении понятых и в этих случаях – так, хотя в ст. 202 УПК РФ понятые не упоминались, на практике, особенно при принудительном получении образцов, их нередко привлекали.

Впрочем, здесь же О. Я. Баев критиковал УПК РФ за появление в тексте ст. 170 термина «участие понятых» вместо «присутствие понятых»; нам же как раз термин «участие» представляется прямой более точным и правильным. Коль скоро законодатель продолжает требовать привлечения понятых, логично полагать, что понятые – не пассивные свидетели следственного действия. В частности, ч. 3 ст. 60 УПК РФ предоставляет им право участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол.

Нам неоднократно встречались случаи, когда именно допрос понятого позволял установить, что отдельные детали следственного действия ускользнули от его внимания (например, понятой видел сам обнаруженный предмет, но не заметил, где именно он был обнаружен).

¹ См.: *Белкин А. Р.* Участие понятых – анахронизм или необходимость? // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 6. М., 2010. С. 11–19 ; *Белкин А. Р.* УПК РФ : нужны ли перемены? М., 2013.

² В силу ч. 2 ст. 170 следователь мог принять решение о привлечении понятых и в этих случаях. Так, хотя в ст. 202 УПК РФ понятые не упоминались, на практике, особенно при принудительном получении образцов, их нередко привлекали.

³ См.: *Власова Н. А.* О некоторых направлениях совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики : материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). М., 2012. С. 20–23.

⁴ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. 2. С. 253.

⁵ *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 211.

⁶ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Вводный / под ред. проф. В. Т. Томина. М., 2002. С. 68.

⁷ См.: *Скобличков П. А.* Кому мешают понятия? Новая установка на модернизацию УПК // *ЭЖ-Юрист*. 2011. № 47. С. 3.

⁸ *Баев О. Я.* Новации норм доказательственного права в УПК РФ 2001 г. и проблемы их реализации // *Материалы Междунар. науч. конф. «50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина»*. Воронеж, 2002. С. 33.

⁹ Впрочем, здесь же О. Я. Баев критиковал УПК за появление в тексте ст. 170 термина «участие понятых» вместо «присутствие понятых»; нам же как раз именно термин «участие» представляется более точным и правильным. Коль скоро законодатель продолжает требовать привлечение понятых, можно полагать что понятие – не пассивные свидетели следственного действия. В частности, ч.3 ст. 60 УПК РФ предоставляет им право участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол.

¹⁰ *Баев О. Я., Солодов Д. А.* Производство следственных действий : криминалистический анализ УПК России. М., 2009. С. 38.

¹¹ *Белкин А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 454.

¹² См.: *Белкин А. Р.* Участие понятых – анахронизм или необходимость? С. 11–19.

¹³ Нами неоднократно фиксировались случаи, когда именно допрос понятого позволял установить, что отдельные детали следственного действия ускользнули от его внимания (например, понятой видел сам обнаруженный предмет, но не заметил, где именно он был обнаружен).

¹⁴ См.: *Скобличков П. А.* Кому мешают понятия? С. 3.

¹⁵ Там же.

С. Н. Боков

ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЗРАСТНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Несмотря на достаточно интенсивное развитие (и достигнутые в связи с этим реальные научно-практические достижения)

юридической психологии в нашей стране и в мире многие важные для практики вопросы в силу тех или иных обстоятельств все еще остаются вне поля юридико-психологических исследований. К их числу принадлежит и использование учения о возрастной периодизации психического развития в расследовании преступлений несовершеннолетних. В этой области нет ни системных отечественных научных исследований, ни англоязычных зарубежных публикаций (по данным интернет-поиска). Имеющиеся же работы оперируют малодифференцированными в психологическом понимании и в этом же аспекте практически незначимыми понятиями «несовершеннолетний» и «малолетний». Все это обусловило актуальность написания настоящей работы.

Существует много периодизаций возрастного развития. Детальность проработки периодизаций неодинакова для разных возрастов: периодизации детства и юности, как правило, привлекали больше внимания исследователей, чем периодизация зрелого возраста, поскольку развитие в зрелости не несет столь резких качественных изменений и содержательная периодизация зрелости затруднена.

Деление жизненного цикла человека на возрастные категории менялось со временем, оно культурно зависимо и определяется подходом к установлению возрастных рамок. В мировой психологической науке существует ряд отечественных и зарубежных теорий возрастной периодизации психического развития человека. Для лучшего понимания сути данной статьи необходимо изложить ведущие положения основных из них (наиболее важные в рамках темы статьи положения выделены нами курсивом).

Принято считать, что проблема возрастной периодизации психического развития чрезвычайно трудна и важна как для науки, так и для практики. Ее решение, с одной стороны, связано с представлениями о движущих силах и условиях психического развития, а с другой – влияет на стратегию построения системы общения (и воздействия) с представителями каждой возрастной группы.

В отечественной науке первую научную периодизацию на основе существенных признаков развития предложил Л. С. Выготский. По его мнению, для возраста как объективной категории характерны следующие моменты: хронологические рамки отдельного этапа развития, специфическая социальная ситуация развития, качественные новообразования. Под социальной ситуацией развития Л. С. Выготский понимал складывающееся к

началу каждого возрастного этапа развития своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его социальной средой. На всем протяжении периода возрастного развития социальная ситуация определяет динамику психического развития и возникающие новообразования, а также формы и путь, по которому они приобретаются.

Л. С. Выготским были сформулированы основные законы психического развития человека.

1. Развитие ребенка имеет сложную организацию во времени, свой *ритм, который не совпадает с ритмом времени* (год в младенчестве не равен году жизни в отрочестве). Такие ритмы развития характерны как для отдельных психических функций (памяти, речи, интеллекта и др.), так и для развития психики ребенка в целом.

2. Закон метаморфозы в развитии ребенка (*ребенок не просто маленький взрослый, а существо с качественно отличной психикой*).

3. Закон неравномерности развития: *каждая сторона в психике ребенка имеет свой оптимальный период развития*. Разные стороны личности, в том числе психические функции, развиваются неравномерно. Дифференциация функций начинается с раннего детства. Сначала выделяются и развиваются основные функции, прежде всего восприятие, затем более сложные. В раннем возрасте доминирует восприятие, в дошкольном – память, в младшем школьном – мышление.

4. Сочетание процессов эволюции и инволюции в развитии ребенка. Процессы «обратного развития» всегда вплетены в ход развития. То, что развивалось на предыдущем этапе, отмирает или преобразуется. Например, ребенок, научившийся говорить, перестает лепетать. У младшего школьника исчезают дошкольные интересы, некоторые особенности мышления, присущие ему раньше. Если же инволюционные процессы запаздывают, наблюдается инфантилизм: ребенок, переходя в новый возраст, сохраняет старые детские черты.

В качестве возрастных новообразований выступают новый тип строения личности и ее деятельности, психические изменения, возникающие в данном возрасте и определяющие преобразования в сознании человека, его внутреннюю и внешнюю жизнь. Это те позитивные приобретения, которые позволяют перейти к новой стадии развития.

Каждый возраст представляет собой целостную структуру, а не совокупность отдельных особенностей. В нем есть центральное новообразование, ведущее для всего процесса развития и характеризующее перестройку личности на новой основе. Вокруг центрального новообразования группируются все остальные, частные, новообразования, относящиеся к отдельным сторонам личности. С центральным новообразованием связаны центральные линии развития, а все остальные – с побочными. На следующей стадии центральные линии развития предыдущего возраста становятся побочными, а побочные выдвигаются на первый план. Таким образом, значение и удельный вес отдельных линий развития в структуре возраста меняются, перестраиваются на каждой стадии. Л. С. Выготским впервые было введено понятие зоны ближайшего развития, под которой он понимал расстояние между уровнем актуального развития индивида и уровнем его уже возможного на данном возрастном этапе (потенциального) развития.

В процессе развития происходит чередование стабильных и критических периодов. В стабильных периодах постепенно, медленно и неуклонно накапливаются количественные изменения, чтобы обнаружиться в критических периодах в виде скачкообразно возникающих необратимых новообразований. В критические периоды происходит перестройка социальной ситуации развития, связанная с изменением взаимоотношений человека с социальной средой и его отношением к самому себе. *Критические периоды характеризуются, прежде всего, тем, что границы, определяющие начало и конец кризиса, неотчетливы.* Они начинаются и заканчиваются незаметно. Но хотя кризисы – относительно краткие стадии, при неблагоприятных стечениях обстоятельств они могут растягиваться. Л. С. Выготским были выделены следующие кризисы возрастного развития: новорожденности (до 2 месяцев), 1 года, 3 лет, 7 лет, 13 лет, 17 лет.

Критические периоды достаточно бурные, изменения, происходящие в развитии, оказываются очень значительными. Для взрослых ребенок в эти периоды трудновоспитуем. Он находится в постоянном конфликте с окружающими, а также зачастую с самим собой. Воздействия, которые раньше успешно применялись, оказываются недейственными. Развитие во время кризиса имеет как бы негативный характер: то, что приобретено на предыдущей стадии, распадается, исчезает. Кризисные периоды характеризуются

ются обострением противоречий между новыми потребностями и старыми, отжившими формами взаимоотношений.

Несколько ранее Э. Торндайк и И. П. Павлов показали, что существуют и врожденные, и приобретенные формы поведения, в основе которых лежит условный рефлекс или ряд условных рефлексов. Развитие человека стало сводиться к проявлениям инстинктов и дрессуре. Возникли теории, согласно которым психика в своем развитии проходит три этапа: инстинкта, дрессуры и интеллекта. Генетически запрограммированными считаются интеллект, аморальные черты характера и др.

Э. Эриксон выделил следующие стадии жизненного пути личности, для каждой из которых характерна специфическая задача, выдвигаемая обществом.

Младенчество – доверие – недоверие.

Ранний возраст – автономия – сомнение, стыд.

Возраст игры – инициативность – чувство вины.

Школьный возраст – достижение – неполноценность.

Подростковый возраст – идентичность – диффузия идентичности.

Молодость – интимность – изоляция.

Зрелость – творчество – застой.

Старость – интеграция – разочарование в жизни.

Каждой стадии соответствуют свои уникальные формы поведения, отличающиеся от форм поведения других стадий, а формирование каждой формы идентичности сопровождается кризисом развития. Важным положением теории Э. Эриксона также является представление о кризисности развития. Кризисы присущи всем возрастным стадиям. Это «поворотные пункты», моменты выбора между прогрессом и регрессом.

Американскими исследователями (М. Мид, Дж. Уайтинг с сотр.) показана плодотворность сравнительного изучения возрастного развития в разных культурах – исследователи пришли к выводу о *детерминирующем влиянии возрастных этапов на восприятие человеком мира.*

Ж. Пиаже процесс развития сводит преимущественно к развитию интеллекта. Согласно ему, в развитии интеллекта выделяются три больших периода.

Период сенсомоторного интеллекта (0–2 года) – стадия допонятийного интеллекта. В рамках этого периода новорожденный воспринимает мир, не зная себя как субъекта, не понимая своих собственных действий. На этой стадии происходит становление и

развитие чувствительных и двигательных структур – сенсорных и моторных способностей.

Период конкретных операций (2–11/12 лет). В этом возрасте происходит постепенная интериоризация схем действий и превращение их в операции, которые позволяют ребенку сравнивать, оценивать, классифицировать, располагать в ряд, измерять и т. д. Центральными характеристиками умственной деятельности ребенка в этот период его познавательного развития являются эгоцентризм мышления и представление о сохранении. Внутри этого периода Ж. Пиаже выделил дооперациональную стадию, которая характеризует интуитивное, наглядное мышление в возрасте от 2 до 6/7 лет, и стадию конкретных операций (6/7–11/12 лет).

Период формальных операций (11/12–14/15 лет). В рамках формально-логического интеллекта мыслительные операции могут совершаться без опоры на чувственное восприятие конкретных объектов. Наличие этого уровня мышления позволяет подросткам решать задачи в уме, как бы «прокручивая» в голове все возможные варианты решения задачи, и только после этого опытным путем проверять предполагаемые результаты.

Заслуживает внимания периодизация возрастного развития, предложенная Л. Колбергом. Он сводит социальное развитие преимущественно к развитию морального сознания как последовательному прогрессивному процессу, выделяя в нем 6 стадий, объединяющихся в три уровня.

Первый – доморальный уровень. Нормы морали для ребенка – нечто внешнее. Он выполняет правила, установленные взрослыми, причем из чисто эгоистических соображений. Первоначально он ориентируется на наказание и ведет себя «хорошо», чтобы его избежать (1-я стадия). Затем начинает ориентироваться и на поощрение, ожидая получить за свои правильные действия похвалу или какую-нибудь другую награду (2-я стадия).

Второй уровень – конвенциональная мораль. Источник моральных предписаний для ребенка остается внешним. Но он уже стремится вести себя определенным образом из потребности в одобрении, в поддержании хороших отношений со значимыми для него людьми. Ориентация в своем поведении на оправдание ожиданий и одобрение других характерна для 3-й стадии, на авторитет – для 4-й. Этим определяется неустойчивость поведения ребенка, зависимость его от внешних влияний.

Третий уровень – автономная мораль. Моральные нормы и принципы становятся собственным достоянием личности, т.е. внутренними. Поступки определяются не внешним давлением или авторитетом, а своей совестью: «на том стою и не могу иначе». Сначала появляется ориентация на принципы общественного благополучия, общественные законы, принятые на себя обязательства перед обществом (5-я стадия), потом – на общечеловеческие этические принципы (6-я стадия).

Все дошкольники и примерно две трети семилетних детей находятся на доморальном уровне развития. Этот низший уровень развития морального сознания сохраняется у части детей и позже – у одной трети в 10 лет и 10 % в 13–16 лет.

Многие дети к 13 годам решают моральные проблемы на втором уровне, им присуща конвенциональная мораль. Развитие высшего уровня морального сознания связано с развитием интеллекта: осознанные моральные принципы не могут появиться раньше подросткового возраста, когда формируется логическое мышление.

Таким образом, совершенно очевидно, что возраст несовершеннолетия не является по своим психологическим и социальным характеристикам ровным и неизменным. Абсолютно все исследователи выделяют (в тех или иных формах) и этапы возрастного развития, и его кризисы. При этом происходит метаморфизация всей психосоциальной сущности ребенка, которая приводит к тому, что на каждом этапе возрастного развития мы имеем дело с совершенно новой личностью, к которой уже невозможно осуществлять поведенческие подходы, свойственные предыдущему этапу. Подобное положение уже давно стало аксиоматичным в педагогике – выделяют дошкольное образование, образование младшего, среднего и старшего школьного возраста; при этом каждому возрастному уровню образования свойственны свои, отличающиеся от другого уровня, образовательные и воспитательные подходы. Учет возрастных этапов развития имеет место и в организации медицинской помощи детям. В связи с этим является совершенно очевидной необходимость разработки методических и тактических подходов в расследовании преступлений несовершеннолетних с *учетом периода возрастного развития*. Без такого подхода, когда используются некие общие, базирующиеся на стереотипных представлениях и «здравом смысле» (и весьма далекие, по сути, от реальности) положения о «несовершеннолетних» и «малолетних», добиться эффективности расследования просто невозможно.

О ПРОБЛЕМАХ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ

В условиях интенсивного роста количества доказательств по уголовным делам, представляемых в электронном виде, новый импульс получило развитие криминалистического учения о собирании доказательств. Практика правоприменения в сфере уголовного судопроизводства все чаще сталкивается с проблемами правового регулирования условий и порядка использования в доказывании информации в электронном виде и электронных носителей информации как относительно нового источника сведений, имеющих доказательственное значение. В то же время усилия законодателя по совершенствованию соответствующих правовых норм не в полной мере учитывают научные положения, отражающие современный уровень развития учения о фиксации доказательственной информации. Законотворческие инициативы в этой сфере не носят системного характера и направлены прежде всего на обеспечение дополнительной защиты прав предпринимателей в ходе расследования уголовных дел в случае изъятия у них электронных носителей, содержащих значимые для хозяйственной деятельности сведения.

В 2012 г. ст. 81 и 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) дополнены нормами, закрепившими порядок возврата предметов, изъятых в ходе досудебного производства, в том числе электронных носителей информации, их хранения и копирования с них информации по ходатайству законного владельца в случаях отсутствия возможности возврата изъятого носителя информации. Кроме этого, внесены дополнения в ст. 182 и 183 УПК РФ, согласно которым при производстве обыска или выемки электронные носители информации изымаются с участием специалиста и по ходатайству законного владельца изымаемых носителей с них осуществляется копирование информации¹.

Закрепление в законе понятия электронного носителя информации без его разъяснения вынуждает правоприменителя

для уяснения его сущности обращаться к иным нормативным актам и документам. Отметим, что в справке Государственно-правового управления, комментирующей принятие указанного Федерального закона, в качестве электронных носителей информации названы компьютерные блоки, серверы, ноутбуки и карты памяти². Полагаем, такой перечень не может быть применим в следственной практике. Думаем, что ввиду использования в законе технического термина, для его толкования будет оправданным обращение к понятию, которое дает ГОСТ 2.051-2013: «Электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники»³. Однако такое определение, на наш взгляд, не вносит достаточной ясности в отношении круга объектов, при изъятии которых должны применяться указанные нормы УПК РФ.

Объектами, которые без сомнения подпадают под приведенное определение ГОСТ, являются носители информации, не являющиеся частью другого устройства и реализующие функцию хранения информации в качестве основной. Сюда следует отнести:

- внешние накопители на жестких магнитных дисках, в том числе подключаемые через интерфейс USB;
- оптические носители информации (CD, DVD, Blu-ray диски);
- карты флэш-памяти в различном конструктивном исполнении.

В настоящее время перечисленные электронные носители информации являются наиболее распространенными. Их повсеместное применение предопределили небольшие габариты, простота использования, надежность и невысокая стоимость. В то же время при проведении следственных действий в отдельных случаях еще могут быть обнаружены и практически вышедшие из употребления носители информации: дискеты (накопители на гибких магнитных дисках), накопители на магнитной ленте (кассеты стримеров), магнитооптические диски и диски для устройств Zip-drive.

Кроме того, электронными носителями информации являются установленные в средствах вычислительной техники внутренние накопители на жестких магнитных дисках (НЖМД, «винчестер»). Именно на таких устройствах, входящих в состав серверов компаний и персональных компьютеров сотрудников, наиболее часто находится информация, представляющая особый интерес для следствия.

Отметим, что, придерживаясь данного в ГОСТ 2.051-2013 определения, к электронным носителям информации следует относить все устройства, реализующие функцию записи, хранения и воспроизведения информации. Соответственно, к ним должны быть причислены и широко используемые в различных изделиях интегральные микросхемы памяти. Так называемые устройства или модули памяти – оперативные запоминающие устройства (ОЗУ) и постоянные программируемые запоминающие устройства (ППЗУ) – входят в состав многих современных объектов: лабораторных и офисных приборов, объектов бытовой техники, сувениров, игрушек и др. Электронные устройства памяти присутствуют в современных платежных картах и даже в паспорте гражданина Российской Федерации для хранения биометрических данных его владельца⁴. Как правило, в ППЗУ «прошито» постоянно используемое программное обеспечение либо хранится определенный набор данных, которые могут быть считаны с применением специализированных устройств. В ОЗУ программы или данные загружаются временно и сохраняются в течение сеанса обработки до отключения питания.

Полагаем, что не все из общего многообразия современных электронных устройств, использующихся для записи, хранения и воспроизведения информации, должны однозначно подпадать под действие анализируемых норм УПК РФ. Очевидно, что к отдельным из указанных устройств закрепленный в этих нормах порядок практически неприменим. Думаем, что перечень электронных носителей информации, к которым применяется особый порядок изъятия, следует определить более четко. Например, представляется излишним участие специалиста в изъятии обнаруженных на месте обыска внешних НЖМД, компакт-дисков, карт флэш-памяти. Такие объекты без какого-либо ущерба проведению следствия и интересам их владельца могли бы быть самостоятельно упакованы следователем и впоследствии направлены на экспертизу. Тем не менее закрепленный в законе порядок изъятия делает участие специалиста в данном действии обязательным, что на практике не всегда оправданно усложняет проведение расследования.

Добавим, что законодатель, закрепляя требование об обязательном участии специалиста в производстве обыска и выемки, прежде всего, на наш взгляд, преследовал цель обеспечить за-

конные интересы владельцев носителей информации или обладателей содержащейся на них информации. Использование термина «электронный носитель информации» в соответствующих нормах не является ключевым. Очевидно, основное значение придается правильному вводу в уголовный процесс хранимой на таких носителях криминалистически значимой информации. Соответственно, применение указанных норм направлено не на все обнаруженные носители, а только лишь на те, которые содержат или могут содержать такую информацию.

Вообще, позиция законодателя относительно роли специалиста при производстве выемки и обыска, связанных с изъятием электронных носителей информации, заслуживает отдельного обсуждения. Норма об обязательном участии специалиста в указанных следственных действиях была закреплена в ст. 182 и 183 УПК РФ одновременно с нормой, устанавливающей требование к специалисту осуществить копирование информации на другие носители, предоставленные законным владельцем изымаемых носителей или обладателем содержащейся на них информации, по их ходатайству. Это позволяет предположить, что необходимость участия специалиста связывается с его обязанностью произвести копирование информации с изымаемых носителей при наличии ходатайства определенных в законе лиц. В таком случае изъятие электронных носителей информации при производстве обыска и выемки, если ходатайство на копирование информации не заявлено, не требовало бы присутствия специалиста.

Однако правомерна и иная точка зрения, согласно которой участие специалиста направлено, главным образом, на грамотное проведение изъятия электронных носителей информации и обеспечение их правильного хранения в последующем, а копирование информации выступает для него лишь сопутствующей задачей. Очевидно, законодателю стоило бы дать более четкую регламентацию этого обстоятельства.

Обратим внимание и на то, что согласно п. 2.1 ст. 82 УПК РФ в случае невозможности возврата электронных носителей информации, изъятых при производстве неотложных следственных действий, в порядке, аналогичном предусмотренному ст. 182 и 183 УПК РФ, при наличии ходатайства владельца с них выполняется копирование информации. Остается неясным, допускается ли при этом производство указанных неотложных следственных действий без участия специалиста.

Отмеченная неполнота законодательной регламентации порядка изъятия электронных носителей информации оставляет органы предварительного расследования в ситуации неопределенности при подготовке и производстве обыска и выемки, предполагающих такое изъятие. В этой ситуации можно лишь рекомендовать следователю привлекать специалиста к производству обыска и выемки во всех случаях возможного изъятия электронных цифровых устройств и отдельных электронных носителей информации.

Планируя производство обыска или выемки с целью обнаружения доказательственной информации в электронном виде, следователь должен учитывать рекомендации тактического характера, направленные на то, чтобы обеспечить достоверность, полноту и своевременность получаемых доказательств при условии минимизации негативных последствий возможного изъятия носителей для их владельцев.

Проведению следственного действия, связанного с изъятием электронных носителей информации, должна предшествовать подготовка, важным аспектом которой является мысленное моделирование следователем возможной обстановки следственного действия и признаков объектов, в том числе электронных носителей информации, потенциально являющихся предметом изъятия. Для этого необходимо тщательно изучить обстоятельства дела и собрать ориентирующую информацию о предмете обыска, месте его проведения, личности обыскиваемого.

Следователь должен учитывать особенности маскировки объектов поиска. Предполагая возможность изобличения, преступник может принимать меры к сокрытию мест хранения информации, содержащей следы его преступной деятельности. Маскировка может осуществляться путем изменения местоположения электронного носителя внутри системного блока или помещения носителя за пределы системного блока⁵. Внешне электронный носитель может выглядеть как предмет, не имеющий отношения к компьютерной технике (брелок, сувенир, игрушка и т.п.).

Нередко для хранения информации используются носители, принадлежащие другим пользователям, доступ к которым обеспечивается за счет использования сетевых возможностей. В последнее время все большее распространение получает хранение больших объемов компьютерных данных в так называемых облачных хранилищах, расположенных на удаленных сетевых сер-

верах. Это обстоятельство должно обязательно учитываться при поиске криминалистически значимой информации. Признаки дистанционного использования носителей информации могут быть выявлены при обращении к журналам событий, формируемым операционной системой. Возможно, потребуется выполнение некоторых нехарактерных для обычного обыска и выемки мероприятий, таких, например, как определение конфигурации вычислительной системы, топологии внутренних компьютерных сетей, используемой схемы подключения к глобальным сетям и др.

Необходимо также учитывать, что различными типами карт флэш-памяти оснащено большинство современных электронных цифровых устройств (смартфоны, планшеты, фотоаппараты, электронные книги, медиа-плееры, видеорегистраторы и т.п.). Преступники могут умышленно скрывать значимую информацию путем ее записи на флэш-карту, помещенную в устройство, которое данную информацию может не распознавать. Например, висящая на стене фоторамка может иметь карту памяти, на которой наряду с файлами фотоснимков записаны иные файлы, не воспроизводимые данным устройством. Более того, текстовая информация может быть зашифрована либо скрытно размещена в файлах иных типов с использованием методов стеганографии. В таком случае для ее выявления потребуется применение алгоритмов криптоанализа и стеганоанализа в лабораторных условиях при проведении специализированных экспертиз.

Личный обыск заинтересованных в исходе расследования лиц позволяет обнаружить носители с ценной информацией и устройства сотовой связи, содержащие информацию о контактах владельца, состоявшихся сеансах связи, отправленных и принятых сообщениях, иные криминалистически значимые сведения. Добавим, что указанным лицам в ходе следственного действия нельзя предоставлять доступ к обнаруженным носителям, поскольку они могут умышленно физически повредить носители и нанести ущерб хранимой на них информации (например, путем воздействия электромагнитных полей).

При производстве обысков у подозреваемых следует искать тайники, где могут храниться сменные компьютерные носители информации. С помощью специалиста необходимо вскрывать корпус аппаратных средств компьютерной техники, чтобы обнаружить специально отключенные внутренние носители информации (например, дополнительный жесткий диск).

С точки зрения соблюдения прав граждан важно, чтобы следователь, производящий следственное действие, не допускал изъятия носителей информации, не имеющих значения для расследования и использующихся в правомерной деятельности. Компьютерная техника и отдельные электронные носители могут изыматься только при условии, что они могут стать вещественным доказательством в совершенном преступлении. Однако и в этом случае необходимо в полной мере реализовать возможности получения доказательственной информации без изъятия электронных носителей.

В уголовно-процессуальном кодексе нет прямых ограничений на использование в доказывании электронных носителей с записью копий файлов, имеющих доказательственное значение. Однако такое использование в уголовном судопроизводстве встречает ряд препятствий. Одно из наиболее важных – преобладающее до сих пор в среде юристов настороженное отношение к «электронным доказательствам», вызванное убежденностью, что данные источники сведений легко фальсифицируются, а факт внесения изменения в содержание информации выявить почти невозможно.

В связи с этим складывается не вполне оправданная практика работы со средствами компьютерной техники и электронными носителями информации (в узком понимании). При производстве следственных действий следователи и дознаватели стараются изъять все возможные объекты, на которых, по их мнению, могут присутствовать файлы, имеющие значение для расследования преступления. Тем самым они якобы предотвращают уничтожение информации, боятся от возникновения в дальнейшем сомнений в достоверности полученных доказательств, поскольку получают первоисточник сведений, имеющих доказательственное значение. Однако изъятие предмета в натуре и его консервация являются далеко не единственной формой фиксации доказательственной информации. В ряде же случаев с учетом закономерностей механизма слеодообразования на носителях электронной информации такой подход вообще не приемлем. В частности, нельзя сохранить данные, находящиеся в оперативной памяти средств компьютерной техники, путем изъятия и консервации этих средств, поскольку выключение питания ведет к уничтожению данных (или их изменению при использовании режима гибернации). Напротив, попытка длительного поддержания рабоче-

го состояния мобильного устройства способна привести к перезаписи информации и изменению интересующих следствии данных в процессе его функционирования. В результате можно потерять ценные сведения о программах, которые выполнялись на компьютере, об обрабатываемых данных, иную значимую информацию (особенно защищенную средствами криптографической защиты, если пользователь не успел закрыть криптоконтейнер ввиду внезапности следственного действия).

Достаточно сложно зафиксировать сведения, хранящиеся на НЖМД серверов путем их изъятия. Современные технологии, применяющиеся для хранения и обработки больших массивов данных, опираются на сложную архитектуру множества серверов, нередко находящихся на значительном расстоянии друг от друга. Такая совокупность серверов выступает в качестве единого хранилища информации, и физическое изъятие отдельных устройств или какой-то их части может фактически исключить возможность восстановления интересующих следствии данных.

Не всегда является обоснованным и изъятие персональных компьютеров, их винчестеров, ноутбуков, планшетов, смартфонов и других «мобильных» средств компьютерной техники. Такие средства достаточно часто изымаются с целью их исследования для обнаружения информации, имеющей значение для расследования преступления. Однако в рамках судебной компьютерной экспертизы объектом применения методов поиска информации будет выступать не представленный на исследование электронный носитель информации, а иной носитель, на который эксперт предварительно записывает информацию путем посекторного копирования данных с представленного на исследование объекта⁶.

Таким образом, с криминалистической точки зрения во многих ситуациях производства следственных действий копирование информации в электронном виде, имеющей значение для расследования, является вполне приемлемой альтернативой изъятию электронных носителей, изначально содержавших эту информацию, а в ряде случаев – единственно возможной формой ее фиксации.

Добавим, что существующие программные средства и оборудование, позволяющие при производстве следственного действия выполнять посекторное копирование, копирование с созданием образа файлов, каталогов, разделов, диапазона секторов и вы-

числения их хеш-функции, обеспечивают достоверность получаемых данных и возможность проверки их подлинности на всех этапах уголовного судопроизводства.

Однако в полной мере реализация на практике возможностей копирования для фиксации доказательственной информации, хранящейся в электронном виде, затруднена следующим обстоятельством. Статья 183 УПК РФ в качестве основания производства выемки закрепляет необходимость *изъятия* определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если точно известно, где и у кого они находятся. Норма данной статьи, регламентирующая порядок участия специалиста при производстве выемки, предусматривает обязательное его приглашение только при *изъятии* электронных носителей информации. Такое требование в значительной мере ограничивает возможность использования выемки для фиксации доказательственной информации. В частности, при необходимости зафиксировать хранящуюся в какой-либо организации на носителях системы видеофиксации информацию о действиях преступников на месте кражи следователь вправе при производстве выемки только изъять винчестер записывающего устройства либо все устройство. Скопировать интересующую информацию с носителя, не нанося тем самым ущерб владельцу оборудования видеофиксации, при выемке не допускается. Учитывая это, следователи в бесконфликтных ситуациях заранее просят владельца оборудования скопировать интересующие их файлы на другие носители (CD, DVD), а затем проводят выемку и изымают электронный носитель с копиями требуемых файлов.

Такой вариант получения доказательств трудно назвать допустимым. Прежде всего, теряется возможность процессуального удостоверения факта появления копии информации, имеющей доказательственное значение. Не исключается и возможность манипуляций с файлами со стороны лиц, производящих копирование, если об их заинтересованности в исходе расследования следователю неизвестно. Ошибки в выборе метода копирования и объема копируемой информации, совершаемые лицом, не имеющим специальных знаний, могут в последующем вообще исключить возможность использования полученных данных в качестве доказательств.

Если при производстве иных следственных действий осуществляется копирование информации в электронном виде, то носи-

тель с копиями файлов прилагается к протоколу следственного действия (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). Дальнейшее его использование в качестве самостоятельного доказательства связано с необходимостью принятия соответствующего процессуального решения. Достаточно сложным на этом этапе является определение вида доказательства, в качестве которого должен быть приобщен указанный носитель. В уголовно-процессуальном законе не приведены четкие критерии разграничения вещественных доказательств и иных документов. Если, например, на электронном носителе информации записана копия базы данных программы бухгалтерского учета какого-либо предприятия или организации, то вывод об отнесении данного объекта к числу вещественных доказательств или иных документов является весьма затруднительным. Это вынуждает правоприменителя использовать иные пути получения доказательств для снижения риска процессуальной ошибки. Однако при этом увеличиваются тактические риски потери доказательственной информации и значительно усложняется процесс доказывания.

Таким образом, развитие средств и методов доказывания в современных условиях должно осуществляться с учетом результатов криминалистических исследований механизма следообразования на электронных носителях информации, выявления криминалистически значимых закономерностей накопления, хранения, обработки и распространения информации в электронном виде. Оно должно сопровождаться совершенствованием соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок собирания доказательств и использования специальных знаний в доказывании.

¹ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 31. Ст. 4332.

² См.: Уточнен порядок изъятия и возвращения электронных носителей в ходе расследования уголовных дел. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16111>

³ Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. ГОСТ 2.051-2006 : приказ Росстандарта от 22 ноября 2013 г. № 1628-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О паспорте гражданина Российской Федерации, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации за пределами территории

Российской Федерации, содержащем на электронном носителе информации дополнительные биометрические персональные данные его владельца : Указ Президента РФ от 29 декабря 2012 г. № 1709 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 7861.

⁵ См.: *Варданян А. В., Никитина Е. В.* Расследование преступлений в сфере высоких технологий и компьютерной информации. М., 2007. С. 187.

⁶ *Саенко Г. В., Тушканова О. В.* Компьютерная экспертиза. Исследование компьютерной информации // Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов : науч.-практ. пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. М., 2011. С. 189–190.

А. И. Гайдин, А. В. Пучнин

ПРОВЕРКА ИНФОРМАЦИИ О ДОЛЖНОСТНЫХ ХИЩЕНИЯХ

Присвоение и растрата в подавляющем большинстве выявляются в результате:

а) осуществления целенаправленных оперативно-розыскных мероприятий по выявлению соответствующих преступлений оперативными подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями;

б) осуществления проверочных мероприятий по заявлениям руководителей или иных лиц предприятий о совершенном преступлении;

в) осуществления проверочных мероприятий по фактам наличия излишков или недостачи товарно-материальных ценностей и денежных средств у отдельных материально ответственных лиц, установленных в рамках контрольно-ревизионной деятельности на предприятии;

г) проверки фактов задержания сотрудниками ГИБДД или участковыми инспекторами полиции транспортных средств, перевозящих имущество без сопроводительных документов.

Чаще других при предварительной проверке, а затем и при расследовании изучаются следующие версии о причинах недостачи:

- результат хищения;
- следствие краж товаров и других ценностей посторонними лицами;
- результат сверхнормативной потери из-за недостатков в условиях хранения;
- следствие обмана со стороны поставщика или получателя;
- результат ошибок в учете, допущенных материально ответственным лицом, работниками бухгалтерии;
- следствие ошибок в работе: просчетов при отпуске или продаже товаров;
- результат халатности материально ответственных лиц.

Подавляющее большинство дел рассматриваемой категории заставляет сотрудника органа дознания при любой из названных версий проверить, когда именно образовалась недостача и не скрывалась ли она систематически, установить ее размер за весь период в нарастающем итоге.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела следователь должен располагать материалами, в которых содержатся сведения:

- а) о собственнике, которому причинен материальный ущерб (полное официальное наименование предприятия, его юридический адрес, учредители, кем и когда оно зарегистрировано);
- б) о характере и размере материального ущерба;
- в) о нормах материального права, которые были нарушены действиями субъекта при совершении деяния;
- г) о лице, причастном к совершенному деянию;
- д) об основании вверения субъекту товарно-материальных ценностей и денежных средств;
- е) подтверждающие факт передачи субъекту материальных ценностей;
- ж) подтверждающие отсутствие вверенного субъекту имущества;
- з) о конкретных действиях, направленных на изъятие и незаконное удержание, потребление или передачу другим лицам имущества или денежных средств;
- и) о возможности субъекта распоряжаться похищенным имуществом;

к) об обстоятельствах, разграничивающих хищение и временное «позаимствование»;

л) о наличии преступной группы (организованной преступной группы);

м) об использовании субъектом своего служебного положения.

Установление двух последних обстоятельств является основанием для возбуждения уголовного дела по ч. 3 или ч. 4 ст. 160 УК РФ, по которому необходимо производство предварительного следствия.

Рассмотрим, каким образом получают сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению (какие мероприятия производятся до возбуждения уголовного дела и какие материалы необходимо собрать в результате их производства).

Установление собственника похищенного имущества осуществляется на основе документов, в которых содержатся сведения о полном официальном наименовании предприятия, его юридическом адресе, учредителях, кем и когда оно зарегистрировано. К данным документам относятся учредительный договор, устав предприятия, выписка из единого государственного реестра юридических лиц. Копии устава и учредительного договора могут быть получены на самом предприятии, где произошло хищение по мотивированному запросу правоохранительных органов. Выписка из единого государственного реестра запрашивается в районной налоговой инспекции по месту регистрации юридического лица.

Характер и размер материального ущерба устанавливаются посредством опроса руководителя предприятия, главного бухгалтера, иных лиц – работников предприятия. В их объяснениях должно быть отражено:

- какое конкретно имущество было похищено, его объем;
- находилось ли имущество на балансе предприятия;
- предположительная сумма ущерба;
- где находилось похищенное имущество (хранилось, перевозилось, использовалось);
- кому оно было вверено, кто имел полномочия им распоряжаться;
- какие документы подтверждают передачу имущества;
- когда и в результате каких действий установлено исчезновение материальных ценностей;

- кто непосредственно выявил данный факт;
- откуда стало известно о факте исчезновения или хищения имущества.

Кроме того, характер и размер похищенного устанавливается справкой о балансовой стоимости имущества, результатами инвентаризации и ревизии, документами, подтверждающими передачу имущества субъекту, расходными кассовыми ордерами о выдаче наличных денежных средств подотчетным лицам, справками из торговых организаций о средней рыночной стоимости похищенных товаров.

Преступление в сфере экономической деятельности всегда связано с нарушением каких-либо актов, регулирующих данную деятельность. Поэтому необходимо установить, какие регулирующие нормы были нарушены, поскольку это и будет составлять диспозицию статьи и описание преступления в постановлении о возбуждении уголовного дела. К нормам материального права, нарушаемым присвоением или растратой, относятся, прежде всего, положения, закрепленные в Трудовом кодексе Российской Федерации¹.

В отношении лица, совершившего присвоение или растрату, необходимо отметить, что требование УПК при возбуждении уголовного дела связывается лишь с наличием установления признаков преступления, но не лица, его совершившего. Вид деятельности, регулируемой законом, в которой совершено преступление, связывается в большинстве случаев с конкретным лицом, осуществляющим эту деятельность. Данное обстоятельство относится и к хищению в форме присвоения или растраты. Так как эта деятельность лица находит свое отражение в документах, то требуется установление конкретных субъектов преступной деятельности. То есть, если установлен вред и вид деятельности, в результате которой наступил этот вред, то при документальном закреплении действий этой деятельности в большинстве случаев можно установить причинителя вреда. Однако сами дела зачастую возбуждаются по факту, а не в отношении лица, для избежания случаев возможной реабилитации.

Материалами, содержащими сведения о лице, совершившем хищение, являются показания очевидцев и иных лиц, располагающих сведениями о совершенном преступлении; документы о передаче материальных ценностей и денежных средств; материалы инвентаризации и ревизии; трудовой договор; документы,

подтверждающие реализацию похищенного имущества; акты изъятия имущества.

Основанием вверения субъекту товарно-материальных ценностей и денежных средств являются трудовой договор, должностная инструкция, договор о полной материальной ответственности.

Перечни работ и категорий работников, с которыми могут заключаться указанные договоры, а также типовые формы этих договоров утверждаются в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации².

Документами, подтверждающими факт передачи субъекту материальных ценностей, являются товарно-транспортные накладные, накладные о внутреннем движении материальных ценностей, акты оприходования имущества, расходные кассовые ордера о выдаче наличных денежных средств подотчетному лицу, должностная инструкция и некоторые другие документы.

Отсутствие материальных ценностей или денежных средств устанавливается актом инвентаризации, протоколом осмотра места происшествия, показаниями очевидцев.

Конкретные действия, направленные на изъятие, незаконное удержание, потребление или передачу другим лицам имущества или денежных средств, т.е. объективная сторона преступления, отражаются в показаниях заподозренного лица, очевидцев, соучастников, лиц, кому было передано похищенное имущество, в материальных следах, закрепленных в протоколе осмотра места происшествия, актах изъятия похищенного имущества, документах, содержащих признаки материального и интеллектуального подлога.

Наибольшую трудность представляет установление действий по растрате денежных средств. Необходимо установить конкретные действия, которыми осуществлялось, например, расходование подотчетных денежных средств. Если это производилось не разово, то необходимо устанавливать все случаи приобретения субъектом на похищенные деньги различных товаров и их местонахождение. Это определяется путем получения показаний от лиц, которым известны соответствующие факты, изъятием документов, подтверждающих сделки с имуществом, если оно не было употреблено до момента изъятия.

Возможность субъекта распоряжаться похищенным имуществом и обстоятельства, разграничивающие хищение и времен-

ное позаимствование, относятся к оценочным понятиям. Момент окончания преступления связан с возможностью субъекта распорядиться имуществом. В отношении материального имущества данный момент наступает, когда ценности изъяты из фондов собственника и перемещены за территорию предприятия. В каждом конкретном случае оценка возможности распорядиться имуществом осуществляется на доследственной стадии на основе показаний самого субъекта, протоколов осмотра места происшествия, актов изъятия похищенного имущества, объяснений очевидцев.

Для отграничения временного позаимствования от хищения необходимо установить время, в течение которого имущество находилось у заподозренного в пользовании. Если имущество растрачено, то это является обстоятельством, указывающим на то, был ли умысел субъекта направлен на хищение. Значимым обстоятельством, указывающим на хищение, является установление активных действий, направленных на сокрытие незаконного изъятия, а также действий, связанных с сокрытием преступления в учетной документации. Данное обстоятельство указывает на то, что по присвоению и растрате на стадии предварительной проверки необходимо устанавливать способ совершения преступления с наибольшей вероятностью (действия по подготовке, совершению и сокрытию хищения)³.

При установлении незаконного удержания подотчетных денежных сумм трудности могут возникнуть в отграничении временного позаимствования, если на предприятии нарушается кассовая дисциплина.

Лица, получившие наличные деньги под отчет, обязаны не позднее трех рабочих дней по истечении срока, на который они выданы, или со дня возвращения их из командировки предъявить в бухгалтерию предприятия отчет об израсходованных суммах и произвести окончательный расчет по ним. Выдача наличных денег под отчет производится при условии полного отчета конкретного подотчетного лица по ранее выданному ему авансу⁴. При нарушении финансовой дисциплины и попустительстве главного бухгалтера подотчетные лица зачастую нарушают сроки отчетности. Нередки случаи, когда с разрешения главного бухгалтера им выдаются новые суммы без полного отчета о полученных ранее. В таких ситуациях достаточно сложно установить время хищения и отграничить временное позаимствование

от незаконного удержания или растраты, так как ревизионные методы не позволяют сделать это. Возбудить уголовное дело по признакам хищения возможно только тогда, когда он включил в авансовый отчет подложные документы, оправдывающие расход денежных средств.

При поступлении материалов, служащих поводом к возбуждению уголовного дела, в тех случаях, когда тот или иной факт в отдельности не может служить основанием для возбуждения уголовного дела о хищении, возникает необходимость в дополнительной проверке данных, содержащихся в поступивших материалах, в целях выявления других признаков. Такая проверка может осуществляться в следующем порядке:

- истребование дополнительных документов и их анализ;
- получение объяснений от соответствующих лиц;
- постановка вопроса перед руководителями организаций (предприятий, учреждений) о проведении инвентаризации товарно-материальных ценностей и документальной ревизии, если эти действия ранее не были осуществлены⁵.

Истребованные нормативные документы, регулирующие деятельность конкретного предприятия, тщательно изучаются.

При этом необходимо составить четкое представление о структуре и характере деятельности предприятия, в котором совершаются хищения, функциях его должностных лиц, познакомиться с порядком учета, отчетности, охраны имущества, а также изучить документы, которыми оформляются операции по передаче товарно-материальных ценностей.

Полезны в этих целях беседы с работниками аналогичных по характеру деятельности организаций, консультации с соответствующими специалистами, изучение справочной литературы.

Однако следует избегать неоправданного промедления в проведении такого рода проверок, поскольку оно может значительно осложнить следственную ситуацию после возбуждения уголовного дела.

В случае необходимости проведения инвентаризации работники правоохранительных органов в присутствии представителей администрации, заинтересованных лиц и членов инвентаризационной комиссии должны незамедлительно опечатать офис, склад, помещение, где будет производиться проверка. При опечатывании объекта нужно убедиться, имеет ли он отдельные

входы и выходы, предметы или приспособления, с помощью которых можно уничтожить следы преступления. Для опечатывания используют запирающие устройства, печати органа внутренних дел, составляют акт с указанием наименования объекта, даты, должности, фамилий и подписей участников данного действия.

Работник правоохранительного органа может контролировать пересчет товаров и денежных средств, но не вправе являться членом инвентаризационной комиссии или как присутствующее при пересчете лицо своей подписью подтверждать правильность зафиксированных в описи фактических данных проверяемых ценностей.

Присутствующий при инвентаризации работник правоохранительного органа контролирует правильность заполнения инвентаризационной описи, сличительной ведомости, реальность отражения в них данных о цене, сорте, количестве остатков товаров, денежных средств. В документах производится подсчет общих итогов на каждой странице, данные суммируются, прописью отмечается количество пронумерованных граф и строк.

Если материалы о хищении поступили в следственные органы от руководителей предприятий или ревизоров, проводивших плановую проверку законности финансово-хозяйственной деятельности конкретного подразделения, необходимо проверить, имеются ли все необходимые документы и правильно ли они оформлены.

Поступившие материалы должны содержать:

- письмо (заявление, сообщение) руководителя предприятия или ревизора с изложением установленного факта хищения;
- материалы проведенной инвентаризации, включая сличительные ведомости;
- акт документальной ревизии;
- документы, подтверждающие выявленный факт хищения (подлинники или копии);
- документы, содержащие следы преступной деятельности, в том числе признаки подделки;
- объяснения должностных и материально ответственных лиц по поводу выявленных ревизией фактов хищений, недостачи;
- документы, представленные этими лицами, но не принятые во внимание ревизором⁶.

После проведения предварительной проверки на основании результатов ревизии необходимо, прежде всего, тщательно изу-

чить поступившие материалы, чтобы правильно наметить ряд начальных мероприятий, в процессе проведения которых выяснить причины образования недостатков или излишков, выявленных при ревизии, уточнить их размер, принять меры к отысканию похищенного и обеспечению возмещения материального ущерба. В качестве первоначальных мероприятий по таким делам обычно производятся:

- 1) опросы материально ответственных лиц, у которых выявлены недостатки, излишки, подлоги в документах;
- 2) опросы ревизоров, лиц, принимавших участие в проведении инвентаризаций, а также работников бухгалтерии, осуществляющих учет;
- 3) изъятие и анализ копий документов.

Последовательность проведения этих мероприятий может быть различной в зависимости от конкретных материалов дела. Организовать работу необходимо таким образом, чтобы она принесла наиболее эффективные результаты.

Во всех случаях следует безотлагательно производить осмотр не только того места, откуда совершено хищение, но и места обнаружения спрятанных похищенных материальных ценностей с целью выявления там следов ног или транспортных средств и иных доказательств.

При задержании с поличным необходимо произвести осмотр места задержания изъятой похищенной продукции, а также транспортных средств, на которых перевозилось похищенное.

Кроме того, следует опросить задержанных и иных лиц, подозреваемых в хищениях, чтобы выяснить, откуда похищено имущество.

При выявлении места совершения хищения необходимо изъять документы, на основании которых производился учет имущества, а также опросить лиц, имеющих непосредственное отношение к исчезнувшим ценностям. Следует также произвести осмотр помещения или территории, откуда продукция была похищена.

Необходимо опросить и очевидцев, которые сами наблюдали факты хищений, принимали участие в задержании с похищенным либо помогали разоблачить расхитителей; участвовали во всевозможных проверках, проверочных закупках.

К числу важных очевидцев относятся также лица, невольно содействовавшие расхитителям (например, шоферы и подсобные

рабочие, помогавшие грузить и перевозить товарно-материальные ценности, не зная о том, что они похищены); принимавшие участие в составлении подложных документов (например, подписавшие акт об усушке, подработке зерна без проверки фактического количества отходов); сослуживцы заподозренных, принимавшие участие в производственном процессе (например, продавцы, реализовавшие похищенную продукцию).

На стадии предварительной проверки важным источником информации являются документы, отражающие производственные процессы и движение материальных ценностей.

При проверке фактов хищений материальных ценностей необходимо:

1) провести внезапную инвентаризацию товарно-материальных ценностей на предприятии для выявления излишков или недостачи;

2) провести изъятие документов, указанных в источниках информации и относящихся к делу;

3) назначить документальную ревизию. Поручить ревизору проверить движение материальных ценностей, установить размер и период образования излишков, недостачи, определить правильность оформления актов и других документов;

4) осмотреть изъятые документы для выявления и фиксации признаков исправлений, подчисток, подделок подписей и других подлогов;

5) при необходимости осмотреть места хранения имущества и его переработки;

6) опросить заподозренных лиц и очевидцев.

При проверке фактов хищений, совершаемых в процессе реализации продукции, некоторые обстоятельства, необходимые для возбуждения уголовного дела, могут быть установлены на предприятии – получателе товаров:

а) внезапной ревизией и инвентаризацией, которые выявят наличие большего количества товара по сравнению со значащимся по документам;

б) лабораторным анализом качества поступившей продукции. При сравнении данных анализа с данными приемных документов будет установлено несоответствие последних фактическому качеству поступившей продукции;

в) проверкой состояния весов и других измерительных приборов;

г) опросом в качестве свидетелей лиц, привозивших продукцию для сдачи, или работников предприятия, на которое сдавалась поставляемая продукция.

Фиктивность актов о порче сырья во время хранения его или подготовки к переработке можно установить:

а) проверкой в местах, где, как указано в акте, была утилизирована продукция, пришедшая в негодность. В этих местах может не оказаться тех остатков продукции, которые должны были там быть;

б) проверкой транспортных документов. Если в действительности пришедшая в негодность продукция вывозилась, это обстоятельство должно быть отражено в документах (заказ на транспорт, путевые листы, ведомости на погрузку и разгрузку продукции, пришедшей в негодность);

в) опросом рабочих, грузчиков, которые могут сообщить, действительно ли была продукция, пришедшая в негодность, и уничтожалась ли она.

Сравнение обстоятельств, подлежащих установлению до возбуждения уголовного дела, и обстоятельств, подлежащих доказыванию, позволяет сделать вывод о том, что подавляющая часть информации по присвоению и растрате устанавливается в ходе проведения предварительной проверки по сообщениям о совершенном преступлении. На стадии расследования имеющаяся информация облекается в процессуальную форму доказательств и формируется система доказательств обвинительного характера.

По результатам предварительной проверки материал, передаваемый для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 160 УК РФ, должен содержать следующий минимальный перечень документов:

- заявление с сообщением о совершенном преступлении, рапорт об обнаружении признаков преступления, явка с повинной;
- акт ревизии или инвентаризации;
- заверенные копии учредительных документов потерпевшей организации;
- оригиналы документов, имеющих признаки подлога, различные расписки или черновые записи;
- копия трудового договора, договора о материальной ответственности, приказа о приеме на работу заподозренного лица;
- производственная характеристика, в которой должны содержаться сведения о результатах предыдущих инвентариза-

ций, ревизий и аудиторских проверок, а также подробное изложение поступков, за которые данное лицо привлекалось к дисциплинарной или административной ответственности;

– объяснения ревизора, выявившего недостатки, руководителя организации по факту недостатка и количеству и значимости причиненного материального ущерба;

– объяснения заподозренного о причинах образования недостатка;

– объяснение главного бухгалтера (бухгалтера) организации с изложением анализа обстоятельств, отраженных в документах.

Изменения, внесенные Федеральным законом Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, предоставили дознавателю еще больше возможностей в сборе информации по сообщению о преступлении, что тем самым повысит качество предварительной проверки и сократит количество необоснованных возбуждений уголовных дел⁷.

¹ См.: *Журавлев С. Ю.* Расследование экономических преступлений. М., 2005. С. 13–14.

² См.: Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Рос. газета. 2001. 31 дек.

³ См.: Об утверждении перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров о полной материальной ответственности : постановление Министерства труда РФ от 31 декабря 2002 г. № 85 // Рос. газета. 2003. 8 февр.

⁴ См.: *Гурьевских Н. А.* О сроках возбуждения уголовных дел по некоторым преступлениям в сфере экономики // Рос. юрид. журн. 2002. № 1. С. 87–89.

⁵ См.: Положение о порядке ведения кассовых операций с банкнотами и монетой Банка России на территории Российской Федерации : решение Банка России от 12 октября 2011 г. № 373-П // Вестник Банка России. 2011. № 66. 30 нояб.

⁶ См.: *Пушкин А.* Производство ревизий и инвентаризаций при расследовании преступлений в сельском хозяйстве // Социалистическая законность. 1989. № 1. С. 53–54.

⁷ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

Галяшина Е. И.

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анализ современного состояния теории и практики судебной экспертизы показывает актуальность повышения эффективности ее научно-методического обеспечения. Это объясняется возрастающей потребностью судопроизводства в установлении достоверных фактов, имеющих значение доказательств, сформированных на основе данных науки и техники, полученных в соответствии с общепринятыми, в том числе международными стандартами.

В последние годы поднимается вопрос об эффективности и результативности судебной экспертизы как дополнительной гарантии законных и обоснованных судебных решений. Критикуется отсутствие единого научно-методического подхода к судебной экспертной деятельности и специализации экспертов, непоследовательность законодательства в части требований к содержанию и форме заключения эксперта и, в частности, отражения в нем хода и содержания исследования с указанием примененных методов и методик.

Так, в ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» указано, что в заключении экспертов должно быть отражено содержание и результаты исследований с указанием примененных методов. Однако в ч. 1. ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации говорится, что в заключении эксперта указываются, в том числе, содержание и результаты исследований с указанием примененных методик.

Очевидно, что различие метода и методики носит, помимо словесно-понятийного, также сущностный характер, определяющий не только отражение в заключении эксперта хода и результатов исследования, но и алгоритм принятия экспертом решения, его логическое основание.

В теории судебной экспертизы методика, понимаемая как «система категорических или альтернативных научно-обоснованных предписаний по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов, приемов и средств (приспособлений, приборов и аппаратуры) для решения экспертной задачи»¹, занимает в настоящее время одно из центральных мест. Представляется, что методика может содержать несколько вариантов решения одной экспертной задачи с учетом специфики ее условий или особенностей представленных объектов, однако каждый этап принятия экспертом конкретного решения в случае выбора альтернативных вариантов должен быть изложен в заключении эксперта и мотивирован.

Феномен судебно-экспертной методики как научно-обоснованный алгоритм решения конкретной практически ориентированной задачи, позволяющий формировать критерии для оценки достоверности заключения эксперта как доказательства, привлекает в условиях реформирования законодательства и системы судопроизводства особое внимание. Это тем более важно, что даже экспертные методики разных ведомств далеко не всегда согласуются, а получаемые по ним результаты нередко невоспроизводимы и носят неоднозначный, противоречивый характер. Видимо, поэтому в своих заключениях эксперты часто не приводят ссылок на конкретную экспертную методику либо подменяют понятие экспертной методики понятиями «методические материалы», «методические рекомендации», смешивают общенаучные и частнонаучные методы, описывают содержание и ход проведенного исследования с перечислением типовых, а не конкретно использованных технических средств, не указывают логические основания вывода и правила принятия ими того или иного решения².

В проекте федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», рассматриваемом в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации³, указанная терминологическая проблема не разрешена, а усугублена.

Так, вводится новое понятие научно-методического обеспечения, включающее методические материалы по производству судебной экспертизы, методы и средства судебной экспертизы, программы профессионального обучения в области судебной экс-

пертизы (ч. 3 ст. 1). Появляется новая терминологическая триада: научно-методическое обеспечение, методические материалы по производству судебной экспертизы, методика и методы судебной экспертизы.

Научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности согласно логике законопроекта подлежит сертификации (ч. 7 ст. 1), т.е. подтверждению его соответствия требованиям, предъявляемым к специфическому целевому использованию методик, методов и средств в области судебной экспертизы. Понятия методик и методов судебной экспертизы в законопроекте не раскрываются, но выступают в качестве фундаментальных, поскольку именно их специфическое целевое использование и определяет те самые требования, которым должно соответствовать научно-методическое обеспечение.

Одновременно в проекте вводится еще одно новое для судебной практики понятие валидации, под которым понимается оценка пригодности использования методических материалов по производству судебной экспертизы (ч. 1 ст. 1). Здесь основополагающим выступает термин «методические материалы по производству судебной экспертизы», который входит также и в структуру понятия научно-методического обеспечения судебной экспертизы (ч. 3 ст. 1). Таким образом, термин «научно-методическое обеспечение» определяется через понятия «методические материалы», «методики», «методы и средства» судебной экспертизы. При этом указанные словесные обороты используются как однородные члены перечисления.

В то же время далее в ч. 4 ст. 6 проекта говорится о научно-технических средствах и методических материалах по производству судебной экспертизы. В ст. 10 вновь встречаются понятия методов, научно-технических средств и методических материалов по производству судебной экспертизы.

Информационное обеспечение судебной экспертизы включает разнообразные информационные технологии, которые законодатель определяет как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов⁴, необходимых в данном случае для решения судебно-экспертных задач⁵.

Правовое регулирование отношений, возникающих в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, основывается на следующих принципах⁶:

1) свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом;

2) установление ограничений доступа к информации только федеральными законами;

3) открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации, кроме случаев, установленных федеральными законами;

4) равноправие языков народов Российской Федерации при создании информационных систем и их эксплуатации;

5) обеспечение безопасности Российской Федерации при создании информационных систем, их эксплуатации и защите содержащейся в них информации;

6) достоверность информации и своевременность ее предоставления;

7) неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия;

8) недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами.

Указанные принципы в полной мере относятся и к правовому регулированию отношений, связанных с организацией движения информационных потоков в судебно-экспертной деятельности.

В качестве средства обеспечения автоматизированных информационных систем и их технологий в судебно-экспертной деятельности могут пониматься программные, технические, лингвистические, правовые, организационные средства (программы для электронных вычислительных машин; средства вычислительной техники и связи; словари, тезаурусы и классификаторы; инструкции и методики; положения, уставы, должностные инструкции; схемы и их описания, другая эксплуатационная и сопроводительная документация), используемые или создаваемые при проектировании информационных систем и обеспечивающие их эксплуатацию.

Общие принципы информационного обеспечения деятельности судебного эксперта включают три группы:

- отбор информации и формирование информационного ресурса;
- создание системы информационного обеспечения;
- функционирование системы информационного обеспечения при решении конкретной судебно-экспертной задачи.

Очевидно, что унификация и единообразие подхода к научно-методическому и информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности декларируется, но последовательно в законопроекте не выдерживается.

Важно подчеркнуть, что возможность сбора, хранения и применения информационно-методических материалов при производстве конкретной судебной экспертизы обусловлена соответствием указанных процедур принципам законности, а используемых методов и научно-технических средств – требованиям безопасности, научной обоснованности, эффективности.

В свете реформы законодательства о судебно-экспертной деятельности в отношении методических материалов предлагается проводить их валидацию, а научно-методическое обеспечение судебной экспертизы подвергать сертификации, порядок проведения которых устанавливается Правительством Российской Федерации (ч. 3 ст. 10). Допускается, что в заключении эксперта должно быть приведено обоснование пригодности (ч. 4 ст. 10) применяемых им научно-методических материалов. Однако понятие «обоснование пригодности» вновь не раскрывается.

Предусмотрено, что в заключении эксперта отражается ход, содержание и результаты исследований с указанием примененных методических материалов (ч. 2 п. 10 ст. 29).

Очевидно, что ключевым, имеющим существенное значение для оценки допустимости заключения эксперта как доказательства, выступает понятие «методические материалы по производству судебной экспертизы», которое в законопроекте не раскрыто и не дифференцировано по отношению к смежным понятиям «методики», «методы и средства судебной экспертизы», а также научно-методическое и информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности. Контекст употребления этих понятий не позволяет выделить их существенные различия, обуславливающие необходимость их одновременного использования в структуре понятия «научно-методическое обеспечение судебной экспертизы», поскольку сходство их до степени смешения может вводить правоприменителя в заблуждение. Отсутствие в законо-

проекте четкого определения термина «методические материалы по производству судебной экспертизы» и однозначных критериев «обоснованности», «пригодности их использования» создают условия для проявления коррупции, предоставляя эксперту излишнюю широту дискреционных полномочий.

Одновременно это с неизбежностью влечет известные сложности в оценке судом (следователем), не обладающим специальными познаниями, методических материалов, указанных в заключении эксперта, на предмет их соответствия принципам законности, научной обоснованности, эффективности и безопасности.

В международной практике судопроизводства обеспечение надежности, точности и воспроизводимости экспертных исследований реализуется посредством аккредитации судебно-экспертных учреждений по стандарту Международной организации по стандартизации ИСО 17025. Анализ европейской практики в области организации судебно-экспертной деятельности показал, что соблюдение подобных требований является одним из основополагающих условий эффективной деятельности судебно-экспертных учреждений, входящих в состав Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI). Этому стандарту в России соответствует ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025–2000 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий». Аккредитованные организации, проводящие сертификацию по данному ГОСТу, определены Госстандартом России. Однако требования этого стандарта намного шире, чем требования аналогичного международного стандарта по судебной экспертизе. В связи с этим Российским федеральным центром судебных экспертиз (далее – РФЦЭС) при Министерстве юстиции России и Госстандартом России был проработан вопрос о порядке рассмотрения и принятия в системе ГОСТ Р специального международного стандарта ИСО 17025 «Общие требования к судебно-экспертным лабораториям».

Вопросы стандартизации и сертификации методов, средств и методик, используемых для решения задач судебной экспертизы, регулируются Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», поскольку экспертные исследования базируются на специальных знаниях в науке и технике. Статья 20 закона гласит, что процедуры по подтверждению качества могут осуществляться в форме обязательной или добровольной сертификации. Обязательная сертификация про-

дукции, работ и услуг, определяется Перечнем, утвержденным постановлением Госстандарта России от 30 июля 2002 г. № 64. Методическое обеспечение судебной экспертизы в этот перечень не включено. Однако, поскольку сертификация насущно необходима, в РФЦСЭ в соответствии с законодательством создана и прошла регистрацию в Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии РФ (Госстандарт России) Система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы – РОСС RU.В175.04ОЭ00 от 2 марта 2005 г. Руководящим органом Системы и органом по сертификации Госстандартом определен РФЦСЭ. Для обеспечения функционирования Системы разработаны и зарегистрированы в Государственном реестре соответствующие Правила⁷.

В настоящее время в рамках этой Системы уже осуществляются:

- испытание и выдача рекомендаций к использованию в судебно-экспертной практике методов, средств и методических рекомендаций по производству судебных экспертиз;
- оценка и подтверждение компетентности судебных экспертов по различным экспертным специальностям.

Объектами сертификации являются:

- экспертная методика (в том числе автоматизированная методика);
- методическое издание;
- учебные программы подготовки экспертов по экспертным специальностям;
- метод и средство судебной экспертизы.

Заявителями на сертификацию могут быть юридические или физические лица. Для регистрации участников Системы, а также выданных, приостановленных и отмененных сертификатов и, соответственно, организационно-методических документов Системы создан единый Реестр.

Понятно, что достоверность выводов эксперта во многом определяется уровнем информационно-технической обеспеченности судебно-экспертной деятельности, научной обоснованностью применяемой экспертной методики, ее соответствия современному уровню развития науки и техники.

Однако оценка качества судебной экспертизы через призму примененного метода научного познания, надежности использованной методики весьма сложен, поскольку судьи, следователи,

дознаватели не обладают теми же специальными знаниями, что и эксперты, а потому в современных условиях, когда экспертные методики все усложняются и усложняются, глубоко разобраться в экспертных технологиях правоприменителю неизмеримо трудно.

Контроль над качеством судебно-экспертного исследования можно рассмотреть в аспекте требований к качеству продукции, работ и услуг, включаемых в систему государственных стандартов Российской Федерации. Использование унифицированных методических подходов и стандартизованных терминов научно-методического обеспечения в большей степени позволяет обеспечить объективность и воспроизводимость результатов судебных экспертиз, что не менее важно при проведении повторных экспертных исследований.

В заключении эксперт не может и не должен использовать термины «методические материалы», «экспертная методика», «программа (алгоритм) действий эксперта», «методические рекомендации», «методическое издание», «учебное пособие для экспертов» как взаимозаменяемые синонимы, толковать их расширительно, допуская вольный выбор исследовательских методов и средств, а также произвольное усмотрение при выборе адаптивных процедур, альтернативных подходов. Рекомендательный характер многих положений существующих методических материалов, наличие оценочных категорий и неоднозначных подходов к формулировке выводов позволяет эксперту варьировать полученные результаты, переоценивая либо недооценивая степень категоричности формулируемых выводов.

Например, в структуру функциональной схемы проведения идентификационных исследований лица по фонограммам устной речи по методике «Диалект»⁸ входят вычисление акустических признаков речи неизвестного лица на спорной фонограмме и речи подозреваемого лица, добавление в имеющуюся статистическую базу акустических признаков речи разных лиц информации о векторах признаков речи данного подозреваемого лица, переобучение системы, определение «веса» (информативности) и порогов допустимой вариативности акустических признаков; определение состава сопоставимых акустических признаков; определение группы информативных признаков для речи данного подозреваемого лица, сравнение признаков речи неизвестного и подозреваемого лица и оценка информативности совокупности совпавших акустических признаков на основе данных, полученных при переобучении системы и изменении порога.

Если на этапе предварительного анализа выявлены значительные искажения и низкое значение отношения сигнал/шум в некоторых спектральных областях неизвестного и/или подозреваемого лица, то соответствующие признаки могут быть удалены. Если после переобучения системы какие-то признаки имеют, по мнению эксперта, низкую информативность для данного диктора, они также могут быть исключены. Для осуществления различных возможностей исследования фонограмм в системе «Диалект» имеется адаптивная процедура принятия решения, которая позволяет эксперту выбирать различные комбинации наиболее информативных признаков в зависимости от качества реальных фонограмм речи. Таким образом, для каждой частной комбинации акустических признаков и для каждого случая добавления в статистическую базу фонограмм нового диктора перед принятием решения проводится переобучение системы. Это обучение состоит из вычисления порогов P_i и информационных весов признаков W_i , выбора наиболее информативных признаков и вычисления порога общего решения P .

Используя гистограммы распределения мер схожести $I_q = 1$ и $I_q \neq 1$, значение P , полученные на этапе переобучения системы, и меру I^* , конкретно вычисленную на реализациях речи неизвестного и подозреваемого дикторов, эксперт имеет возможность вычислить вероятность ожидаемых ошибок принятия решения и величину «отношения правдоподобия» (отношения вероятности того, что фонограммы принадлежат одному и тому же лицу к вероятности того, что фонограммы принадлежат разным лицам) для этого набора акустических признаков.

Исходя из результатов предварительного анализа (которые также отображаются на экране в правой части), а именно, частотного диапазона голоса сравниваемой пары лиц и отношения сигнал/шум по каналам, в соответствии с критериями пригодности, эксперт принимает решение об исключении тех или иных каналов и спектральных признаков из дальнейшего исследования. Это делается для сопоставления спектральных признаков сравниваемых сигналов. После «закрытия» каналов система запускается на переобучение. После пересчета вектора интегральных акустических признаков система выдает результат сравнения, вид которого представлен на рис. 1.

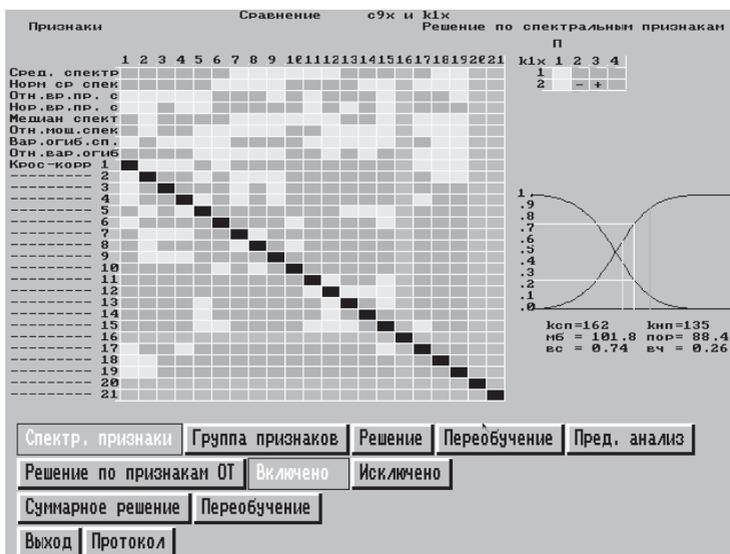

Рис.1. Результат сравнения интегральных признаков (скорректированного) спектра речи неизвестного и подозреваемого лица:

КСП – количество совпадающих признаков, КНП – количество несовпадающих признаков, МБ – мера близости, ПОР – порог принятия решения, ВС – вероятность «свой», ВЧ – вероятность «чужой»⁹

Совершенно очевидно, что ссылка в заключении эксперта на адаптивную процедуру принятия решения без должного развернутого описания и обоснования исключения из результирующего сравнения тех или иных совпадающих или различающихся признаков ставит под сомнение достоверность выводов и однозначно указывает на их необоснованность. Учитывая, что система позволяет в принципе произвольно «закрывать» любые квадратики или полосы, увеличивая или уменьшая тем самым количество совпадающих или различающихся признаков, отсутствие в заключении эксперта аргументации выбора конкретного пути адапционного решения может вызвать сомнения в том, что вывод мог быть получен произвольно или путем целенаправленного подбора тех или иных признаков.

Аналогичным образом должно осуществляться обоснование принятия решения по признакам основного тона (рис. 2).

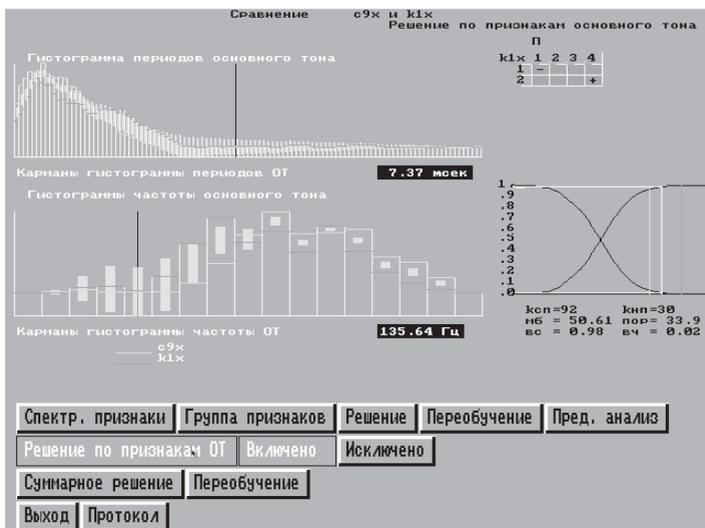

Рис. 2. Результат сравнения по признакам основного тона: КСП – количество совпадающих признаков, КНП – количество несовпадающих признаков, МБ – мера близости, ПОР – порог принятия решения, ВС – вероятность «свой», ВЧ – вероятность «чужой»

С целью соблюдения требований о научной обоснованности, проверяемости выводов эксперты должны приводить конкретные результаты, полученные на каждом этапе, предусмотренном экспертной методикой.

В соответствии с требованиями методики «Диалект» сравнительное акустическое исследование завершается определением степени близости устной речи сравниваемой пары дикторов посредством оценки информативности совокупности совпадающих признаков I^* по отношению к допустимому пороговому значению P . Данные значения должны указываться в протоколе интегрального акустического исследования, в нем же необходимо отражать общее количество используемых признаков.

Для обеспечения возможности проверки достоверности суммарного решения в заключении эксперта необходимо указывать также количество совпадающих и несовпадающих признаков, а также вероятности «свой»/«чужой» (рис. 3).

Приложение к заключению эксперта наглядных средств, отражающих все этапы исследования и полученные результаты

(рисунки, графики, спектрограммы, таблицы, компьютерные распечатки), позволяет избежать сомнений в достоверности полученных выводов.

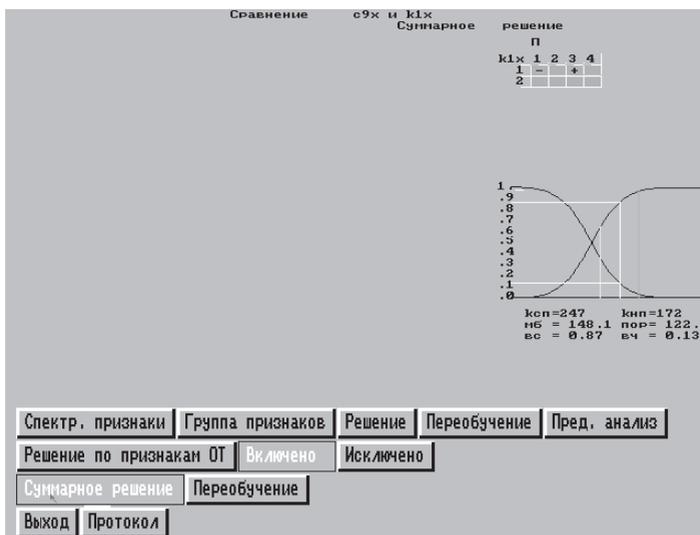

Рис. 3. Результат суммарного решения, указывающий на высокую степень близости сравниваемой пары голосов:

ВС – вероятность «свой» 87 %, ВЧ – вероятность «чужой» 13 %

Так, по указанной выше в качестве примера методике «Диалект» необходимо приводить результаты не только вычислений интегральных акустических признаков, но и первичных измерений исходных параметров для вычисления акустических признаков микроанализа звуковых сегментов. Если в заключениях экспертов на этапе сравнительного анализа при идентификации дикторов приведены лишь данные в относительных единицах об информативности совпавших признаков, при отсутствии данных о количестве совпавших и количестве различающихся признаков, то это не позволяет оценить выводы как обоснованные.

В связи с этим представляется актуальным обратить внимание на проблему унификации и стандартизации научно-методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности с опорой на общепринятое в судебной экспертологии понятие экспертной методики.

Необходимо разработать отраслевой терминологический стандарт судебно-экспертной деятельности, который может и должен быть основан на обобщенных результатах достижений науки, техники и практического экспертного опыта и направлен на получение оптимальной пользы для общества.

Совершенно очевидно, что совершенствование научно-методического обеспечения судебной экспертизы необходимо начать с унификации его понятийно-терминологического аппарата, разработки и принятия отраслевого терминологического стандарта, определяющего критерии относимости научно-методического обеспечения к категории судебной методики или иного методического материала. Решение изложенных в настоящей статье проблем, полагаем, повысит, эффективность установления фактов, имеющих значение доказательств, получаемых на основе специальных знаний, и облегчит задачу судей, следователей и иных субъектов доказывания по их оценке.

¹ *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М.* Теория судебной экспертизы : учебник. М., 2009. С. 130.

² Подробнее см.: *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.* Настольная книга судьи : судебная экспертиза. М., 2014. С. 303–340.

³ Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ См.: Статья 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁵ См.: Статья 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

⁶ См.: Статья 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁷ См., например: *Москвина Т. П., Россинская Е. Р.* Сертификация методического обеспечения судебных экспертиз – реальный путь совершенствования негосударственной судебно-экспертной деятельности // Юстиция. 2006. № 3. С. 119–126.

⁸ См.: *Тимофеев И. Н., Голощапова Т. И., Докучаев И. В.* Применение автоматизированной системы «Диалект» на базе компьютерной речевой лаборатории CSL (США) при решении задач идентификации дикторов : методические рекомендации / ЭКЦ МВД РФ. М., 2000.

⁹ Там же. Из рис. 1 видно, что были закрыты каналы 20 и 21 вследствие того, что верхняя граничная частота голоса неизвестного лица составляет 3306 Гц ($19 \text{ каналов} * 174 \text{ Гц} = 3306 \text{ Гц}$). Ввиду этого для сопоставимости частотных диапазонов два канала были закрыты. Также был закрыт 16-й канал вследствие того, что он имеет самое низкое отношение сигнал/шум (порядка 7.5 дБ).

В. О. Давыдов

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОБНАРУЖЕНИЯ
ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ
СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ,
И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ
В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Современный период развития российского общества, связанный с построением демократического правового государства, предполагает повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, необходимость поиска новых, нетрадиционных форм борьбы с криминальными угрозами, в числе которых особое место занимают преступления экстремистского характера. Последние, в своих самых различных формах и проявлениях, становятся для многонациональной и полирелигиозной России одним из опаснейших факторов, угрожающих целостности страны и единству нации.

Явление экстремизма весьма динамично развивается и с каждым днем приобретает все новые черты и характеристики. Экстремистские организации все активнее используют достижения компьютерных технологий, внедряя в свою деятельность прежде всего те из них, которые достаточно эффективно воздействуют на массовое общественное сознание. Статистические данные свидетельствуют о неуклонном росте преступных деяний данной категории. За последние 10 лет количество только официально зарегистрированных преступлений экстремистской направленности увеличилось более чем в 5 раз (со 157 фактов в 2003 г. до 896 в 2013 г.)¹. При этом в силу ряда как объективных, так и субъективных причин факты экстремизма зачастую входят в латентную группу преступлений или регистрируются как преступные деяния, совершенные по другим основаниям.

© Давыдов В. О., 2015

Повсеместное распространение web-технологий создает предпосылки для существенного изменения способов совершения преступлений экстремистской направленности. Потенциал и коммуникативные возможности интернета, социальных, локальных и файлообменных компьютерных сетей используются идеологами экстремизма в качестве своеобразной информационной площадки для популяризации своих идей, вербовки новых сторонников, их интерактивного обучения вопросам идеологии и тактики действий, организации финансовой поддержки деструктивных сил.

В то же время, как показывает практика, уголовное преследование по делам о преступлениях экстремистского характера и в первую очередь совершенных с использованием компьютерных сетей, вызывает у субъекта расследования определенные трудности. Вышеназванным обстоятельствам в значительной мере способствуют сложности, связанные с получением, оценкой и использованием криминалистически значимой информации, характеризующей преступления рассматриваемой категории. Проблемы подобного рода особенно отчетливо проявляются прежде всего на этапе принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Остановимся на последнем более подробно.

Отметим, что институт возбуждения уголовного дела занимает значимое место среди иных институтов российского уголовно-процессуального права, поскольку именно возбуждение уголовного дела позволяет субъекту расследования непосредственно приступить к процессу расследования совершенного противоправного деяния.

Становление процессуального института возбуждения уголовного дела следует рассматривать с момента принятия в 1832 г. Свода законов Российской Империи, а его дальнейшее развитие, на наш взгляд, связано с Уставом уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г.

Так, согласно п. 4 и 5 ст. 297 Устава категория «возбуждение уголовного дела» была частным случаем начала судопроизводства, когда последнее осуществлялось прокурором или судебным следователем. При этом, по нашему мнению, достаточно существенным являлось следующее обстоятельство: уголовное судопроизводство фактически инициировалось не властными органами, а частными лицами. В ст. 303 упомянутого Устава уголовного судопроизводства Российской Империи указывалось буквально следующее:

«Жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка»².

На современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства при обсуждении проблем возбуждения уголовного дела порой высказываются суждения о том, что эту стадию уголовного судопроизводства вообще нужно аннулировать, а правоохранительные органы (и особенно органы внутренних дел), приняв сообщение о преступлении либо проведя какое-либо процессуальное действие, тем самым начинают официальную процессуальную деятельность³.

По нашему мнению, подобная позиция представляется недостаточно обоснованной. Полагаем, что поскольку предварительное расследование связано с возникновением определенного рода правоотношений, порождающих процессуальные права и обязанности сторон, как обвинения, так и защиты, необходим специальный процессуальный акт, точно фиксирующий время возникновения подобных правоотношений, т.е. фактически сам момент начала судопроизводства. В противном случае возникает непозволительная неопределенность в этих правоотношениях, что в свою очередь может повлечь нарушение конституционных прав гражданина и неисполнение обязанностей сторонами судопроизводства.

Проведенный нами анализ материалов следственной практики показывает, что преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, как правило, обнаруживаются при следующих обстоятельствах⁴:

– непосредственно в процессе использования средств компьютерной коммуникации физическими лицами (например, в ходе эксплуатации программного обеспечения браузеров; обмена информацией в социальных сервисах, блогах, микроблогах и т.п.; использования данных, полученных по файлообменным сетям и т.д.);

– в результате проведения целевого мониторинга средств массовой информации, социальных сервисов интернета сотрудниками правоохранительных органов и должностными лицами Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций на предмет наличия материалов экстремистской направленности;

- при поступлении заявления в органы правопорядка и надзорные ведомства от физических и юридических лиц, соответствующих обращений представителей общественных организаций и средств массовой информации, депутатских запросов и т.п.;
- при получении соответствующей информации от лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам на конфиденциальной основе;
- в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проводимых субъектами оперативно-розыскной деятельности;
- в процессе расследования преступлений экстремистской направленности, механизм совершения которых не связан с использованием средств социальной компьютерной коммуникации;
- при расследовании преступных деяний иных видов общеуголовной и экономической направленности;
- случайно.

Отметим, что с учетом особенностей развития теории уголовно-процессуального познания приведенный нами перечень, конечно же, не является исчерпывающим.

Анализ отечественной и зарубежной литературы, материалов архивных уголовных дел и других эмпирических источников⁵ показывает, что эффективность расследования преступлений рассматриваемой категории во многом обуславливается своевременностью проведения предварительного расследования.

Особую значимость, по нашему мнению, приобретает первоначальная стадия уголовного процесса – возбуждение уголовного дела. Данное обстоятельство предопределено уголовно-правовой природой выделенных преступных посягательств, неординарностью способов их совершения, сложностью оценки исходной криминалистически значимой информации. Следует учитывать и то обстоятельство, что все действия, осуществляемые в рамках данной стадии, совершаются до возбуждения уголовного дела. Поэтому эффективность работы следователя по раскрытию и расследованию преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, в первую очередь зависит от оперативности реагирования на заявления и сообщения об их совершении, своевременного и обоснованного принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Практика свидетельствует о том, что запоздалое начало предварительного расследования может привести к безвозвратной утрате важной информации (например, короткоживущих

данных, под которыми автор полагает недолговечную информацию, существующую лишь до момента выключения компьютерного устройства либо до завершения определенной программы), увеличению сроков предварительного расследования и другим негативным последствиям.

Полагаем, существенное значение на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях рассматриваемой категории имеет оптимальная организация взаимодействия между субъектом расследования, специализированными органами дознания, экспертными службами и профильными специалистами в области компьютерной техники и коммуникационных технологий, в целях получения максимально полной криминалистически значимой информации о произошедшем событии.

В зависимости от содержания исходной информации о произошедшем событии следователь имеет возможность до возбуждения уголовного дела провести в порядке, предусмотренном ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), предварительную проверку фактов, изложенных в сообщении о преступлении. Хотя такая проверка не является стадией предварительного расследования, она типична для преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, и проводится в сроки, регламентированные действующим уголовно-процессуальным законом (ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ).

Оптимальный вариант – проведение доследственной проверки с привлечением сотрудников специализированных подразделений – центров по противодействию экстремизма и отделов «К» Бюро специальных технических мероприятий региональных подразделений Министерства внутренних дел России.

Полагаем, целесообразным является и составление следующего плана проведения доследственной проверки:

- 1) истребование необходимых материалов, свидетельствующих о противоправности события и его экстремистской направленности;
- 2) анализ полноты и содержания документов, подтверждающих противоправность и экстремистскую направленность исследуемого деяния;
- 3) проверка подлинности поступивших материалов;
- 4) формулирование вопросов лицам, на которых ссылается заявитель либо которые являются (могут быть) свидетелями происшедшего события;

5) получение объяснений от заявителя и возможных свидетелей (очевидцев, специалистов и т.п.) преступного события;

6) предварительное исследование поступивших материалов: документов, предметов и орудий преступления (например, машинных носителей информации, программного обеспечения, баз данных, отдельных файлов и т.п.) на наличие признаков деяний экстремистской направленности. Подчеркнем, что с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ⁶, в рамках проведения доследственной проверки возможно осуществлять изъятие предметов и документов, а также назначать и проводить необходимые судебные экспертизы (например, психолого-лингвистическую). Более того, подобное исследование может быть проведено специализированным органом дознания и в ходе оперативно-розыскного мероприятия – исследование предметов и документов в соответствии со ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁷;

7) ознакомление с технологией использования средств компьютерной социальной коммуникации для совершения преступлений экстремистского характера, проведение необходимых консультаций со специалистами. Отметим, что проведение подобных консультаций имеет исключительное значение. Как правило, предпочтение следует отдавать специалистам следующих категорий: по обслуживанию и ремонту средств компьютерной техники; в области коммуникационных сетевых технологий; по средствам соответствующего вида связи; программистам; инспекторам Специального центра Гостехкомиссии России.

С учетом сведений, полученных в результате доследственной проверки поступивших материалов, принимается решение о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении либо передаче сообщения о преступлении по подследственности, определяемой ст. 15 УПК РФ.

Полагаем, что для принятия обоснованного решения о возбуждении уголовного дела о преступлении экстремистской направленности, совершенном с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, в распоряжении субъекта расследования должны находиться следующие документы:

– письменное заявление (потерпевшего гражданина, представителя юридического лица), постановление прокурора либо протокол принятия устного заявления о преступлении, состав-

ленный в соответствии с действующим уголовно процессуальным законодательством;

- рапорт об обнаружении признаков преступления экстремистской направленности и приложенные к нему материалы, полученные в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий и иных проверок;

- письменное объяснение заявителя, в котором должны быть изложены сведения о времени, месте совершения либо обнаружения преступления, предмете преступного посягательства и его индивидуальных признаках (название компьютерной информации экстремистского характера, место ее нахождения, особые условия доступа к ней и ее машинному носителю, их индивидуальные признаки и др.);

- справка о предварительном исследовании предметов и документов на наличие информации экстремистского характера;

- идентификационные сведения о владельце (собственнике, пользователе) ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, возможно, осуществившем распространение информации экстремистского содержания, например: IP-адрес, IMEI или иной идентификатор ЭВМ в компьютерной сети либо сети электросвязи, а также логин, пароль и номер абонента в сети электросвязи (номер телефона), с помощью которых был осуществлен такой доступ;

- протокол осмотра места происшествия – места обнаружения следов преступления экстремистского характера с обязательным осмотром ЭВМ или иного компьютерного устройства, машинного носителя и компьютерной информации. Отметим, что в ходе производства данного следственного действия должны быть получены данные, подтверждающие факты, изложенные заявителем.

Перечисленные документы и содержащиеся в них сведения необходимо оценить с позиций законности получения, достоверности, относимости и достаточности для принятия того или иного процессуального решения.

На практике при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по преступлениям экстремистской направленности, совершенным с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, допускаются ряд тактических ошибок, негативно влияющих на объективность, полноту и качество предварительного расследования. Среди наиболее распространенных просчетов: низкое качество проверки сообщения о преступлении, по материалам которой иногда необоснованно возбуждаются уголовные дела.

Зачастую материалы о преступлениях экстремистской направленности, совершенных «нетрадиционным» и малопонятным для практических работников способом (в рассматриваемом нами случае – с использованием средств социальной компьютерной коммуникации), без достаточных оснований и с нарушением установленных УПК РФ сроков, «оседают» в органе дознания, что приводит к волоките и другим отрицательным последствиям. Таким образом, лица, причастные к экстремистской деятельности, получают возможность скрыться от следствия, уничтожить следы преступления и в конечном счете избежать уголовного наказания.

Вопреки требованиям Административного регламента МВД России предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах МВД России заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД России от 1 марта 2012 г. № 140⁸, заявления о преступлениях рассматриваемой категории регистрируются с большим опозданием, а иногда и вовсе не регистрируются.

Следует помнить, что успех расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, обеспечивают быстрота и решительность действий субъекта расследования в самые первые часы производства по делу, надлежащим образом организованное взаимодействие с соответствующими специалистами. Например, в отдельных случаях оперативные работники должны выяснить некоторые вопросы, проверить материалы, произвести задержание преступника, выполнить другие мероприятия оперативного характера. Промедление при этом недопустимо, так как может привести к потере информации, утрате материальных и электронных следов, уничтожению документов и идентификационных признаков предметов, которые могут использоваться в качестве вещественных доказательств.

Не менее важным, на наш взгляд, является и вопрос профессиональной подготовки сотрудников следственных подразделений. Как показывает практика, только юридического образования для расследования преступлений экстремистского характера исследуемого вида недостаточно. Желательно, чтобы субъект расследования имел определенные познания в области информатики, компьютерной техники, сетевых технологий и защите информации. В противном случае ему будет трудно разобрать-

ся в сути расследуемого им события. К сожалению, в настоящее время следователь при расследовании преступлений рассматриваемой категории в основном выполняет функции секретаря, который занимается лишь фиксацией криминалистически значимой информации, а не ее планомерным, целенаправленным поиском. Часто это приводит к тому, что в оценке поступающих сведений ему приходится полагаться либо на сотрудника оперативных служб, либо на иное лицо, попавшее в сферу расследования конкретного преступления. Таким образом, целесообразность специальной технической подготовки следователей, специализирующихся на расследовании преступлений, совершаемых с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, очевидна и не вызывает сомнений.

¹ См.: Преступность и правонарушения в Российской Федерации (2003–2013) : статистический сборник. М., 2014.

² Устав уголовного судопроизводства Российской империи. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1991. Т. 8: Судебная реформа. С. 241.

³ См.: *Гаврилов Б. Я.* Институт возбуждения уголовного дела : генезис, современное состояние и пути совершенствования // Труды академии управления МВД России. 2010. № 3 (15). С. 32.

⁴ См.: *Давыдов В. О.* Методика расследования экстремистских преступлений, совершенных в компьютерных сетях. М., 2014. С. 98.

⁵ См.: *Давыдов В. О.* Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2013. С. 16.

⁶ См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Рос. газета. 2013. 6 марта.

⁷ См.: Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 05.04.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁸ См.: Административный регламент МВД России предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 1 марта 2012 г. № 140. URL: // http://mvd.ru/userfiles/prmvd_01032012_140.pdf

Д. В. Завьялова

СУЩНОСТЬ И ВИДЫ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОРЯДОК ПОЛУЧЕНИЯ И ИСТРЕБОВАНИЯ

Образцы для сравнительного исследования есть материальные объекты, представляемые эксперту для сравнения с идентифицирующими объектами, как правило, вещественными доказательствами. Однако это не означает, что сравнительные образцы могут использоваться исключительно для производства идентификационных экспертиз. Как отмечает Л. В. Винницкий, «образцы могут служить для решения всего современного спектра задач судебной экспертизы (идентификационных, диагностических, классификационных, ситуационных)»¹. Например, по имеющимся следам ног можно установить их принадлежность конкретному человеку (идентификация), а также судить о направленности его движения, приблизительной скорости (диагностика). Таким образом, образцы имеют значение для проведения экспертного исследования и получения важной информации.

Процессуальная природа образцов до сих пор остается дискуссионной.

Так, например, Ю. А. Кудрявцева считает, что «применительно к образцам для сравнительного исследования способ получения, формирования данного доказательства не отличается существенным образом от формирования, получения вещественного доказательства и должен отвечать тем же требованиям, что и вещественное доказательство, поэтому, на наш взгляд, было бы целесообразно ввести в ст. 81 УПК РФ еще одну разновидность вещественных доказательств – образцы для сравнительного исследования»².

В свою очередь, В. А. Жбанков отмечает, что «образцы являются вещественными доказательствами, и нет никакой необходимости выделять их в качестве самостоятельных объектов – носителей информации»³. Н. А. Селиванов, напротив, пишет, что «образцы не имеют никакого процессуального значения и являются лишь необходимым инструментом для сравнительного ис-

следования»⁴. Р. С. Белкин, А. И. Винберг рассматривают образцы для сравнительного исследования как «связывающее звено между идентифицирующим и идентифицируемым объектами»⁵.

На наш взгляд, несмотря на то, что ст. 81 УПК РФ не содержит закрытого перечня вещественных доказательств, причислять образцы к иным предметам, которые могут служить средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, нельзя.

Образцы для сравнительного исследования, в отличие от вещественных доказательств, не связаны с расследуемым событием. Они необходимы для установления точного происхождения конкретного объекта (например, что отпечатки пальцев, обнаруженные на месте происшествия, принадлежат именно подозреваемому лицу). Цель получения образцов – обеспечение возможности проведения экспертного сравнительного исследования.

В зависимости от способа получения выделяют следующие виды образцов:

- 1) свободные;
- 2) условно свободные;
- 3) экспериментальные.

Образцы, которые именуются свободными, возникают до момента совершения преступления и ни в какой мере напрямую не связаны с ним. К ним относятся образцы голоса, почерка и т.п. Их можно получить посредством проведения таких следственных действий, как обыск и выемка. Сложность заключается в том, что следователь должен достоверно установить, что, например, изъятые из квартиры подозреваемого письма, конспекты и другие бумаги написаны именно подозреваемым, а не другим лицом. К тому же при изъятии необходимых образцов следователь должен соблюдать несколько требований, касающихся количества и качества образцов. Так, практикой установлено, что свободных образцов почерка должно быть не менее 5–6. Надлежащее качество образцов должно обеспечиваться сопоставимостью их написания по времени и виду документа, содержанию, языку, способу выполнения. Что касается образцов голоса, то их получение возможно благодаря изъятию, например, семейного архива, в случае его наличия, или иных электронных носителей голосовой информации, где имеется видео- или аудиозапись голоса подозреваемого.

Условно свободные образцы возникают после совершения преступления, однако вне связи с назначением судебной экс-

пертизы, например, подписание протокола, заявления, объяснительные записки.

Значительно сложнее обстоят дела с получением образцов, отнесенных нами к третьей группе. Статья 202 УПК РФ определяет, что следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего. Особое внимание нужно обратить на используемую законодателем формулировку «следователь вправе». Свидетельствует ли она о праве следователя на получение образцов для сравнительного исследования или же указывает на его обязанность? Мы полагаем, что при возникновении оснований для проведения экспертизы следователь должен получить необходимые для того образцы в соответствии с положениями ст. 202 УПК РФ. Однако в ряде случаев лица, подозреваемые в совершении преступления, добровольно предоставлять их отказываются.

И в связи с этим возникает теоретически и практически значимый вопрос: является ли такое поведение данных лиц правонарушением?

В соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом». Распространяется ли действие данного положения на случаи отказа в предоставлении образцов для сравнительного исследования? Как указал в своем Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации от 25 апреля 2001 г. № 6-П, «право не свидетельствовать против самого себя должно обеспечиваться на любой стадии уголовного судопроизводства, и это конституционное право предполагает, что лицо может отказаться не только от дачи показаний, но и от представления органам дознания и следователю других доказательств, подтверждающих виновность в совершении преступления»⁶.

Распространяется ли эта позиция Конституционного Суда РФ на проблему получения экспериментальных образцов для сравнительных экспертных исследований? В ст. 73 УПК РФ перечислены виды доказательств, и в качестве таковых не названы экспериментальные образцы. Это не удивительно, так как сами по себе экспериментальные образцы как таковые не являются доказательствами, сам факт их получения ни опровергает, ни устанавливает виновности лица. Они лишь необходимы для

экспертного исследования. Поэтому логично предположить, что на поставленный нами вопрос, скорее всего, следует дать отрицательный ответ.

Что касается заключения эксперта, которое, несомненно, является доказательством, то в нем содержатся методики исследования предоставленных объектов и основанное на нем заключение (выводы). Данное заключение не содержит утверждения о виновности или невиновности лица. В нем лишь указано о тождестве либо о его отсутствии между исследуемыми объектами.

Однако в другом своем определении Конституционный Суд РФ указал, что «закрепление в Конституции Российской Федерации права не свидетельствовать против себя самого не исключает возможности проведения – независимо от того, согласен на это подозреваемый или обвиняемый либо нет, – различных процессуальных действий с его участием (осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования), а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств по уголовному делу. Подобные действия – при условии соблюдения установленной уголовно-процессуальным законом процедуры и последующей судебной проверки и оценки полученных доказательств – не могут быть расценены как недопустимое ограничение гарантированного статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации права, поскольку их совершение предполагает достижение конституционно значимых целей, вытекающих из ее статьи 55 (часть 3)»⁷. В 2006 г. Конституционный Суд РФ вновь выносит определение, в котором отмечает, что данное право (право не свидетельствовать против себя) распространяется только на возможность отказа от дачи показаний, добавляя, что «вместе с тем право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников не исключает возможности проведения в отношении этих лиц следственных действий, направленных на получение у них и использование в уголовном процессе помимо их воли существующих объективно материалов, которые могут иметь доказательственное значение»⁸.

На наш взгляд, изменение позиции Конституционного Суда РФ выглядит обоснованной, так как в условиях постоянного роста преступности и все большей ее изоциренности возникла необходимость более корректного и, может быть, более точного толкования ст. 51 Конституции РФ, в частности, в том, что право не

свидетельствовать против себя распространяется исключительно на возможность отказа от дачи показаний.

Тем не менее вопрос о возможности получения образцов для сравнительного экспертного исследования в случаях категорического несогласия лица на их добровольное предоставление остается на практике дискуссионным.

В настоящее время мы видим два варианта его решения в зависимости от вида требующихся экспериментальных образцов.

1. В случаях необходимости получения, например, образцов голоса, почерка и т.п., на наш взгляд, вполне допустимо получать их несколько завуалированным образом.

К примеру, в работе В. П. Бахина и др. «Мастерство раскрытия преступлений» описывается случай, в котором лицо отказалось предоставить следователю образцы почерка, выполненного печатными буквами (которыми был выполнен идентифицируемый документ) для проведения почерковедческой экспертизы. Следователь обратился в военкомат с просьбой обязать это лицо заполнить анкету, как требуется в таких случаях, печатными буквами. Ничего не заподозривший подозреваемый заполнил представленную анкету, и таким образом следователь получил необходимые образцы⁹. Не исключаем мы и возможности получения требуемых образцов и при проведении по поручению следователя направленных на то оперативно-розыскных мероприятий.

Однако Конституционный Суд РФ в своем решении от 24 января 2008 г. № 104-О-О определил, что «проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности статьей 202 «Получение образцов для сравнительного исследования» УПК Российской Федерации, установлена специальная процедура»¹⁰. В свою очередь, Верховный Суд РФ в определении Судебной коллегии по уголовным делам исключил из числа доказательств ряд заключений фоноскопических экспертиз, «поскольку органами предварительного следствия надлежащим образом не выполнены требования статьи 202 УПК РФ в части получения образцов для сравнительного исследования. Образцы голосов обвиняемых были получены скрытно от них, в отсутствие их защитников, без разъяснения им процессуальных прав, результаты проведенных записей бесед с обвиняемыми были сразу же переданы для про-

изводства фоноскопических экспертиз, что противоречит положениям статей 47 и 166 УПК РФ»¹¹. Указанные позиции представляются недостаточно убедительными по ряду причин.

Во-первых, Конституционный Суд РФ не говорил о случаях отказа лица в предоставлении необходимых образцов. По нашему мнению, проведение оперативно-розыскных мероприятий, сходных по содержанию со следственными и процессуальными действиями, может быть оправдано в тех случаях, когда получение необходимых образцов следственным путем невозможно по причинам, не зависящим от следователя, например, категорический отказ лица на предоставление экспериментальных образцов.

Во-вторых, подобное решение Конституционного Суда РФ выглядит не совсем обоснованным ввиду того, что оперативно-розыскные мероприятия используются для раскрытия многих дел. Более того, они также обеспечивают возможность производства различных следственных действий (в рассматриваемом нами случае – судебной экспертизы); сама же правомерность и необходимость оперативно-розыскной работы под какие-либо сомнения никем не ставится.

В-третьих, негласные оперативно-розыскные мероприятия проводятся без уведомления заинтересованных лиц, так как следственными, процессуальными или гласными действиями получить необходимые доказательства, образцы невозможно. В ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий на первый план выходит соблюдение положений, закрепленных в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹², а не положения УПК РФ, которое закрепляет порядок производства следственных и процессуальных действий.

2. Получение биологических образцов (кровь, слюна, сперма и т.п.) при отсутствии согласия лица на их добровольное предоставление должно производиться экспертом независимо от того, является ли получение образцов частью судебной экспертизы или нет. На наш взгляд, в подобных случаях следователь должен получить санкцию суда на принудительное отбирание экспериментальных образцов, а уже затем поручать проведение данного процессуального действия эксперту. Санкция суда необходима ввиду того, что получение образцов связано с вмешательством в организм человека. А как показывает судебная практика, именно принудительное отбирание образцов для исследования является основанием для многочисленных жалоб со стороны подозреваемых и обвиняемых.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о проблеме в правовом регулировании вопросов, касающихся получения образцов для сравнительного исследования при несогласии лица на их предоставление. На наш взгляд, целесообразно дополнить ст. 202 УПК РФ частью 5, которая регламентировала бы порядок отбирания образцов при отсутствии согласия лица на их добровольное предоставление: «При отказе лица добровольно предоставить требуемые следователем образцы для сравнительного исследования следователь вправе на основании решения суда поручить их получение эксперту либо органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность. Получение образцов при отсутствии добровольного согласия лица на их предоставление должно происходить с соблюдением правил ч. 2 ст. 202 УПК РФ».

Получение образцов для сравнительного исследования является сложной многогранной темой. Рассмотренные выше аспекты проблемы получения экспериментальных образцов, очевидно, не являются исчерпывающими. Они свидетельствуют о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части получения экспериментальных образцов для сравнительного исследования при отсутствии добровольного согласия лица на их предоставление.

¹ Значение экспертизы в расследовании преступлений : учебно-методическое пособие / под ред. Л. В. Винницкого. Караганда, 1991. С. 51.

² Кудрявцева Ю. А. Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве России (процессуальная природа, порядок, доказательственное значение) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 15.

³ Жбанков В. А. Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве. М., 1969. С. 23.

⁴ Селиванов Н. А. Вещественные доказательства. М., 1971. С. 45.

⁵ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства. Приемы и рекомендации. М., 1997. С. 124; Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 91.

⁶ По делу о проверке конституционности ст. 265 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова : постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституцион-

ности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 448-О. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Передерий Лилии Анатольевны на нарушение ее конституционных прав статьей 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2006 г. № 123-О. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁹ Мастерство раскрытия преступлений : учеб. пособие / под ред. В. П. Бахина. Киев, 2014. С. 73.

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86, 89 УПК РФ и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Обзор Судебной практики Верховного Суда за четвертый квартал 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3. С. 24.

¹² Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

И. С. Звягин

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОДДЕЛКИ ДЕНЕЖНЫХ БИЛЕТОВ В РОССИИ

Экономика любой страны на каждом историческом этапе развития всецело зависит от стабильности и устойчивости денежного оборота. В то же время сами денежные знаки, их внешний вид, способы защиты и методы изготовления целиком и полностью зависят от той экономической ситуации, которая складывается в определенный период времени в истории того или иного государства.

Проведенный исторический анализ бумажного денежного обращения в России, развития технологии защиты бумажных

денежных знаков и методов фальшивомонетничества позволил выделить 16 взаимосвязанных этапов в российской истории со следующими аспектами характеристики: временной период; экономико-правовые и военно-политические предпосылки изменения условий денежного обращения; сущность и основная характеристика проводимых денежных реформ на данном этапе; специфика производства бумажных денежных знаков рассматриваемого этапа и развитие технологии защиты от подделок; особенности подделки денежных знаков, характерные для конкретного исторического периода.

I этап: 1729–1768 гг. 21 июля 1758 г. по указу императрицы Елизаветы в обеих столицах были учреждены банковские конторы вексельного производства, а 18 декабря 1759 г. в соответствии с Высочайшим манифестом подрядчикам вместо наличных денег за поставленный в казну провиант было решено выдавать печатные указы. Следовательно, данные печатные указы и векселя можно считать первыми российскими бумажными деньгами.

Также необходимо отметить еще один исторический факт этого этапа. После восшествия в 1761 г. на императорский престол Петра III государственная казна была практически пуста, в связи с чем в мае 1762 г. был обнародован указ о выпуске банковских билетов, замещающих в обращении монеты. В указе излагались основы деятельности Государственного банка и план его создания. Также были заготовлены ассигнации достоинством 10, 50, 100, 500 и 1000 руб., но их выпуску помешал переворот, в результате которого на престол была возведена жена Петра III – Екатерина II.

Применяемые на данном этапе методы защиты векселей и печатных указов в имеющихся источниках не упоминаются, так же как и факты их подделки.

II этап: 1768–1785 гг. 29 декабря 1768 г. Государственный Совет в присутствии императрицы Екатерины II рассмотрел и одобрил проект упоминавшегося ранее «Манифеста об установлении в обеих столицах банков для вымена государственных ассигнаций», который был обнародован 1 февраля 1769 г.

В связи с тем что ассигнации разных номиналов имели одинаковые размеры, отличаясь только нарицательной стоимостью, обозначенной цифрами и словами, фальшивомонетки использовали это в своих целях: на 25-рублевом билете путем подчис-

ток, перегравировки текста и цифр надпись «двадцать» превращалась в «семьдесят», а цифра «2» заменялась цифрой «7». Подобное изготовление фальшивок заставило правительство в 1772 г. прекратить выпуск ассигнаций достоинством 75 руб. При изъятии из обращения этих ассигнаций путем обмена как подлинных, так и фальшивых билетов (с определенными ограничениями) поддельных было предъявлено на сумму 5 600 000 руб¹.

Кроме того, с 1780 г. был запрещен ввоз и вывоз ассигнаций за границу, ввиду того, что и из-за границы поступало большое количество подделок разных номиналов, чаще всего 100-рублевых. Известен исторический факт об аресте в 1783 г. графов А. и М. Зановичей, обвиненных в доставке из-за границы фальшивых, так называемых «шкловских», ассигнаций на сумму 77 500 руб².

III этап: 1786–1817 гг. 28 июня 1786 г. во исполнение плана графа И. И. Шувалова был выпущен манифест императрицы Екатерины II, которым повелевалось ассигнации предыдущих выпусков обменять на новые, а сумму выпуска (эмиссию) довести до 100 млн руб. Подобное значительное увеличение суммы ассигнаций объяснялось имеющимся недостатком в обращении денег, способствующих «торговле, рукоделию, ремеслу и земледелию», при этом торжественно обещалось «святостью слова царского за нас и преемников императорского престола», что общая сумма находящихся в обращении ассигнаций не превысит 100 млн руб³.

Новые ассигнации 1786 г. печатались на бумаге улучшенного качества с усложненными водяными знаками: сверху – «**ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ**», внизу – «**ДЕЙСТВУЕТ К ПОЛЬЗЕ ОНАГО**», слева – «**ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАЗНА**», справа – номинал. Кроме купюр в 25, 50 и 100 руб. были выпущены ассигнации номиналом 10 руб., печатавшиеся на красной бумаге, и 5 руб. – на синей. С этого времени, по всей видимости, и появились народные названия банкнот, просуществовавшие столетия: «красенькая» (ассигнация в 10 руб.) и «синенькая» (ассигнация в 5 руб.). Также для удобства идентификации неграмотными людьми ассигнаций крупных номиналов при производстве у них срезали углы в разных комбинациях: 100-рублевая купюра была без срезанных углов, у 50-рублевой был срезан верхний левый и нижний правый угол, 25-рублевая имела все срезанные углы.

Основным препятствием при изготовлении фальшивых ассигнаций были, безусловно, водяные знаки, но и с этой пробле-

мой «народные» умельцы смогли справиться, используя «подручные» средства. По свидетельству архивных источников в одних случаях «чесноковым соком наводили прозрачность слов обыкновенно долженствующих быть по краям ассигнаций», другие делали надпись прозрачной «посредством сала» или «намазывали сливочным, семенным или деревянным маслом». Также для воспроизведения водяного знака применялось изменение толщины бумаги, «соскабливая слова и литеры кругом ассигнации и гербов по углам». Нередко такие операции приводили к тому, что «во многих местах бумага насквозь проскоблена». Были и попытки технического характера. Так в 1802 г. среди имущества корнета Сомова, занимавшегося изготовлением поддельных купюр, были обнаружены «свинцовые дощечки с тремя желобками, вокруг оной три рамки к выделыванию внутренней в бумаге прописи, и тут же особо один угольный герб...»⁴.

Социальный статус фальшивомонетчиков в большинстве своем охватывал три группы населения: меццан, крестьян и военных. Также к подделке бумажных денег были причастны купцы, дворяне, фабриканты и иностранные граждане.

Изменявшаяся военно-политическая обстановка не позволила государству удержать обещанный лимит выпуска бумажных денег, и началось стремительное их обесценивание, что также усугублялось огромным количеством фальшивых банкнот, ввезенных французскими войсками, о чем свидетельствуют различные источники. Среди отличительных признаков таких подделок можно выделить следующие: использование более качественной бумаги; ошибки в написании букв или их пропуск; награвирование подписей в отличие от подлинных, где подписи выполнялись вручную и изменяли со временем цвет. По свидетельству гравера Главного военного управления Франции того времени Лаля, с целью «старения» купюр их вываливали в пыли, в результате чего «они становились мягкими, принимали пепельный оттенок и выглядели так, словно прошли уже через многие руки»⁵.

IV этап: 1818–1843 гг. По предложению генерала А. А. Бетанкура для производства ассигнаций нового образца в Российской империи по Указу императора Александра I создается Экспедиция заготовления государственных бумаг (далее – ЭЗГБ), которая была единственным в стране комплексным предприятием, где изготавливалась бумага и использовалась в собственном по-

лиграфическом производстве. Первым управляющим ЭЗГБ был назначен князь А. Н. Хованский.

Новые бумажные деньги, произведенные в ЭЗГБ в период 1818–1819 гг. и утвержденные императором Александром I по предложению генерала А. А. Бетанкура и князя А. Н. Хованского, выпускались до 1843 г. и существенно отличались от купюр образца 1786 г., изготовленных в Сенатской типографии. Они были сложнее по технологии изготовления и применяемым защитным элементам.

В 1818 г. в обращение поступили ассигнации номиналом 25 и 50 руб., а в 1819 г. – 5, 10, 25, 50, 100 и 200 руб. Денежные знаки нового образца отличались по размеру и цвету, были оформлены в стиле классицизма, на купюрах впервые использовалось изображение герба России. Ассигнация достоинством 25 руб. была напечатана в вертикальном исполнении, а остальные – в горизонтальном. Повысилось качество купюр, усложнился рисунок, по четырем сторонам знака просвечивался текст – например, на 100-рублевой купюре «Государственная банковская сторублевая ассигнация». Купюра каждого номинала имела индивидуальный водяной знак. На ассигнации наносилась защитная сетка. Подпись управляющего банком печаталась вместе с номером, кассир ставил подпись вручную чернилами.

Выпускаемые правительством ассигнации не имели твердой обеспеченности и к концу 30-х гг. курс бумажных знаков резко упал. Одновременно существовало несколько курсов обмена бумажных денег на металлические – народный, биржевой, податный и т.д.

Финансовая реформа тогдашнего министра финансов графа Е. Ф. Канкрин заключалась в введении в 1839 г. нового серебряного рубля, курс которого приравнивался к 3,5 рублям ассигнациями. Основанием для реформы послужил манифест от 1 июля 1839 г. «Об устройстве денежной системы». По итогам реформы основной платежной единицей стал серебряный рубль. Государственные ассигнации получили статус вспомогательного денежного знака, и их курс был установлен в размере 3,5 рубля ассигнациями за 1 серебряный рубль.

Низкий уровень полиграфии тех времен не позволял воспроизводить идентичные рисунки на выпускаемых банкнотах, так как печатные формы изготавливались мастерами-граверами,

которые имели индивидуальные особенности и собственный «почерк». Таким «разнообразием» и пользовались фальшивомонетки рассматриваемого периода.

Этап: 1843–1866 гг. В 1843–1852 гг. продолжались регулярные выпуски бумажных денег, но это не мешало их свободному размену. Уверенная финансово-экономическая политика русского правительства побуждала иностранных коммерсантов, напуганных активизацией народно-освободительных движений в собственных странах в конце 1840-х гг., размещать в России свои капиталы. Поэтому кредитные билеты были устойчивы в обращении и пользовались высоким доверием. Развитию стабильности денежного обращения в России помешала Крымская война, начавшаяся 20 октября 1853 г.

В начале 60-х гг. финансовое положение России несколько стабилизировалось, что позволило с 1 января 1862 г. восстановить обмен бумажных денежных знаков и изъять кредитных билетов на сумму 79,3 млн руб., из которых было уничтожено на сумму 45,6 млн руб. Остальные бумажные деньги были выпущены в обращение повторно. С 1864 г. обмен бумажных денег был вновь приостановлен⁶.

Изобретение в 1943 г. русским ученым-физиком Б. Якоби гальванопластики и использование ее в полиграфии позволило изготавливать высококачественные и идентичные печатные оттиски. Однако фальшивомонетничество также развивалось параллельно с прогрессом в техническом оснащении производства. Так, уже после денежной реформы Е. Ф. Канкрин (1839–1843 гг.) в 1846 г. издается секретный циркуляр министра государственных имуществ П. Д. Киселева о том, что в обращении находятся поддельные кредитные билеты достоинством 10 руб. за № 2, 216, 347, 216, 307 с описанием признаков подложности фальшивых знаков.

VI этап: 1866–1890 гг. Благодаря контрактам с «American BankNoteCompany» в работу ЭЗГБ были внесены значительные новшества, позволившие использовать последние достижения в полиграфии при печатании бумажных денег. Так, был внедрен способ, который впоследствии в России стал называться «металлографией». Он позволял наносить на денежные билеты изящные изображения с мельчайшими деталями рисунка. Также на купюрах наносились новые водяные знаки с полутонами, гильоширные типографские и металлографские розетки.

Вследствие этого в денежной полиграфии окончательно утвердился так называемый «русский» стиль. На кредитных билетах стали изображать крупные фрагменты архитектурных сооружений, парадные портреты исторических лиц российского государства: князя и полководца Дмитрия Донского (5 руб. 1866 г.), царя Михаила Федоровича Романова – основателя династии (10 руб. 1880 г.), Петра I (50 руб. 1868 г.), Екатерины II (100 руб. 1864 г.). Также на купюрах впервые появились императорские вензеля: до 1882 г. – Александра II, с 1882 – Александра III, а с 1895 г. – Николая II.

Невзирая на проведенные реформы, в обращении появились фальшивые ассигнации очень высокого качества изготовления, в связи с чем изготовление государственных кредитных билетов достоинством 50 руб. образца 1866 г. было прекращено.

VII этап: 1891–1905 гг. Изобретение работником ЭЗГБИ И. Орловым в 1890 г. нового способа многокрасочной печати с одного клише позволило многократно усилить защиту банкнот от подделки. В 1891 г. была создана первая машина для воспроизведения орловской печати и произведен первый выпуск банкнот нового образца.

В этот период подделке чаще всего подвергались ассигнации достоинством 5 и 10 руб. Также рассматриваемый этап характеризуется появлением в обращении искусных фальшивых 5-рублевых купюр образца 1898 г. Основным отличием этих денег являлось то, что на них отсутствовал водяной знак и текст «Государственный Банк разменивает» был пропечатан более тонким шрифтом, чем на подлинном билете.

В районах дальневосточной России отмечалось наличие фальшивых купюр достоинством 1 и 3 руб. образца 1895 г., изготовленных в Японии. На 1-рублевой купюре надпись «Извлечение из Высочайшего Манифеста о кредитных билетах» была отпечатана в виде бессмысленного набора латинских и русских букв. Поддельный билет в 3 руб. выделялся настоящей краской, хорошим качеством бумаги и неравномерностью полей.

VIII этап: 1905–1914 гг. В начале XX в. технология печатания денег в России достигла своего пика. Это было связано с тем, что в данный период ЭЗГБ привлекла к производству бумажных денег знаменитых живописцев и граверов: А. Зауэрвейда, П. Ксидиаса, Ф. Лундина и Я. Рейхеля. В результате творческих поисков был найден и создан классический образ русской валю-

ты. Так называемый «николаевский» рубль отличала виртуозная сложность исполнения. В этот период были выпущены в обращение бумажные знаки достоинством 3 руб. образца 1905 г., 5, 10 и 25 руб. образца 1909 г., 100 руб. образца 1910 г. и 500 руб. образца 1912 г.

Фальшивые денежные знаки того периода отличались следующими особенностями: использовалась простая бумага без водяного знака; из-за невозможности воспроизвести «орловскую» печать тона краски на поддельных купюрах были бледнее, переходы от одного цвета к другому – заметнее; листовые и завитковые орнаменты печатались грубо; текст на лицевой и оборотной стороне купюры наносился без той чистоты и отчетливости, которыми отличалась печать текста на настоящих билетах.

IX этап: 1914–1917 гг. В связи с началом Первой мировой войны значительно увеличился выпуск бумажных денег без особого акцентирования внимания производителей на качестве исполнения. Был прекращен свободный обмен бумажных денег на металлические.

Фальшивомонетничество этого этапа характеризовалось большим количеством подделок, изготовленных в Германии. Так, согласно архивным данным в помещении Военно-географического института в Вене размещалась строго охраняемая типография, в которой изготавливались фальшивые российские ассигнации⁷.

С целью противодействия этой финансовой диверсии и выявления ее источника, а также для упорядочения фальшивок специалистами ЭЗГБ была разработана их специальная классификация: в зависимости от качества и способа подделки различались фальсификаты 1-го, 2-го, 3-го и даже 19-го родов.

X этап: 1917–1921 гг. В период руководства страной Временного правительства, Гражданской войны и иностранной интервенции, а также в первые годы советской власти в обращении находились:

- «романовские» деньги – банкноты и казначейские билеты, выпущенные в 1897–1916 гг.;
- «керенки» – денежные знаки, эмитированные Временным правительством;
- «кредитные билеты» и «расчетные знаки», выпускавшиеся правительством РСФСР.

После революции отдельные подпольные фальшивомонетчики продолжали свою «деятельность». Поддельных бумажных де-

нег было так много, а настоящих так мало, что население страны не делало между ними никакой разницы. Фальшивые денежные знаки ходили в обращении беспрепятственно и по тому же курсу, что и настоящие.

XI этап: 1921–1937 гг. Постановлением Совнаркома РСФСР в ноябре 1921 г. было объявлено о деноминации расчетных знаков РСФСР и всех других денежных знаков, находившихся в обращении, в результате чего был снижен их номинал и произведена замена на новые государственные денежные знаки РСФСР образца 1922 г. Были выпущены государственные денежные знаки достоинством 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 1000, 5000 и 10 000 руб. Перерасчет старых сумм денежных билетов производился путем «зачеркивания» четырех нулей.

В октябре 1922 г. по решению Совнаркома осуществлена вторая деноминация, которой предусматривался выпуск новых государственных денежных знаков 1923 г. На основании решения 1 руб. 1923 г. выпуска приравнивался к 100 руб. 1922 г. или к 1 млн руб. знаками более ранних годов выпуска.

Фальшивомонетчики того периода обязательства образца 1921 г. достоинством 10 млн руб. изготавливали из подлинного обязательства в 1 млн руб. путем подтирки номинала и перекраски купюры в зеленый цвет из кремового. Не прекращались и финансовые диверсии. Как свидетельствуют архивы, в Веймарской Германии осенью 1926 г. в одной из мюнхенских типографий было отпечатано 15 тыс. фальшивых советских купюр номиналом 1, 2 и 10 руб., из которых около 12 тыс. было нелегально завезено в Советский Союз. Также в типографии Франкфурта-на-Майне началось массовое изготовление поддельных советских денежных знаков.

XII этап: 1937–1947 гг. Были выпущены в обращение билеты Государственного банка СССР образца 1937 г. номиналом 1, 3, 5 и 10 червонцев, а также государственные казначейские билеты образца 1938 г. достоинством 1, 3 и 5 руб. На билетах Госбанка впервые был напечатан портрет В. И. Ленина, на купюрах исчезли и больше никогда не отражались факсимильные подписи членов Правления Госбанка СССР, работников наркомата финансов, кассиров и других ответственных лиц. Денежные знаки не стали содержать надпись о размене билетов на золото.

В период Второй мировой войны наша страна в очередной раз подверглась экономической диверсии со стороны Германии.

По сведениям различных источников, 28 мая 1941 г. у министра экономики и президента германского Имперского банка Функа состоялось секретное совещание, на котором были обсуждены вопросы, связанные с предстоящей оккупацией СССР. Было принято решение об изготовлении в Германии фальшивых советских рублей с целью обеспечения вермахта платежными средствами. Планируемая операция получила название план «Ольденбург». Оккупанты на этом этапе не пытались скрыть свою деятельность по производству поддельных денег, используя несложные, а порой и примитивные методы их изготовления⁸.

XIII этап: 1947–1960 гг. Новая денежная реформа выпустила в обращение купюры нового образца, которые по стилю были приближены к дореволюционным «николаевским» банкнотам Российской империи.

Госбанк СССР в те годы сообщал о фактах появления в обращении фальшивых купюр номиналом 50 руб. образца 1947 г. с сериями и номерами ИО 582472 и МБ 700540. Отличительными признаками таких фальшивок были следующие:

- изготовлены литографским способом;
- рисунки отпечатаны с приближением к подлинным;
- номера и серии отпечатаны четко;
- более контрастное изображение гравюрного портрета В. И. Ленина;
- нечеткое изображение портрета В. И. Ленина на водяном знаке;
- надписи на лентах герба не подлежат прочтению;
- изображение розетки в правом нижнем углу на лицевой стороне билета с надписью «50 рублей» выполнено грубо;
- средняя часть лицевой стороны билета отпечатана более яркой розовой краской, чем в подлинном билете;
- на оборотной стороне фальшивого билета преобладает ярко-синяя краска⁹.

XIV этап: 1961–1991 гг. В обращение были выпущены денежные знаки нового образца: государственные казначейские билеты СССР достоинством 1, 3 и 5 руб. и билеты Госбанка СССР номиналом 10, 25, 50 и 100 руб.

В данном выпуске впервые были унифицированы размеры купюр: одинаковые размеры имели купюры достоинством 3 и 5, 10 и 25, 50 и 100 руб. Новые денежные знаки отличала сложная

цветовая гамма рисунка: художники добивались того, чтобы купюры каждого номинала имели один хорошо запоминающийся господствующий цвет, тон которого складывается из многих оттенков с помощью «орловской» печати.

Фальшивомонетничество рассматриваемого этапа характеризуется деятельностью умельцев-одиночек, виртуозно рисовавших купюры и быстро попадавших в поле зрения правоохранительных органов из-за низкого качества подделок. Однако, история того времени знает два примера, когда производство фальшивок достигало «промышленного» уровня. Поставить «на поток» производство дензнаков удалось ставропольскому «умельцу» В. Баранову, который за 17 лет упорных исследований сумел качественно воспроизвести купюры достоинством 25 и 50 руб. Кропотливая «работа» В. Баранова привела к тому, что к 1977 г. в 76 регионах СССР от Вильнюса до Ташкента было выявлено 46 фальшивых купюр номиналом 50 руб. и 415–25 руб.

Иркутский фальшивомонетчик В. Гуренов потратил на изучение и подготовку техники около 10 лет, в результате появились в 1986 г. поддельные сторублевые купюры, которые мало чем отличались от настоящих, и проходили через все региональные расчетно-кассовые центры¹⁰.

XV этап: 1991–1998 гг. В 1991–1993 гг. в связи с политическими и инфляционными процессами, а также распадом СССР были заменены купюры достоинством 50 и 100 руб. банковских билетов СССР. В процессе реформы планировалось изъять у населения крупные суммы денег, накопленные за долгие застойные годы за счет различных злоупотреблений и взяток, а также деятельности в теневой промышленности.

Затем последовательно выпускались купюры образца 1992, 1993, 1995 и 1997 гг. (деноминированные в 1000 раз). С 1995 г. без обмена была произведена постепенная замена денежных знаков на купюры современного рисунка достоинством 1, 5, 10, 50, 100 тысяч руб.

Лучшей серийной подделкой времен перестройки считается поддельная купюра номиналом 50 000 руб. образца 1993 г., изготовленная с помощью офсетной печати и с использованием бумаги с водяными знаками и защитными волокнами. Подделка имеет хорошо выполненную ультрафиолетовую защиту, но заметно искажает цвета.

Известны случаи изготовления фальшивок путем переделки купюр: из билета 100 000 руб. образца 1993 г., вышедшего из обращения, вырезалось обозначение года выпуска и наклеивалось на купюру номиналом 10 000 руб. образца 1992 г.

XVI этап: с 1998 г. После дефолта 17 августа 1998 г. сущность проведенной реформы заключалась в укрупнении рубля в 1000 раз. В отличие от предыдущих реформ не было жестких ограничений по срокам и суммам обмена денег: «новые» и «старые» деньги находились в обращении одновременно на протяжении всего 1998 г., после чего можно было беспрепятственно обменивать «старые» купюры в последующие годы.

Фальшивомонетничество этого заключительного этапа в основном сводится к использованию достижений в производстве компьютерной техники и печатающих устройств. Характерным является пример, когда в 1999 г. в Нижегородской области была изобличена преступная группа в составе 7 человек, занимавшаяся изготовлением и сбытом поддельных купюр достоинством 100 руб., которые печатались с использованием персонального компьютера на частной квартире. На производство одной купюры фальшивомонетки тратили 10 мин., что соответственно отражалось и на их качестве¹¹.

Таким образом, проведенный ретроспективный анализ развития бумажного денежного обращения и способов подделки в нашей стране показывает, что бумажные денежные знаки представляют собой значительный научный интерес как документальные свидетельства произошедших политических событий, уровня развития экономики и промышленного производства страны на различных этапах становления государства.

В настоящее время бумажные деньги играют все меньшую роль в финансово-кредитной системе страны в связи с интенсивным использованием возможностей безналичных расчетов, в том числе и с применением элементов информационных технологий (электронные деньги). По нашему мнению, время окончательного исключения из системы расчетов бумажных денежных знаков еще не наступило в силу определенных политических и экономических причин.

Представленный анализ истории развития бумажного денежного обращения и фальшивомонетничества помогает изучить и понять структуру совершенствования технологии производства

бумажных денег и способов их фальсификаций, а также может служить отправным пунктом в разработке современных методик расследования преступлений, связанных с подделкой денежных билетов.

¹ См.: *Макаревич С. П.* Судебно-экспертное исследование подлинности денежных средств, выведенных из экономического оборота, но представляющих историческую и иную ценность / МВД РФ, Московский университет. URL http://www.fox-notes.ru/spravka/fn_st0113.htm (дата обращения: 20.08.2014).

² См.: *Барсуков А.* Шкловские авантюристы // Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885. С. 284.

³ *Мозголин А. А.* История бумажных денег в России и СССР. URL <http://www.wordweb.ru/2008/03/18/istorija-bumazhnykh-deneg-v-rossii.html> (дата обращения: 12.09.2014).

⁴ *Алямкин А., Баранов А.* Фальшивомонетничество «а ля рюс». Кто и как поддельвал бумажные денежные знаки в Российской Империи / Банкноты стран мира. 2006. № 1. URL <http://www.bonistikaweb.ru/> (дата обращения: 11.09.2014).

⁵ *Мирский Д.* Титулованные фальшивомонетчики // Наука и жизнь. 1969. № 10. С. 52.

⁶ См.: *Гусаков А. Д.* Денежное обращение дореволюционной России М., 1954. С. 247.

⁷ См.: *Мирский Д.* Указ. соч.

⁸ См.: *Глоба Н., Невский С.* Фальшивомонетничество как средство ведения войны // Бюджет. 2007. № 12. URL <http://budget.ru/article/28042.php> (дата обращения: 17.09.2014).

⁹ См.: *Мальшев А. И., Таранков В. И., Смиренный И. Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С. 496.

¹⁰ URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Баранов,_Виктор_Иванович (дата обращения: 19.09.2014).

¹¹ См.: *Шапошников Ю. И.* Методы и приемы фальшивомонетничества // Прогноз финансовых рисков. Банкноты. URL : <http://bre.ru/security/8731.html> (дата обращения: 22.09.2014).

Д. В. Зотов

**НАДЕЖНОСТЬ СИСТЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
С НЕНАДЕЖНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНИТЕЛЬНО
К ПОНЯТИЮ «ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ»**

Одним из свойств системы доказательств (впрочем, как и любой системы) выступает ее надежность. Вопросами надежности занимается одноименная теория, являющаяся основой инженерной практики в области надежности технических изделий. Теория надежности изучает методы обеспечения стабильности работы объектов, устанавливает количественные показатели надежности, исследует связь между показателями эффективности и надежности. При этом надежность понимается как свойство объекта сохранять во времени в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции в заданных режимах и условиях его эксплуатации. Предложенное определение с учетом объективных изменений может быть перенесено и на почву теории доказательств, поскольку проблема обеспечения эффективного доказывания по-прежнему в поле зрения ученых. Заимствования тех или иных «неюридических» достижений теорией доказательств (вспомнить хотя бы информационный подход, теорию отражения, конфликтологию и пр.) органично вписываются в ее развитие.

Главным остается понимание того, что систему доказательств в уголовном судопроизводстве следует отнести к категории систем, собранной из ненадежных компонентов. Сам состав элементов системы доказательств (цель доказывания; способы доказывания; этапы и уровни доказывания; субъекты доказывания; форма, содержание и свойства доказательств; гарантии доказывания и др.) разнороден, и взаимодействие ее частей не всегда гармонично. Названные составляющие испытывают на себе комплексное воздействие самых разнообразных факторов: от необходимых законодательных редакций доказательственного права до преступного посягательства на доказательственную инфор-

мацию; от сложности познания событий прошлого до обязанности сохранения сведений о них для будущего использования; от временного, формально-процессуального, субъектного и других форм ограничений; от формально-определенной оценки сведений до проверки их достоверности при помощи научно-технических достижений и др. Качество и интенсивность таких воздействий настолько разнообразны, что все они (в том числе позитивные) снижают уровень надежности элементов системы доказательств, делая их обеспеченность *неустойчивой, а порой и ошибочной*. Соответственно, задачей теории доказательств (при использовании достижений теории надежности) является создание надежной системы из этих ненадежных элементов, для которой вероятность появления ошибки «на выходе» поддавалась бы контролю, поскольку любая ошибка в том или ином элементе доказывания (или в соединении элементов) способна привести к полному искажению результатов уголовно-процессуального познания.

Конечно, надежность, взятая отдельно, не предполагает совершенства всей системы доказательств. Однако если система не обладает необходимой надежностью, то все остальные показатели качества теряют свое значение, поскольку при низкой надежности система не может в полной мере выполнять свои функции. Обеспечение надежности является сложной задачей, решение которой невозможно без комплексной научной разработки соответствующих моделей как в уголовно-процессуальной науке, так и криминалистике. Решения, принимаемые только на основе «здравого смысла» без должного количественного анализа, зачастую ведут к весьма плачевным последствиям как в научном, так и в практическом плане. Таким образом, методы расчета и оценки показателей надежности должны стать важным инструментом, позволяющим убедиться в том, что система уголовных доказательств обладает необходимой надежностью. Поэтому проблема разработки методов и алгоритмов для анализа надежности системы доказательств на сегодняшний день является актуальной¹.

Несмотря на то что методы повышения надежности элементов системы разработаны в первую очередь для технических объектов, представляется возможным их использование с междисциплинарных позиций, в том числе распространение на проблемы системы доказательств в уголовном судопроизводстве. Методы повышения надежности могут быть успешно применены к лю-

бому из названных элементов системы доказательств, а также к их взаимосвязям. Однако представляется возможным тезисно продемонстрировать их «работу» на одном из элементов этой системы – пределах доказывания.

Понятие «пределы доказывания» является дискуссионным в науке уголовного процесса. В авторском понимании «пределы доказывания» есть число источников доказательств, требуемое для обоснования решения по делу. Такой подход носит формально-количественный характер, который складывается из следующего.

Во-первых, буквальное понимание пределов доказывания как *количества* доказательств было бы неоправданно в силу действия принципа свободной оценки доказательств и запрета их суммарным комбинациям обосновывать процессуальные решения. Вместе с тем, не отражает реального понимания пределов доказывания и указание на *совокупность* доказательств. С одной стороны, совокупность доказательств шире пределов доказывания, так как включает не только само наличие доказательств, но и их логическую взаимосвязь. С другой стороны, совокупность предполагает некую сумму, множественность, количество более одного. Поэтому признание пределов как совокупности доказательств исключает возможность их достижения за счет единственного доказательства, что, конечно, не соответствует реальному положению дел. В связи с этим оптимальным для определения пределов доказывания следует считать понятие «*число*», которое включает в себя как единичные факты, так и их множественность.

Во-вторых, понимание пределов доказывания как числа доказательств не отвечает на вопрос, о чем идет речь: об информационных свойствах доказательства, позволяющих познать обстоятельства дела, или о самом наличии источника доказательства. Для его разрешения следует обратиться к современному пониманию понятия «доказательство», представляющего единство сведений об обстоятельствах дела (содержание), содержащихся в предусмотренных законом источниках (форма). Это проявление смешанной (синтезированной) концепции доказательств, где единство сведений и источника вовсе не является неразделимым с позиций научного познания, поскольку обе стороны исследуются, проверяются и оцениваются, как правило, порознь и к ним предъявляются разные требования. Совершенно прав А. Р. Белкин, предлагающий законодательно фиксировать подобные разграничения не

только абстрактно, но и фактически в положениях закона: «Неудачность формулировки ст. 74 УПК, определяющей виды доказательств, просто очевидна. Законодатель по-прежнему игнорирует неоднократно приводившиеся аргументы о том, что само доказательство (как содержание) и источник доказательства (как форма) – совершенно разные понятия, что приводит к ненужной путанице. Если ч. 1 ст. 74 говорит именно о содержательной стороне доказательства, то ч. 2 просто валит в одну кучу и доказательства, и их источники <...> Стоит лишь не испугаться узаконить понятие «источники доказательств» – и ненужная путаница исчезнет без следа, а взаимосвязь содержания и формы станет вполне прозрачной»².

Объективная возможность раздельного самостоятельного исследования формы и содержания в понятии «доказательство», научное обособление источника от содержащихся в нем сведений открывают перспективы для отграничения понятия «пределы доказывания» от понятия «достаточность доказательств» – пределы доказывания определяют наличие источника, в то время как достаточность отражает их качественное содержание с позиций возможности формирования процессуальных выводов. При этом пределы доказывания выступают лишь как необходимое условие для оценки достаточности доказательств. Здесь в полной мере работает философский закон перехода количества в качество, где достаточность как качественный элемент, основанная на количественных пределах доказывания, позволяет приблизиться к решению того или иного процессуального вопроса.

Все изложенное как раз и позволило определить пределы доказывания как число источников доказательств, требуемое для обоснования процессуального решения. При этом количественная составляющая понятия «пределы доказывания» может быть выражена:

- а) в самом наличии источника, предусмотренного законом;
- б) в возможном указании в законе на конкретный источник (необходимые пределы доказывания), содержащий сведения, обосновывающие искомый факт;
- в) в числе требуемых источников, которые закон вполне может определить.

Исходя из предложенного определения и его обоснования, возможно распространение методов повышения надежности на поня-

тие «пределы доказывания». Проявление «работы» этих методов выражается через категории объективизации и оптимизации.

Вопрос об **объективизации** доказывания не является новым в уголовно-процессуальной науке. Еще в 20–30-х гг. прошлого столетия многие отечественные процессуалисты и криминалисты были приверженцами теории «объективизации» уголовного процесса, согласно которой следовало существенно расширить «материальный сектор» уголовного процесса (вещественные доказательства, документы, заключения экспертов) и сформировать систему научно обоснованных критериев оценки доказательств, исключая или минимизируя при этом различные субъективные аспекты доказывания (показания живых лиц и пр.). Критическое осмысление этих положений, повлекшее пересмотр искаженных представлений о соотношении субъективного-объективного в доказывании, в целом позволило сохранить разумное содержание теории «объективизации», предполагавшей широкое использование научно-технических достижений в качестве средств и способов доказывания.

Вместе с тем, современная трактовка «объективизации» как «деятельности участников предварительного расследования, направленной на установление и закрепление фактических данных с помощью средств, на которые существенно не влияют субъективные факторы»³, является необоснованно суженной и не отражает всего многообразия этого явления.

Во-первых, задача объективизации охватывает не только вовлечение в процесс защищенных от субъективного воздействия способов собирания доказательств, но и самих источников доказательств, которые в меньшей степени подвержены постороннему вмешательству. Прежде всего речь идет о заключении эксперта. Дело в том, что экспертиза позволяет использовать в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных дел весь арсенал современных научно-технических достижений и является основным каналом их внедрения в судебно-следственную практику. В силу того что использование научно-технических достижений в меньшей степени зависит от влияния субъективных факторов, результаты их применения будут относительно свободными от субъективизма. Соответственно объективизация заключения и показаний эксперта выражена в их научной обоснованности, что в свою очередь повышает роль сведений, полученных из этих источников, но не умаляет значения иных доказательств. Таким обра-

зом, научные положения, лежащие в основе заключения и показаний эксперта, выполняют охранительную функцию, защищая доказательства от постороннего вмешательства. Однако характер такой защиты не является абсолютным, что предполагает наличие системы процессуальных способов проверки допустимости и достоверности доказательств: соблюдение порядка назначения и проведения экспертизы, проверка компетентности эксперта и его незаинтересованность в исходе дела, проверка надежности и правомерности применения экспертом методики исследования, возможность назначения дополнительных и повторных экспертиз и др. Однако объективизация доказательств приемлема не только в отношении заключения эксперта, но и другим источникам доказательств, например, к заключению специалиста, протоколам допроса сведущих лиц и справкам от соответствующих учреждений (иные документы), в которых освещаются вопросы, требующие специальных знаний, но решаемые без назначения экспертизы (определение конструктивных особенностей типа оружия, марки транспортного средства, каких-либо справочных данных).

Во-вторых, под субъективными факторами следует понимать различное воздействие на доказательственную информацию, способное привести к изменению, потере или фальсификации последней. Такое воздействие может носить как неосторожный характер (например, неаккуратное обращение с вещественными доказательствами), так и осуществляться с прямым умыслом. Сегодня особенно остро стоит проблема преступного воздействия на доказательственную информацию, которое профессионализируется, становится все более законспирированным, изощренным, происходит укрепление интеллектуальной и материально-технической базы такого воздействия⁴. При этом под «посягательством на доказательственную информацию / доказательства» следует понимать «покушение заинтересованных лиц на эти объекты (доказательственную информацию / доказательства) с целью обеспечения принятия и реализации противостоящей стороной уголовно-процессуальных и криминалистических решений в интересах лиц, осуществляющих посягательство, а также удержания противостоящей стороны от принятия и реализации решений, не соответствующих интересам субъектов, такую деятельность осуществляющих»⁵. По мнению О. Я. Баева, к числу направлений посягательств на источники доказательств (и доказательственную информацию) следует относить:

- а) их уничтожение в целом;
- б) их сокрытие;
- в) лишение их свойства относимости и (или) допустимости;
- г) их трансформирование, придание им значимости, удовлетворяющей интересам лица, оказывающего противодействие противостоящей стороне в форме посягательства на доказательства / доказательственную информацию;
- д) прямое или косвенное обозначение доказательственной значимости искусственно сконструированной информации, ее нахождения на определенных реально не носящих ее материальных/идеальных объектах⁶.

Помимо выбора высоконадежных пределов доказывания и их защиты от внешнего воздействия (посягательства), к числу объективизации понятия «пределы доказывания» следует включить элемент их научной обоснованности. Речь идет лишь о тех источниках доказательств, чья процессуальная форма не вызывает возражений с позиций научной достоверности. По-прежнему, несмотря на колоссальное процессуальное лоббирование сторонников использования полиграфа в уголовном судопроизводстве, полученные заключения вызывают серьезные опасения с точки зрения их научной обоснованности. Причина неприятия полиграфа многими учеными уже неоднократно высказывалась, и в арсенале фундаментальной науки нет каких-либо контраргументов против нее. Как известно, наше сознание идеально по механизму функционирования – оно работает по строгим, четким законам и принципам. Также сознание материально по форме выражения – «работу» его можно фиксировать по ряду определенных показателей (кожно-гальванической реакции, двигательной активности, грудному и диафрагмальному дыханию, сердечной деятельности и речевой реакции и т.д.). Однако механизм функционирования нашего сознания, к сожалению, пока ненаблюдаем. Следовательно, остается лишь предположение, но не уверенность в достоверности выводов, полученных с помощью полиграфа⁷.

Второй формой проявления надежности «пределов доказывания» является их **оптимизация**. В общих чертах организация доказывания, осуществляемая рациональными и целесообразными способами на основе широкого применения научных методов, как раз и отражает сущность оптимизации. Для оптимизации характерен многоплановый характер ее проявлений: повышение эффективности и качества использования пределов

доказывания, снижение стоимости осуществления отдельных следственных действий, экономия времени, минимизация различных сил и средств по формированию пределов доказывания и др. Важным средством оптимизации доказывания выступает научная организация деятельности по установлению и оценке пределов доказывания. Научные рекомендации по организации работы с источниками доказательств и по управлению доказыванием способствуют экономии времени, рационализации трудовых процессов, созданию иных оптимальных условий выполнения субъектами доказывания своих обязанностей при соблюдении требований уголовно-процессуального закона.

Некоторые авторы оптимизацию связывают в первую очередь с тактикой доказывания. По мнению В. И. Шиканова, тактика доказывания направлена на то, «чтобы оптимизировать процесс выдвижения следственных версий, собирание, проверку, оценку доказательств и обоснование достоверных выводов по обстоятельствам дела, имеющим уголовно-правовое значение»⁸. Это положение находит отклик и у М. О. Баева, который отмечает, что «стремление к оптимизации достижения целей, удовлетворению интересов наиболее рациональным и экономичным способом присуще любому виду профессиональной деятельности, и то обстоятельство, что методом оптимизации в условиях, когда есть необходимость преодолевать реальное (непосредственное или опосредованное) противодействие или предупреждать потенциальное, как раз и выступает тактика, что и является основной целью тактической деятельности»⁹.

Оптимизация «пределов доказывания» может проявляться через процессы их стандартизации и унификации, приводящие к появлению «необходимых пределов доказывания». Необходимые пределы доказывания есть обязательное и неизбежное число доказательств, отсутствие которых тормозит доказательственную деятельность. Достижение необходимых пределов доказывания свидетельствует о позитивной возможности дальнейшего развития процесса доказывания. Иначе говоря, необходимые пределы доказывания – это не число доказательств, к которому следует стремиться, а число доказательств, без которого доказывание практически невозможно.

Необходимые пределы доказывания в процессуальной литературе встречаются под названием обязательных источников доказательств. «Под обязательными можно понимать такие

источники доказательств и доказательства, – пишет Р. С. Белкин, – при отсутствии которых нельзя сделать вывод о полном и всестороннем расследовании уголовного дела, а собранные доказательства – признать достаточными»¹⁰. Важно, что в этом определении разграничиваются обязательные источники и обязательные доказательства. Если первые отражают количественную сторону процесса доказывания, то вторые – качественную. Если «необходимые пределы доказывания» – наличие определенного числа доказательств, то понятие «необходимые доказательства» характеризует их с информативно-содержательных позиций, требуемых для формирования обоснованных выводов по делу.

При этом неповторимость и индивидуальность каждого уголовного дела вовсе не мешают определению необходимых пределов доказывания, которые, по сути, отражают стандартное число доказательств в наиболее типичных ситуациях. В состав необходимых пределов доказывания следует включать заключение эксперта, в случаях когда назначение экспертизы обязательно, вещественные доказательства или иные документы, являющиеся предметами преступления или средствами совершения преступления в случаях, прямо предусмотренных диспозициями Особенной части УК РФ.

Итак, правильное установление пределов доказывания в уголовном судопроизводстве может служить эффективным средством повышения надежности всей системы процессуального доказывания. При этом факторами такой надежности выступают объективизация и оптимизация процесса доказывания.

Объективизация применительно к пределам доказывания может быть выражена в выборе высоконадежных источников доказательств, их защите от внешнего воздействия и использовании научно обоснованных методик их собирания и исследования.

Оптимизация применительно к пределам доказывания может быть выражена в стандартизации и унификации, приводящих к появлению понятия «необходимые пределы доказывания».

¹ См., например: *Астафьев А. Ю.* Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам : проблемы теории и практики. М., 2014 ; *Баев О. Я.* Уголовно-процессуальное исследование преступлений : проблемы качества права и правоприменения. М., 2009 ; *Михайловская И. Б.* Процессы управления в судебной системе. М., 2012. 128 с.

² *Белкин А. Р.* Еще раз о доказательствах, об источниках доказательств и о том, как отличить одно от другого // *Мировой судья*. 2012. № 1.

³ См.: *Вандер М. Б., Филиппова М. А.* Объективизация и удостоверение в процессе предварительного расследования // *Правоведение*. 1991. № 2. С. 74. Подобное определение «объективизации» используется также *М. А. Сильновым* (См.: *Сильнов М. А.* К вопросу о допустимости использования цифровых технологий в доказывании при расследовании преступлений // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: *Юридические науки*. 1998. № 3–4. С. 103–104).

⁴ См. подробнее: *Трухачев В. В.* Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 3–4.

⁵ *Баев О. Я.* Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий : проблемы и возможные решения). М., 2010. С. 31. Соглашаясь в целом с приведенным понятием, необходимо уточнить, что понятие «уголовно-процессуальное решение», используемое *О. Я. Баевым*, является дискуссионным и не соответствующим устоявшимся представлениям в науке уголовного процесса. См. подробнее: *Зотов Д. В.* Содержание уголовно-процессуальной деятельности (критический обзор работ последних лет) // *Воронежские криминалистические чтения*. Воронеж, 2013. Вып. 15. С. 110–112 ; *Традиции и новации в определении гносеологического содержания уголовно-процессуальной деятельности* // *Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века*. Ижевск, 2013. С. 290–291.

⁶ *Баев О. Я.* Посягательства на доказательственную информацию и доказательства ... С. 33–36.

⁷ См. подробнее: *Зотов Д. В.* Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения : теоретические проблемы. Воронеж, 2005. С. 175–184.

⁸ *Шиканов В. И.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. С. 105.

⁹ *Баев М. О.* Тактика профессиональной защиты от обвинения в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1998. С. 7.

¹⁰ *Белкин Р. С.* Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 92.

Е. П. Ищенко

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И ЗАДАЧИ КРИМИНАЛИСТИКИ

В соответствии с рекомендациями зарубежных экспертов, понятие «киберпреступность» включает в себя любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках такой системы или сети, против компьютерной системы или сети. Иначе говоря, к киберпреступлениям относятся такие уголовно наказуемые деяния, которые совершаются в киберпространстве против компьютерных данных с помощью или посредством компьютерных систем или сетей, а также иных средств доступа к киберпространству. Следовательно, к киберпреступлениям может быть отнесено любое преступление, совершенное в электронной среде (X конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями).

В более конкретном контексте киберпреступность – это преступления в сфере высоких информационных технологий, совершаемые злоумышленниками, использующими эти технологии для достижения противоправных целей. По Уголовному кодексу Российской Федерации к проявлениям киберпреступности относятся неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274). Кроме того, одним из наиболее опасных и распространенных преступных посягательств, совершаемых в киберпространстве, стало мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Очевидно, что перечень киберпреступлений пока очень невелик, что объясняется сравнительно недавним приобщением России к киберпространству.

Рост числа активных пользователей сети Интернет за период с 2000 по 2011 г. составил 528 %. В России уровень проникновения Интернета в общественную жизнь достиг 47 %, что соответ-

ствуется охвату 54,5 млн человек. При этом к наиболее активной части интернет-пользователей можно отнести каждого второго россиянина – 56 %. По данным аналитиков, численность интернет-пользователей к концу 2014 г. составила 80 млн россиян, или 71 % населения страны в возрасте старше 18 лет.

В связи с этим представляется обоснованным мнение, что повышение роли и значения киберпространства как интерактивной информационно-коммуникационной среды влечет за собой появление целого комплекса новых рисков и угроз, связанных с ростом уязвимости информационной инфраструктуры, деструктивным информационным воздействием на людей с использованием возможностей киберпространства для совершения различных уголовно наказуемых деяний¹.

Это объясняется тем, что многие процессы производственного и финансового характера, которые традиционно производились вручную, теперь просто немыслимы без применения компьютерных технологий. Если вредоносная программа вмешивается, например, в работу локальной или глобальной информационной сети, то прекратятся банковские платежи, начнутся отключения электроэнергии, перестанут работать светофоры, останутся без билетов на поезда и самолеты пассажиры. И это лишь очень незначительная часть возможных вредных последствий².

В зависимости от того, с какой целью злоумышленник вторгается в компьютерные системы, предлагается выделить три основных типа киберпреступлений:

1) криминальные посягательства, когда компьютер используется как предмет преступления, т.е. неразрешенный доступ к информации, ее повреждение или уничтожение; кража важных сведений и т.д.;

2) деяния, в которых компьютер выступает в роли орудия преступления, например, при электронных хищениях;

3) преступления, при совершении которых компьютеры выполняют роль интеллектуальных средств, к примеру, создание порнографических или суицидальных сайтов, размещение на сайтах информации, могущей повлечь межрелигиозную или национальную вражду, и т.п.³

Общественная опасность противоправных деяний в сфере компьютерной техники и высоких информационных технологий (киберпреступлений) состоит в том, что они могут повлечь за собой грубое нарушение деятельности автоматизированных систем управления и контроля различных важных объектов, а так-

же работы ПК и их систем, несанкционированные действия по уничтожению, модификации, искажению, копированию информации и информационных ресурсов, иные формы незаконного вмешательства в информационные системы, которые способны вызвать тяжкие необратимые последствия, связанные не только с имущественным ущербом, но и с физическим вредом большим группам людей.

Интернет сегодня предоставляет широкий ассортимент сервисов, позволяющих увеличить скорость обработки данных, подготовки документов и осуществления финансово-хозяйственных операций, расширить клиентурную сеть, повысить мобильность виртуальных взаимоотношений во времени и киберпространстве. Миграция в киберпространство как отдельных операций и рабочих мест, так и бизнес-процессов в целом обусловила возникновение множества новых направлений предпринимательской деятельности (интернет-банкинг, интернет-трейдинг, электронные биржи и торговые площадки, интернет-аукционы и т.д.). Через Интернет стремительно развивается система денежных расчетов («электронные кошельки»), позволяющая получать в виртуальном пространстве реальные неконтролируемые доходы⁴.

Как верно подчеркнуто в литературе, Интернет «ликвидирует» границы и «территориальность», так как люди, сидящие за ПК в одной стране, имеют неограниченные возможности по воздействию на компьютеры, находящиеся в других государствах. Не удивительно, что преступники, особенно организованные, быстро осознали масштабы возможностей, предоставляемых им электронными коммуникациями.

В последние годы стала вполне реальной опасность так называемых «разветвленных» атак на закрытые сайты, при проведении которых используется большое количество компьютеров. Поэтому отнюдь не случайно 150 государств мирового сообщества разрабатывают меры по борьбе с кибератаками, а киберпространство все чаще рассматривается как четвертая площадка ведения военных действий наряду с сушей, атмосферой и морем. Владельцы компьютеров, пораженных различными типами вирусов, запрограммированных на уничтожение «вирусного» кода после завершения атаки, могут быть как «сознательными» участниками кибератак, так и невольными «сообщниками». Такие атаки очень непросто отследить, а уж тем более установить конкретных виновников содеянного⁵.

В связи с этим был принят Указ Президента Российской Федерации от 15 января 2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации». Этот указ возлагает на Федеральную службу безопасности РФ полномочия по созданию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации компьютерных атак на информационно-телекоммуникационные сети, находящиеся на территории страны, а также в дипломатических представительствах и консульских учреждениях России за рубежом⁶.

В последнее время привычная реальность все более смешивается с киберпространством, поэтому есть все основания говорить о совмещенной реальности, включающей в себя обе эти ипостаси. Не случайно авторы «модельного закона о киберпреступности» из Международного союза электросвязи (2009 г.) определяют киберпространство как «физическое и не физическое пространство, созданное и (или) сформированное следующим образом: компьютеры, компьютерные системы, сети, их компьютерные программы, компьютерные данные, данные контента, движение данных и пользователи».

Поэтому представляется совершенно необходимым безотлагательное закрепление на российском законодательном уровне понятий не только киберпреступлений, но и киберпространства, как это было сделано в США. Такой подход позволил бы решить проблемы, связанные с пониманием правоприменителями этих дефиниций, в особенности той среды, в которой совершаются киберпреступления. Последних, кстати сказать, в зарубежных странах совершается все больше, растет и причиняемый этими деликтами материальный ущерб. Финансовый ущерб от киберпреступности за 2012 г. оценивается в 2 млрд долларов в год в России и в 110 млрд долларов в мире. По последним оценкам Европола, потери от киберпреступлений ежегодно составляют в глобальном масштабе 750 млрд евро.

Современный криминальный мир уже не мыслит своего преступного функционирования без Интернета, с помощью которого осуществляются:

- удаленная связь между преступными группировками различной криминальной направленности;
- обмен преступным опытом;

- привлечение соучастников готовящихся преступлений, криминальный поиск жертвы и орудий;
- сбыт имущества, добытого преступным путем;
- осуществление расчетно-денежных операций между лицами в условиях подготовки и совершения преступлений;
- совершение преступлений посредством использования сетевого информационного пространства⁷.

При всех этих манипуляциях в киберпространстве остаются специфические следы. Одной из принципиальных особенностей виртуальных следов, коренным образом отличающих их от традиционных материальных следов, является их многокомпонентный характер. Даже одиночный виртуальный след, несущий информацию о каком-либо криминальном событии, обязательно состоит из ряда взаимосвязанных по особому правилу частей. Поэтому в процессе электронно-цифрового отображения механизм формирования виртуального следа будет включать в себя две основные группы компонентов: деятельность активных объектов (некоего трасологического аналога следообразующих объектов) – человека или вычислительного процесса и программно-аппаратной среды (некоего аналога следовоспринимающих объектов). Из вышеприведенного следует, что новые информационные технологии усложнили не только следовую картину содеянного, но и такие понятия, как место и время совершения киберпреступлений⁸, а также круг предметов и документов – вещественных доказательств.

Развивая эти идеи, необходимо подчеркнуть, что объекты, создаваемые и обращающиеся в киберпространстве, не имеют и такого важнейшего свойства, как форма. И тем не менее они представляют собой комплекс компьютерной информации, имеющий сложную структуру и распределенное физическое размещение. В связи с этим при расследовании преступлений, совершаемых в киберпространстве, исключительно важным является использование в качестве судебных доказательств «электронных документов, элементов интернет-порталов, цифровых объектов – виртуальных машин и торрент-трекеров».

В отличие от бумажного, электронный документ не составляет единого физически целого объекта. Любой такой документ представляет собой совокупность информационных блоков различной природы, организованных в достаточно сложную систему. Формирование специфической следовой картины происходит на каждой из стадий существования электронного документа: при

его создании (генерации), при его обработке, редактировании и передаче, а также при удалении (уничтожении). Еще и поэтому такой документ обладает целым набором индивидуальных криминалистически значимых признаков, участвующих в процессе следообразования, которые могут быть выявлены, зафиксированы и использованы для решения ряда традиционных криминалистических задач.

Под электронным документом предложено понимать специально организованную в соответствии с единым замыслом, упорядоченную систему цифровых объектов с соответствующим информационным и программным обеспечением, размещенную на цифровых носителях и предназначенную для хранения семантически значимой информации.

При рассмотрении процесса формирования следов использования электронных документов предложено исходить из того, что активными объектами являются:

- 1) деятельность человека с его навыками, привычками и умениями;
- 2) вычислительный процесс, реализующийся в соответствии с компьютерной программой или их совокупностью;
- 3) сочетание деятельности человека с вычислительным процессом или их комплексом⁹.

Поэтому вполне закономерно, что российские криминалисты начали разрабатывать такие направления использования компьютерной информации и средств ее обработки в борьбе с киберпреступностью, как применение универсальных и специализированных компьютерных программ и устройств в качестве средств криминалистической техники, формирование правовых основ и определение перспектив использования информационных систем и компьютерных сетей для раскрытия и расследования киберпреступлений, использование компьютерных технологий для обучения сотрудников правоохранительных органов¹⁰.

В последние годы традиционные сыскные технологии в оперативно-розыскной деятельности уже заметно уступили место оперативно-техническим мероприятиям: снятию информации с технических каналов связи, прослушиванию телефонных переговоров, использованию средств пеленгации, анализу телефонного трафика, в том числе предусматривающему привязку к базовым станциям, обращение к оцифрованным информационным ресурсам и др.

В России раскрытием и расследованием киберпреступлений занимается Управление «К» МВД России и отделы «К» региональных управлений внутренних дел, входящие в состав Бюро специальных технических мероприятий МВД России. В 2008 г. их сотрудники выявили и расследовали 14 тыс. таких преступлений, в 2009 г. свыше 17,5 тыс., из которых оказалось 9489 случаев несанкционированного доступа к компьютерной информации, 2097 фактов распространения вредоносных программ, 1010 мошенничеств и 320 деликтов, связанных с распространением детской порнографии. В первом полугодии 2011 г. число таких преступлений выросло на 9,5 % к аналогичному периоду 2010 г., а в первом полугодии 2012 г. по сравнению с аналогичным периодом 2011 г. рост составил около 11 %. Эти цифры, на наш взгляд, занижены, так как латентность киберпреступлений очень высока.

В связи с развитием киберпреступности насущными задачами российской криминалистики являются разработка оптимальных тактических приемов производства таких следственных действий, как осмотр места происшествия, компьютера, машинного носителя информации, осмотр документа на машинном носителе информации, изъятие ПК и компьютерной информации, обыск и выемка электронной почты, назначение судебных экспертиз¹¹.

Ждет своего часа разработка тактических приемов производства в киберпространстве следственных экспериментов, проверок показаний на месте, предъявлений для опознания, очных ставок, контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также смс-сообщений, наложения ареста на электронные отправления, допроса лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении киберпреступлений, и др.

Возьмем для примера такое самое распространенное и хорошо исследованное криминалистами следственное действие, как допрос. В тактических приемах его производства неизбежно возникнет ряд специфических особенностей. По делам о компьютерных преступлениях потерпевший практически всегда узнает о посягательстве на его финансы или конфиденциальную информацию с большим опозданием. Никаких личных контактов с преступником у него не бывает, потому сообщить что-либо полезное для установления и изобличения злоумышленника он не может, а иногда и не желает. Свидетелей-очевидцев по делам этой категории фактически нет, а если такое и случается, то выявить

их бывает крайне трудно, поскольку все происходит в киберпространстве. Не проще и получить от них нужные показания.

В связи с этим ценнейшим и едва ли не единственным источником сведений о произошедшем становится виновное лицо. Но и тут возникают сложности даже в самой оптимальной бесконфликтной ситуации допроса подозреваемого, например, хакера, кардера и т.п. В ходе допроса неизбежно проявляет себя своеобразный «языковой барьер», поскольку допрашиваемый будет давать показания на привычном для него компьютерном сленге, понять который и грамотно изложить в протоколе следователю будет очень трудно.

При большом желании подозреваемого, крайне мало вероятном в реальной действительности, допрос может превратиться в некий «компьютерный ликбез» для следователя. Он необходим потому, что следователи пока что ориентируются в тонкостях совершения компьютерных преступлений, мягко говоря, недостаточно. Выход видится в приглашении на допрос соответствующего специалиста, который зафиксирует показания на фоно- или видеограмме и поможет (если сможет) перевести мудреные термины на более-менее понятный язык.

Это мы смоделировали самую легкую ситуацию, предполагающую полное отсутствие противодействия расследованию, желание сотрудничать, помочь следователю досконально разобраться в сути произошедшего. При отказе от дачи показаний, сообщении ложных сведений, массированном противодействии расследованию со стороны заинтересованных лиц, например, организованного преступного формирования, выявление ключевых обстоятельств содеянного в киберпространстве еще более усложнится. Тогда надежда будет только на компьютерно-техническую экспертизу, причем оценить ее ход и результаты следователю будет не легче, чем понять правдивые показания подозреваемого.

Подготовка исходных материалов к производству такой экспертизы тоже может стать проблематичной. Как, в частности, получить экспериментальные образцы клавиатурного почерка подозреваемого, если он станет намеренно его искажать? В отношении обычного почерка соответствующие тактические приемы, обеспечивающие достоверность получаемых экспериментальных образцов, давно разработаны, а вот в отношении клавиатурного почерка их пока нет. Не просто будет собрать и свободные образ-

цы такого почерка, ведь их нужно будет извлекать из киберпространства, для чего опять же потребуется помощь соответствующего специалиста.

При производстве всех следственных действий следователь должен хорошо разбираться в особенностях киберпространства, знать соответствующую терминологию, чтобы общаться с преступником на равных, обходиться без помощи соответствующего специалиста. Нет нужды доказывать, что таких следователей в настоящее время очень мало.

Все вышеизложенное побуждает сделать вывод, что российским криминалистам в ближайшие годы предстоит детально разобраться в особенностях киберпространства и совершаемых в нем преступлений, разработать адекватные технико-криминалистические, тактические и методические подходы к их расследованию и предупреждению.

¹ См.: *Калмыков Г. И., Смирнов А. А.* Международно-правовые основы противодействия киберпреступности // Теоретические и прикладные проблемы информационной безопасности : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2012. С. 38–41.

² См.: *Арешонков В. В.* Новые компьютерные вирусы как средство совершения преступлений различной степени тяжести // Криминалистические чтения, посвященные памяти Г. И. Грамовича : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2012. С. 95–98.

³ См.: *Петрова Н. А.* Обеспечение государственного контроля в сети Интернет как фактор противодействия экстремизму // Проблемы законодательного регулирования интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2013. С. 188.

⁴ См.: *Белоус О. П.* Использование интернет-ресурсов в целях выявления и прекращения преступной деятельности «конвертационных центров» // Проблемы законодательного регулирования интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества. Белгород, 2013. С. 42–45.

⁵ См.: *Борисова Л. В., Онищенко Ю. Л.* Киберпреступность : международно-правовой аспект // Теоретические и прикладные проблемы информационной безопасности : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2012. С. 7–10.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 3. Ст. 178.

⁷ См.: *Лагуточкин А. В.* Некоторые особенности использования информационного пространства сети Интернет в борьбе с преступностью // Проблемы законодательного регулирования интернет-ресурсов и право-

вого разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2013. С. 125–129.

⁸ См.: *Кушниренко С. П.* Пространственно-временная категория в структуре преступлений в сфере высоких информационных технологий // *Криминалистика и судебная экспертиза : наука, обучение, практика.* СПб., 2012. С. 541–546.

⁹ *Агибалов В. Ю., Мещеряков В. А.* Виртуальные следы электронных документов в компьютерных системах // *Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов.* Воронеж, 2012. Вып. 14. С. 15–24.

¹⁰ *Вехов В. Б.* Основы криминалистического учения об использовании компьютерной информации и средств ее обработки. Волгоград, 2008. С. 269–358.

¹¹ *Вехов В. Б., Голубев В. А.* Расследование компьютерных преступлений в странах СНГ. Волгоград, 2004. С. 174–226 ; *Иванов Н. А.* Правовое и тактико-криминалистическое обеспечение поиска и изъятия средств цифровой техники и цифровой информации : учеб. пособие. Омск, 2013. С. 3–37.

И. М. Комаров

**ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ**

Данные анализа состояния отдельных вопросов соблюдения законности в уголовном судопроизводстве за 2013 г., представленные в отчете Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Чайки Совету Федерации, вызывают серьезную озабоченность, так как они непосредственно затрагивают существенные интересы граждан и государства.

В частности, в указанном году только официально выявлено 1195 человек, которые незаконно были задержаны или заключены под стражу судом по ходатайству органов, осуществляющих предварительное расследование преступлений (полагаем,

за прошедший год ситуация мало изменилась). Проведенными в связи с этим прокурорскими проверками установлено, что многие из этих граждан содержались под стражей долгие месяцы. В порядке реабилитации из средств государственного бюджета им выплачено более 700 млн руб., но виновные должностные лица, допустившие брак в расследовании, который выразился в ущемлении конституционных прав граждан, так и не наказаны.

Ввиду этого можно привести следующие сведения. Согласно статистике Генеральной Прокуратуры Российской Федерации за последние три года незаконно к уголовной ответственности было привлечено и реабилитировано судом и следствием более 14 тыс. человек, а наказано за это лишь 12 должностных лиц. Причем нет ни одного факта возбуждения уголовного дела или привлечения виновных в этом беззаконии к уголовной ответственности по ст. 301 Уголовного кодекса Российской Федерации за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Резюмировал эту статистику Генпрокурор РФ Ю. Чайка, по мнению которого иного результата ожидать не приходится, пока уголовно-правовая оценка допущенных следователями нарушений будет осуществляться самими же следователями. Надежда на эффективный ведомственный контроль, к сожалению, уже давно себя не оправдывает.

Можно предположить, что не только приведенные факты, но и низкое в целом качество предварительного расследования преступлений следователями, которое, безусловно, беспокоит и руководство Следственного комитета России, стало одной из причин того, что депутатом-единороссом А. Ремезковым 29 января 2014 г. в Государственную Думу Российской Федерации был представлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу».

Законопроект настолько неоднозначный, что выступая в феврале 2014 г. в Госдуме помощник В. Путина и начальник Государственно-правового управления Президента Российской Федерации Л. Брычева высказала недовольство тем, что документ вносится «без широкого общественного обсуждения, без обсуждения в профессиональных сообществах, без Верховного Суда и иных судов, которым это все применять».

На этом основании дискуссия по содержанию законопроекта перешла в Общественную палату, комитеты Госдумы, Федераль-

ную палату адвокатов и иные органы, непосредственно заинтересованные в его принятии и применении.

К участию в ней была привлечена широкая научная общественность. В первую очередь требовал ответа вопрос о необходимости данного закона российскому уголовно-процессуальному законодательству.

Рамки статьи ограничены, поэтому мы попытаемся проанализировать основные спорные вопросы этого закона и выскажем свое отношение к его содержанию, а также необходимости действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Основной тезис его сторонников в следующем: объективная истина в УПК РФ должна превратить следователей из преследователей в исследователей и тем самым помочь правосудию, при этом, отметим сразу, содержание понятий «преследователь» и «исследователь» авторами законопроекта никак не комментируется.

Ссылаясь на международный опыт и традиции отечественного уголовно-процессуального законодательства, они отмечают, что положение об объективной истине успешно закрепили и применяют в своем законодательстве многие страны Европы, они были в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Российской империи, УПК РСФСР 1922 и 1960 г. Поэтому, следуя европейским тенденциям и российским традициям, по мнению разработчиков закона, следует вернуть данное положение в УПК РФ.

Однако, для того чтобы этот тезис можно было считать аргументом, следует дать анализ понятия объективной истины в контексте основных положений УПК европейских государств, где эта истина служит целям правосудия. Что касается Устава уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., то нам известны все положительные отличия этих кодифицированных процессуальных актов от действующего УПК РФ. Увы, не в пользу последнего, а механическое внесение рассматриваемого понятия в систему действующих процессуальных норм, на наш взгляд, по меньшей мере не обосновано. Кроме того, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922 и 1960 гг. в употреблении было понятие истины, но не объективной истины, а это две большие разницы, о чем будет сказано ниже.

Принятие закона в предлагаемой редакции, по мнению его разработчиков, «превратит судью из пассивного надзирателя за процессом рассмотрения уголовного дела в его активного участ-

ника». Закон разрешит ему по ходатайству сторон или по собственной инициативе «восполнять неполноту доказательств», а если это невозможно будет сделать в судебном разбирательстве, позволит отправлять дело к прокурору для соответствующего процессуального реагирования. Состязательность сторон в этих условиях станет только совершенней и эффективней, полагают сторонники введения объективной истины в УПК РФ. Однако это декларативное заявление, не подтвержденное какими-либо убедительными аргументами, на наш взгляд, не очень убедительно, за исключением двух: 1) «приговор будет назначаться на основе истинных обстоятельств произошедшего, а не ораторского искусства сторон»; 2) появится «сбалансированная состязательность», которая выразится в том, что судья сможет проявлять активность для выяснения подлинных обстоятельств дела.

Напротив, в случае принятия закона в предложенной редакции суд лишится беспристрастности, поскольку на него будут возложены не свойственные ему, в соответствии с действующим УПК РФ, функции защиты или обвинения. Это само по себе нарушает ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, по которой судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Неужели теперь из-за объективной истины для УПК РФ изменять положения Конституции РФ? В связи с этим хорошо на одном из заседаний по рассмотрению положений проекта данного закона высказалась Л. Воскобитова. Она отметила, что как только мы в один ряд технологически ставим суд, прокурора, следователя, то начинаем противоречить, в том числе и собственной Конституции, где установлено разделение властей и суду отведена другая роль. Она также обратила внимание на коллизию со ст. 299 УПК РФ («Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора»), которая может возникнуть в случае принятия закона об объективной истине. Полемизируя с оппонентами, Л. Воскобитова отметила: «Судье при постановлении приговора следует ответить, в частности, на два вопроса: доказано ли деяние и совершил ли его подсудимый? Получается, что мы хотим, положениями предлагаемого закона, обязать суд дополнить то, что когда-то «не доделал» следователь, а потом, чтобы суд сам себе задавал еще вопрос: а доказано ли?». «Можно ли требовать от суда беспристрастности, когда он будет оценивать свою собственную работу?», – задает Л. Воскобитова риторический вопрос.

Сторонники закона об объективной истине считают, что предлагаемое законодательное «новшество» будет выгодно лицам, которые могут быть необоснованно привлечены к уголовной ответственности, а также лицам, интересы которых представляет адвокат по назначению, исполняющий свои обязанности не вполне добросовестно. Аргумент – новый процессуальный порядок будет ограждать подсудимого от несправедливого обвинения, искать объективную истину, в соответствии с положениями законопроекта, обязаны будут не только судьи, но и прокуроры, следователи, которым запрещается обвинительный уклон. Из этого следует, что и адвокат тоже должен будет искать объективную истину, но это уже юридический нонсенс. В этой связи как не вспомнить вновь ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и декларирование в ней состязательности в уголовном судопроизводстве. Кроме того, Кодекс профессиональной этики адвокатов запрещает адвокатам занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле. Относительно недобросовестных адвокатов отметим, в рамках законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности достаточно положений, регламентирующих ответственность адвокатов за некачественное предоставление соответствующей услуги, если кто-то считает, что этого не достаточно, можно инициировать изменения и дополнения в соответствующем законодательстве.

Вызывают серьезные опасения связи положений предлагаемого законопроекта с положениями ст. 14 УПК РФ. Сторонники принятия законопроекта предлагают толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, применять лишь в случае невозможности достижения по делу объективной истины и только после принятия исчерпывающих мер к ее отысканию. Однако такой подход к норме, которая является одним из важнейших средств защиты конституционных прав и свобод граждан, делает ее юридической фикцией. Кроме того, если суд будет обязан отыскивать объективную истину, то как это согласуется с ч. 2 указанной процессуальной нормы, где «бремя доказывания обвинения ... лежит на стороне обвинения»? Суд – сторона обвинения? Никак не убеждает в этой связи предлагаемые лакировки ч. 3 ст. 15 УПК РФ, что «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает условия для всестороннего, полного и объективного исследова-

ния всех обстоятельств уголовного дела, исполнения сторонами их процессуальных обязанностей, а также осуществления предоставленных им прав».

Между тем разработчики вследствие этого пытаются убедить критиков законопроекта тем, что «невиновные выиграют», а «презумпция невиновности станет рабочим инструментом», суд докопается до истины, даже если сторона защиты плохо исполняет свои процессуальные обязанности. Правда, из этих аргументов не ясно, откуда судья узнает, достиг он истины или нет, а может быть, он уже до судебных прений должен «в голове» держать «картинку мира», которая является истиной, и к ней добавлять доказательства?

Есть еще одна опасность положений предлагаемого законопроекта для российского правосудия. Она заключается в том, что на практике это означает исключение оправдательных приговоров из судебной деятельности, так как оправдательный приговор станет не столько недоработкой обвинения, сколько недоработкой суда. Будет действовать аксиома: если приговор обвинительный, значит, суд установил объективную истину. Зачем апелляция и кассация? На это обстоятельство ранее обращала внимание судья Конституционного Суда в отставке Т. Морщакова. Не станем забывать, что суд уже сейчас, отчасти, является заложником норм, определяющих его компетенцию относительно взятия под стражу. Раньше прокурор с опаской применял эту меру, зная о последствиях для себя при оправдательном приговоре, теперь суд, применив заключение под стражу в отношении гражданина, в предлагаемых в соответствии с законопроектом условиях деятельности как бы обязан установить объективную истину и вынести обвинительный приговор, причем лучше с лишением свободы.

Кроме того, если «не кривить душой», положения предлагаемого закона по большому счету призваны облегчить жизнь следователю: фактически он сможет не беспокоиться за допущенный следственный брак, ненадлежащее проведение расследования преступления, так как «если не расследовал он, расследует суд». В этой ситуации суды окажутся перегружены некачественными расследованиями и будут вынуждены устанавливать объективную истину, а при том, что и сейчас нагрузка на «судей-криминалистов» не малая, постепенно это приведет к коллапсу судебной деятельности.

Также, по мнению разработчиков закона, благодаря его введению в следственную и судебную практику следователи станут не преследователями, а исследователями, поскольку на них будет возложена обязанность собирать и оправдательные доказательства. Отметим, что эту обязанность со следователей никто не снимал и ранее, а сейчас она возложена на них в действующих нормах УПК (ст. 6) без принятия положений объективной истины. Правда, эта обязанность практически не исполняется. Вместе с тем усомнимся в том, что даже если гипотетически предположить принятие соответствующего закона, применение его следователем фактически не будет нацелено, так же как и сейчас, на собрание наряду с обвинительными оправдательных доказательств, так как они могут привести к прекращению уголовного дела, а это, как известно, традиционно считается «следственным» браком. Об этом знают все. Хорошо в связи с этим высказался Генпрокурор РФ Ю. Чайка: объективная истина приведет только к обвинительному уклону в судах. Согласен с ним и представитель Президента РФ в Конституционном Суде М. Барцевский.

Теперь о самом определении объективной истины, которое предлагается внести в ст. 5 УПК РФ в следующей формулировке: «объективная истина – соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения». Приведенные в проекте термины данного определения «весьма далеки от чистоты юридической техники». Если под понятием объективной истины понимать «совокупность обстоятельств», имеющих значение для дела, то это взаимно исключающие термины, что нарушает логику определения. Если «объективное», то абсолютно все. Если только «имеющие значение для его, уголовного дела, разрешения», то о какой объективности идет речь? Слово «истина», если его вводить в процессуальном законе, следует употреблять в прикладном значении, а не использовать для этой конкретной материи философский термин «объективная истина». Мы никогда не сможем познать с полной достоверностью исследуемое посредством уголовного расследования и судебного рассмотрения событие хотя бы потому, что в процессе познания сторонами может быть использована недостоверная информация, о которой другим участникам уголовного судопроизводства не известно. Кроме того, обратимся к следственной практике. Например, по уголовным делам, связанным с неза-

конным оборотом наркотиков, практически каждое обвинительное заключение начинается со слов «в неустановленное время, в неустановленном месте, при неустановленных обстоятельствах». Как будет отражаться в практике уголовного судопроизводства реализация понятия объективной истины? Законопроект обходит также и вопрос о критериях объективной истины, о механизме ее процессуального установления.

Не доработана с точки зрения юридической техники и формулировка процессуальной новации законопроекта, определенная ст. 16.1. УПК РФ «Установление объективной истины по уголовному делу». В ч. 2 данной нормы определяется: «при наличии сомнений в истинности мнения сторон суд принимает все необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела в целях обеспечения отправления справедливого правосудия». Очевидное расхождение с позицией Европейского суда по правам человека в том, что этот Суд постоянно отмечает: «мнение по определению не может быть истинным – это и есть мнение». Кроме того, что означает «справедливое правосудие»? Разве правосудие бывает несправедливым? Вопросов больше, чем ответов.

Можно еще много и долго разбирать все недостатки, предложенного законопроекта, но ясно одно. Редакции закона об объективной истине, которая предлагается в настоящее время для обсуждения в Государственной Думе РФ, «сырая». Для того чтобы как-то повлиять на ситуацию с соблюдением законности в уголовном судопроизводстве по обстоятельствам, приведенным в начале статьи, оперативно, можно ограничиться внесением нескольких поправок, которые не затронут основные принципы действующего уголовно-процессуального законодательства. В их ряду усиление роли прокурора при осуществлении надзора при избрании следователем меры пресечения, т.е. заключение под стражу судом, следует проводить только через процессуальное участие прокурора и с его согласия на данную меру пресечения, а также дополнение УПК РФ новыми основаниями для возвращения дела прокурору на доследование, если в ходе суда доказательную базу участники рассмотрения сочли неполной из-за признания каких-то доказательств недопустимыми. Также поводом для возвращения дела должна стать необходимость предъявления подсудимому более тяжкого обвинения, что достаточно часто устанавливает судебное разбирательство по делу.

Строго говоря, на наш взгляд, пора перестать «латать» наш уголовно-процессуальный закон. Трудно представить, что только поправок и изменений в него федеральными законами внесено более 1200. Эти корректирующие процедуры серьезно мешают работать всей правоохранительной и судебной системе России и создают предпосылки угроз нашей национальной безопасности.

Е. Л. Комбарова

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В НЕКОТОРЫХ УПРОЩЕННЫХ ФОРМАХ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В МИРОВЫХ СУДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Система уголовного судопроизводства в мировых судах Российской Федерации имеет сложную структуру, в составе которой видится возможным выделить *три типа судебных производств*:

1. *Производство по уголовным делам частно-публичного и публичного обвинения, осуществляемое в общем порядке.*

2. *Упрощенное судебное производство.*

Представлено такими формами судебных производств, как производство по уголовным делам в особом порядке, согласно главе 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ); особое производство, регламентированное главой 40.1 УПК РФ, осуществляемое при заключении с лицом досудебного соглашения о сотрудничестве; судебное разбирательство уголовных дел частного обвинения; заочное рассмотрение мировым судьей уголовных дел небольшой степени тяжести в отсутствие подсудимого при наличии его ходатайства.

3. *Усложненное судебное производство.*

Данный тип включает в себя производство в отношении несовершеннолетних и производство о применении принудительных мер медицинского характера.

В соответствии с УПК РФ порядок судебного разбирательства уголовных дел частного-публичного и публичного обвинения, рассматриваемых мировыми и федеральными судьями, не имеет процессуальных отличий. Однако различная категория тяжести преступлений, неодинаковая степень сложности уголовных дел, разрешаемых в федеральных и мировых судах, настоятельно диктуют необходимость дифференциации процедуры судебного разбирательства, осуществляемого мировыми и федеральными судьями.

Видится целесообразным видоизменение общего порядка производства по делам частного-публичного и публичного обвинения в мировых судах посредством внедрения упрощенных процедур.

Так, заслуживает интереса предложение И. В. Головинской законодательно регламентировать возможность проведения мировыми судьями *сокращенного* судебного следствия в случае частичного признания подсудимым своей вины в совершении преступления при отсутствии возражений сторон. Деятельность мирового судьи в ходе судебного разбирательства в этом случае заключается в оглашении доказательств вины подсудимого, не являющихся предметом спора, и исследовании только тех доказательств, с которыми подсудимый не согласен¹.

Упрощение уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам частного-публичного и публичного обвинения, отнесенным к компетенции мировых судей, позволит существенно оптимизировать судебное разбирательство и повысить оперативность рассмотрения уголовных дел в целом.

Судебные производства *с усложненной процессуальной формой*: производство в отношении несовершеннолетних и производство о применении принудительных мер медицинского характера, по нашему мнению, должны быть исключены из структуры системы уголовного судопроизводства в мировых судах, поскольку:

1) производство о применении принудительных мер медицинского характера в принципе не соответствует сущностному предназначению мировой юстиции в сфере уголовного судопроизводства – разрешению незначительных уголовных конфликтов между гражданами;

2) в вышеуказанных усложненных формах судебных производств существенно видоизменен и усложнен предмет доказы-

вания, что, безусловно, препятствует оперативному разрешению уголовных дел мировыми судьями.

Именно упрощенные судебные производства должны, на наш взгляд, составлять *систему уголовного судопроизводства в мировых судах, образуя так называемое целерантное (упрощенное и ускоренное) производство*, составными элементами которого должны являться:

1. Упрощенное производство по уголовным делам частного-публичного и публичного обвинения небольшой степени тяжести.

2. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в соответствии с главой 40 УПК РФ.

3. Заочное рассмотрение уголовных дел небольшой тяжести в отсутствие подсудимого при наличии его ходатайства о разрешении уголовного дела в его отсутствие (ч. 4 ст. 247 УПК РФ).

4. Судебное разбирательство уголовных дел частного обвинения.

При этом считаем, что мировые судьи не должны рассматривать уголовные дела, разрешаемые в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Формально особый порядок разрешения уголовных дел в отношении обвиняемых, с которыми заключены досудебные соглашения о сотрудничестве, может применяться при рассмотрении уголовных дел различных категорий (начиная от преступлений небольшой степени тяжести и заканчивая особо тяжкими), поскольку какого-либо запрета на этот счет УПК РФ не содержит. Заметим, что в 2013 г. мировыми судьями РФ в особом порядке было рассмотрено 0,5 тыс. дел в отношении лиц, заключивших досудебные соглашения о сотрудничестве².

Несмотря на то что данная форма судебного производства является упрощенной (что обусловлено спецификой усеченного судебного следствия), все же целеполагание института досудебного соглашения о сотрудничестве кардинально отлично от назначения мировой юстиции в сфере уголовного судопроизводства – разрешения *малозначительных* уголовно-правовых конфликтов между гражданами посредством активного использования упрощенных и примирительных процедур.

Внедрение института досудебного соглашения о сотрудничестве в российское процессуальное законодательство в первую очередь обусловлено необходимостью борьбы с организованной

преступностью и ориентировано на оптимизацию деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию бандализма, заказных убийств, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и т.д., т.е. преступлений, совершаемых преступными сообществами и организациями, организованными преступными группами.

Необоснованное расширение спектра уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке при заключении лицами досудебных соглашений о сотрудничестве, их распространение на дела небольшой степени тяжести, разрешаемые мировыми судьями, видится нам нецелесообразным.

Анализируя данные статистики, отметим, что наиболее распространенной формой судебного разбирательства в мировых судах РФ является особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. В 2013 г. мировыми судьями РФ в особом порядке в соответствии с главой 40 УПК РФ рассмотрено 280,8 тыс. уголовных дел, что составляет 65 % от всех дел, оконченных производством в указанный период. Значительную часть уголовных дел, разрешаемых мировыми судьями, составили также дела частного обвинения – 83,0 тыс. дел (19,3 %)³.

В рамках настоящей статьи осуществим анализ специфики уголовно-процессуального доказывания в упрощенных формах судопроизводства, подвергнув исследованию производство по делам частного обвинения и производство по уголовным делам, осуществляемое в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, поскольку именно данные формы судебной деятельности являются наиболее распространенными и имеют существенные особенности доказательственной деятельности.

Доказывание при разрешении уголовных дел частного обвинения

Специфика правовой регламентации процессуального порядка разрешения уголовных дел частного обвинения предопределяет особенности осуществления мировыми судьями уголовно-процессуального доказывания.

Несомненное влияние на доказательственную деятельность мирового судьи, разрешающего уголовное дело частного обвинения, оказывает *предмет доказывания*.

А. В. Боярская закономерно отмечает, что предмет доказывания при разрешении уголовных дел частного обвинения обращен к различным участникам уголовного судопроизводства в неравной степени, поскольку «на частного обвинителя в рамках производства по делам частного обвинения возложена обязанность обосновать лишь данные, приведенные в его заявлении, соотносимые с обстоятельствами предмета доказывания, предусмотренными п. 1, 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, в полной мере предмет доказывания, закрепленный в ст. 73 УПК РФ, в этом производстве обращен только к суду. Последний в рамках названной процедуры является единственным субъектом, на которого закон возлагает обязанность собирать доказательства, относящиеся к элементам предмета доказывания, не затрагиваемым в заявлении о возбуждении уголовного дела частного обвинения»⁴.

Сужение предмета доказывания для сторон, необходимость установления всех обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, только судом обуславливают особенности доказательственной деятельности мировых судей, трансформируя их в активных субъектов уголовно-процессуального доказывания.

Учеными обоснованно отмечается исковая природа частного обвинения, его близость к гражданскому процессу, однако отдельные авторы (например, М. Ю. Жирова) делают неверный, по нашему мнению, вывод о том, что данные факторы обуславливают ограничение активности суда в собирании доказательств по сравнению с делами публичного обвинения⁵.

Ситуация диаметрально противоположная.

Отсутствие досудебных стадий производства по уголовному делу обуславливает существенные особенности доказательственной деятельности мировых судей, заключающиеся в активной реализации такого структурного элемента доказывания, как собирание доказательств.

В ходе разрешения уголовных дел *частно-публичного и публичного обвинения* деятельность суда носит исследовательский, а не поисковый характер, поскольку большой объем работы по собиранию, исследованию и отбору сведений, относящихся к событию преступления и могущих быть использованными впоследствии в качестве доказательств, производится органами, осуществляющими предварительное расследование.

В процессе судебного разбирательства *уголовных дел частного обвинения* субъектом, осуществляющим *собирание доказа-*

тельств, т.е. их первичное формирование, является *мировой судья*, поэтому доказательственная деятельность судьи преимущественно «поисковая».

Таким образом, отсутствие стадии предварительного расследования уголовных дел частного обвинения, напротив, – это один из факторов, обуславливающих *повышенную степень активности мирового судьи в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу*.

В равной степени необходимость активного участия мирового судьи в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, обуславливает и зачастую имеющая место юридическая некомпетентность частного обвинителя, вынужденного самостоятельно, без помощи профессиональных специалистов в области юриспруденции представлять свои интересы в суде, поддерживая обвинение.

Отмечая «процессуальную беспомощность» частного обвинителя, исследователи рассматривают различные пути оптимизации его деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

А. С. Александров, В. А. Лазарева предлагают обязать правоохранительные органы оказывать помощь частному обвинителю в сборе доказательств посредством осуществления отдельных следственных действий на основании поручения суда, удовлетворяющего соответствующее ходатайство какой-либо из сторон⁶.

Н. Е. Петрова считает возможным предоставить частному обвинителю право возбуждать перед судом ходатайство о применении меры пресечения, при этом, поскольку неофициальный обвинитель не обладает властными полномочиями, по мнению автора, он должен иметь возможность ходатайствовать перед судом о применении различных предусмотренных законом мер пресечения (заключения под стражу, залога, подписки о невыезде и т.д.). Потому, отмечает исследователь, необходимо наделить неофициального обвинителя правом представлять суду материалы, обосновывающие применение мер пресечения, участвовать в судебном заседании при рассмотрении указанного ходатайства, обжаловать решение суда в вышестоящую инстанцию⁷.

М. Ю. Жирова предлагает распространить нормы положений Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» на уголовное судопроизводство по делам частного обвинения с целью оказания бесплатной юридической помощи категориям граждан, указанным в ст. 20 данного закона⁸.

По мнению Ю. Е. Петухова, «необходимо законодательное закрепление двух форм уголовного преследования по уголовным делам частного обвинения – публичной и частной, которым должны соответствовать два вида способов собирания доказательств... выбор одной из указанных форм должно осуществлять само лицо, которое пострадало от противоправных действий»⁹.

В настоящее время, в силу недавних изменений законодательства, согласно ст. 226.1 и ч. 1 ст. 150 УПК РФ по делам частного обвинения при наличии ходатайства подозреваемого, признающего свою вину в совершении преступления, не оспаривающего правовую оценку деяния, характер и размер причиненного преступлением вреда, возможно производство *дознания в сокращенной форме* (при отсутствии обстоятельств, предусмотренных ст. 226.2 УПК РФ, исключающих производство сокращенного дознания).

Однако мы считаем, что данное решение законодателя является далеко не лучшим вариантом разрешения данной проблемы.

Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. в уголовно-процессуальное законодательство РФ была введена глава 32.1, регламентирующая особенности производства упрощенного (сокращенного) дознания.

Еще на стадии законопроекта правовая регламентация института сокращенного дознания вызвала резкое недовольство и критику, еще более обострившуюся после внедрения новой главы в УПК РФ.

Учеными справедливо отмечается необоснованное сужение, уменьшение законодателем предмета доказывания при осуществлении сокращенного дознания по сравнению с общим перечнем обстоятельств, входящих в предмет доказывания в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

Согласно ст. 226.5 УПК РФ к предмету доказывания при производстве дознания в сокращенной форме относится установление лишь таких обстоятельств, как событие преступления, характер и размер причиненного вреда, а также виновность лица в совершении преступления.

Установление же иных обстоятельств, в частности обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих и отягчающих наказание, по мнению законодателя, не является обязательным, что, безусловно, неверно.

Наличие или отсутствие вышеуказанных обстоятельств прямо влияет на возможность инициирования самой процедуры уго-

ловного преследования в принципе, на объективность и справедливость решения, принимаемого в дальнейшем суде.

Существенными особенностями характеризуется и процесс собирания и проверки доказательств.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ доказательства собираются лишь в объеме, достаточном для установления обстоятельств, входящих в вышеуказанный усеченный предмет доказывания.

Во-вторых, в соответствии с ч. 2 дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств.

Пределы доказывания также могут быть ограничены и объемом доказательств, содержащихся в материалах проверки сообщения о преступлении, так как в соответствии с ч. 4 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель вправе не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Проверка доказательств также сопряжена с рядом ограничений.

Во-первых, обязанность дознавателя проверять доказательства ставится в зависимость от сторон обвинения и защиты, так как согласно п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем.

Во-вторых, по сути, придается преюдициальное значение материалам проверки сообщения о преступлении, так как дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения. Дознаватель также вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, что, как отмечают ученые¹⁰, противоречит разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данному в п. 1, 20 постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», согласно которому

специалист не проводит исследование доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами, т.е. процессуальные полномочия эксперта и специалиста четко разграничены, и, соответственно, проведение исследований не относится к компетенции специалиста.

Таким образом, как обоснованно отмечает В. Г. Глебов, установление истины по делу и пределы доказывания ограничиваются на основании субъективного мнения некоторых участников процесса¹¹.

Среди недостатков процессуальной регламентации указывается и на ущербность норм ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ, в силу которой подозреваемый, обвиняемый и потерпевший наделяются правом в любое время до удаления суда в совещательную комнату заявить ходатайство о прекращении дознания в сокращенной форме.

По мнению процессуалистов, данное положение закона чревато возможностью злоупотребления обвиняемым своими правами и выгодно прежде всего стороне защиты, так как, изучив все материалы уголовного дела, ознакомившись со всеми доказательствами, обвиняемый и его защитник могут заявить такое ходатайство и более выгодно выстроить линию защиты¹², в частности в конце судебного заседания, перед удалением суда для вынесения приговора, отказаться от своих признательных показаний и потребовать проведения расследования в обычной форме, когда возможности сбора и проверки доказательств по делу в полном объеме объективно уже утрачены.

У ученых вызывает опасение возможность самоговора лица по различным мотивам, придания излишнего доказательственного значения признательным показаниям обвиняемого, потенциальная опасность маскировки сокращенным дознанием отсутствия доказательственной базы по уголовным делам¹³. Поэтому процессуалисты предлагают различные меры по оптимизации производства дознания в сокращенной форме.

Так, В. Н. Перекрестов предлагает законодательно закрепить необходимость производства допроса подсудимого в стадии судебного разбирательства (поскольку в дальнейшем, как известно, судебное производство по делу осуществляется в особом порядке, характеризующемся отсутствием исследования доказательств на этапе судебного следствия)¹⁴.

А. В. Нохрин видит выход в создании специального органа, занимающегося расследованием преступлений только в форме

сокращенного дознания, поскольку сокращенный срок расследования дел данной категории требует наличия у дознавателей высокой квалификации. По мнению автора, в условиях сжатых сроков количество процессуальных ошибок будет увеличиваться, что приведет к низкой раскрываемости таких дел¹⁵.

Мы же считаем, что пороки и изъяны законодательной регламентации сокращенного дознания слишком значительны и вряд ли могут быть устранены подобными правовыми новеллами. Думается, что вся глава 32.1 должна быть признана утратившей юридическую силу и исключена из норм УПК РФ, поскольку она противоречит как правилам уголовно-процессуального доказывания, так и назначению всего уголовного судопроизводства в целом.

Поэтому, безусловно, видится целесообразным осуществление дознания по делам частного обвинения (равно как и по всем иным категориям уголовных дел) не в сокращенной форме, а в общем порядке.

Что же касается стадии *судебного разбирательства*, то мы считаем необходимым закрепить в УПК РФ норму, регламентирующую необходимость обязательного участия в рассмотрении уголовных дел частного обвинения профессионального *адвоката – представителя частного обвинителя*, который окажет квалифицированную юридическую помощь в реализации прав данного участника уголовного процесса.

Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ)

Осуществляя доказательственную деятельность, суд производит сбор, проверку и оценку доказательств с целью установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

На первый взгляд, процесс доказывания при разрешении уголовных дел в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, кажется более упрощенным по сравнению со спецификой доказывания, осуществляемого мировыми судьями при рассмотрении дела в общем порядке.

Судебное следствие по делам данной категории является усеченным. Могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчаю-

щие и отягчающие наказание, но в общем порядке исследование и оценка доказательств, собранных по уголовному делу, судьей не производится.

В силу указанных особенностей законодательной регламентации стороны освобождаются от обязанности обосновывать свои позиции относительно всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Они лишь могут представить сведения, характеризующие личность подсудимого, а также обосновать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, т.е. предмет доказывания для сторон является суженным.

Однако данное положение отнюдь не распространяется на суд.

В соответствии с ч. 7 ст. 316 УПК РФ судья постановляет обвинительный приговор, если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, *обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу*. В соответствии с ч. 2 ст. 77 УПК РФ признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

Мировой судья обязан *в полном объеме* произвести исследование и оценку доказательств, но осуществляет данные элементы доказательственной деятельности самостоятельно, без участия сторон (думается, что даже в большей степени на стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству), что, безусловно, в значительной степени *усложняет* процесс доказывания при рассмотрении уголовных дел в особом порядке.

Таким образом, и дела частного обвинения, и судебное производство по уголовным делам, проводимое в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, характеризуются *сужением* предмета доказывания *для сторон* – участников процесса *с одновременным оставлением без изменения обстоятельств, подлежащих доказыванию в порядке ст. 73 УПК РФ, для суда*; претерпевает качественную трансформацию и компетенция участников уголовного судопроизводства.

Подводя итоги краткому анализу специфики доказательственной деятельности, осуществляемой мировыми судьями в некоторых упрощенных производствах, хотим сделать следующий вывод: *упрощение процессуальной формы, находящее свое выражение в неоднородном распределении предмета доказывания между участниками уголовного процесса и судом, видоиз-*

менении деятельности субъектов судопроизводства, изъятии отдельных стадий уголовного процесса, усложняет процесс уголовно-процессуального доказывания, осуществляемого мировыми судьями.

¹ См.: *Головинская И. В.* Мировая юстиция : концепция совершенствования уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2008. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 15.07.2014).

² См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 г. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.08.2014).

³ См.: Там же.

⁴ *Боярская А. В.* Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 9.

⁵ См.: *Жирова М. Ю.* Особенности доказывания по делам частного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 7.

⁶ См.: *Александров А. С.* Диспозитивность в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995 ; *Лазарева В. А.* Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Саратов, 1999.

⁷ См.: *Петрова Н. Е.* Частное и субсидиарное обвинение. Самара, 2004. URL: <http://www.Twirpx.com>>File>544618 (дата обращения: 20.08.2014).

⁸ *Жирова М. Ю.* Особенности доказывания по делам частного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 7.

⁹ См.: *Петухов Ю. Е.* Соотношение публичного и частного обвинения в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 1996. С. 19, 20.

¹⁰ См.: *Зайцева Е. А.* Новый закон о сокращенном дознании и регламентация использования специальных знаний в досудебном производстве по уголовным делам // Рос. судья. 2013. № 4. С. 36–39.

¹¹ См.: *Глебов В. Г.* К вопросу об эффективности сокращенных форм досудебного производства в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме : вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей / под ред. И. С. Дикарева. Волгоград, 2013. С. 20.

¹² См.: *Нохрин А. В.* Проблемы дознания в сокращенной форме // Молодой ученый. 2014. № 5. С. 371.

¹³ См.: *Кругликов А. П.* Дознание в сокращенной форме : почему органам дознания и суду можно не исследовать должным образом доказательства при расследовании и рассмотрении уголовного дела? // Дознание в сокращенной форме : вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей / под ред. И. С. Дикарева. Вол-

гоград, 2013. С. 66, 67 ; *Полуяктова Н.* Сокращенному дознанию быть? // Юрист. 2012. № 31 ; и др.

¹⁴ См.: *Перекрестов В. Н.* Признание вины как условие сокращенного порядка дознания / Дознание в сокращенной форме : вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей / под ред. И. С. Дикарева. Волгоград, 2013. С. 86.

¹⁵ См.: *Нохрин А. В.* Проблемы дознания в сокращенной форме. С. 372.

О. Н. Куликова

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СФЕРЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

Защита интеллектуальной собственности является одной из составляющих государственной безопасности. Выполнение этой государственной задачи рассматривается как одно из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов.

Следует отметить, что причина выбора пользователями контрафактной продукции – низкий уровень правового сознания и уважения к интеллектуальной собственности среди населения, а также ценовая доступность пиратских копий. К сожалению, наше общество пока недооценивает вред, который наносит деятельность «пиратов». Решительное пресечение преступной деятельности в сфере нарушения авторских и смежных прав приобрело сегодня особую актуальность.

Согласно проведенному анализу следует признать, что принимаемые меры по уголовно-правовой охране интеллектуальной собственности еще не носят системного, целенаправленного и предупреждающего характера, о чем свидетельствует судебная статистика¹.

Учитывая, что при раскрытии и расследовании преступлений в сфере нарушения авторских и смежных прав (ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации) очень часто возникают проблемные вопросы, в данной статье будут рассмотрены лишь некоторые из них.

Итак, на наш взгляд, следует рассмотреть вопросы о возможности привлечения специалиста к расследованию преступлений данной категории как на стадии производства доследственной проверки, так и в ходе расследования уголовного дела, в том числе использования специальных знаний при назначении судебных экспертиз, ошибки, допускаемые следователями при назначении судебных экспертиз².

Законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) (ст. 58) дает определение: специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Учитывая специфику рассматриваемого вида преступлений, можно выделить ряд особенностей использования специальных знаний. Рассмотрим их подробно.

1. Консультация специалиста.

Может быть в не процессуальной форме: привлечение лица, обладающего специальными познаниями, до возбуждения уголовного дела, например, при проведении оперативно-технических мероприятий по установлению местонахождения и функционального назначения средств вычислительной техники, наличия на них средств защиты информации и возможностей доступа к защищаемой информации.

В процессуальной форме – перед проведением следственного действия: при определении тактики проведения следственного действия, например, в последовательности осмотра помещений, вычислительной техники; при решении вопросов о необходимости привлечения персонала; при необходимости осмотра информации и предметов непосредственно на месте проведения следственного действия; в порядке отключения средств вычис-

лительной техники, если на момент проведения следственного действия они будут находиться во включенном состоянии; при установлении целесообразности изъятия документов и предметов; при определении способов изъятия компьютерной информации в виде копирования на носители; при изъятии только самих носителей.

Следует отметить, что согласно ст. 182, 183 УПК РФ при производстве обыска, выемки изъятие электронных носителей производится с обязательным участием специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей специалистом в присутствии понятых осуществляется копирование информации на другой носитель, предоставленный владельцем. Однако если такое копирование по заявлению специалиста может повлечь утрату информации, то копирование не производится.

2. Участие в осмотре места происшествия, в производстве обыска, выемки.

В ходе данных следственных действий участие специалиста является самым распространенным, поскольку именно там следователю нужна помощь, которая выражается в специальных познаниях сведущего лица. Так, специалист участвует в описании средств вычислительной техники; при необходимости совместно со следователем принимает решение о выключении средств вычислительной техники, однако следует помнить, что выключение техники без консультаций специалиста не рекомендуется, поскольку есть шанс утратить всю информацию, хранящуюся в памяти технического устройства. Помимо этого, специалист участвует при изъятии/копировании компьютерной информации, упаковке средств вычислительной техники и иных носителей.

Обстоятельства, на которые следователю необходимо обращать внимание и учитывать их при изъятии объектов, содержащих компьютерную информацию, – это территориальное распределение средств вычислительной техники, поскольку они могут иметь расположение в разных местах (здания, города, страны). При осмотре с помощью специалиста необходимо выявлять: наличие средств защиты информации от несанкционированного доступа (аппаратных, программных, программно-аппаратных), поскольку это может привести к утрате полезной информации; способы размещения информации на различных видах носителей, возможности и способы ее обработки, форматы хранения.

3. Участие в осмотре предметов и документов.

Данные следственные действия должны проводиться с участием либо непосредственно им самим, поскольку осмотр необходимо осуществлять в условиях лаборатории на стендовом оборудовании, позволяющем заблокировать запись на объект, содержащий компьютерную информацию. Данный вид осмотра особенно рекомендован, когда у следователя нет понимания, какого рода информацию о преступлении он может получить из объекта, либо нет возможности формализовать описание данной информации. При проведении осмотра непосредственно следователем приглашенный для участия специалист окажет неоценимую помощь в: описании осматриваемых объектов и самого процесса осмотра; получении доступа к компьютерной информации, ее конвертации к удобному для просмотра формату; распечатывании или копировании искомой информации на машинные носители.

4. Участие в следственном эксперименте.

При проведении данного следственного действия проверяются имеющиеся в деле фактические данные путем проведения опытов и испытаний в условиях, максимально приближенных к расследуемому событию. Здесь специалист окажет помощь: в подготовке к опытным действиям специальной техники; при непосредственном производстве опытов он может оказать помощь следователю в оценке действий лиц, участвующих в эксперименте, оценке даваемых ими пояснений, в части своих познаний как специалиста.

5. Участие в проведении допроса лиц.

Данное следственное действие проводится с целью установления обстоятельств, имеющих значение для расследования преступления. При этом специалист может оказать помощь следователю в: правильной постановке задаваемых вопросов, в том числе постановке уточняющих вопросов; детализации полученных показаний, на предмет разъяснения специальных терминов, возможностей использования той или иной техники; и др.

6. Назначение и производство судебных экспертиз.

Перед назначением судебной экспертизы следователю необходимо: выяснить возможности проведения данного вида экспертизы в конкретном экспертном учреждении; предварительно сформулировать вопросы для эксперта (возможно получение консультаций различных специалистов); представить постановление для ознакомления участникам уголовного судопроизводства

тва, в том числе с целью постановки ими дополнительных вопросов на рассмотрение эксперта.

Следователям при назначении судебной экспертизы также следует помнить, что эксперт не занимается выявлением, квалификацией, раскрытием и расследованием преступлений, не занимается тестированием оборудования и программного обеспечения, не отвечает на правовые вопросы, хотя и разбирается в них, чтобы не выйти за пределы своей компетенции. В том числе не определяет ущерб, причиненный правообладателю. По данному вопросу в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 имеются разъяснения о том, что при установлении признака крупного или особо крупного размера деяний, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации, следует исходить из розничной стоимости оригинальных (лицензионных) экземпляров произведений или фонограмм на момент совершения преступления, исходя при этом из их количества, включая копии произведений или фонограмм, принадлежащих различным правообладателям.

При необходимости стоимость контрафактных экземпляров произведений или фонограмм, а также стоимость прав на использование объектов интеллектуальной собственности может быть установлена путем проведения экспертизы (например, в случаях, когда их стоимость еще не определена правообладателем)³. Вопрос о контрафактности является исключительно правовым, о чем говорится в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 15 от 19 июня 2006 г. «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах».

Следует также отметить, что согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ возможность назначения судебной экспертизы, участия в ее производстве, получении заключения судебного эксперта следователь (дознатель и т.д.) имеет уже на стадии проверки сообщения о преступлении.

Как показывает следственная практика, в настоящее время экспертизы по делам данной категории носят, как правило, комплексный характер, поскольку в их рамках проводятся как компьютерные/компьютерно-технические исследования, так и решаются автороведческие, товароведческие и другие задачи. При

проведении комплексной экспертизы производится исследование как содержимого носителей, так и дополнительно исследуются и выявляются внешние технические признаки контрафактности исследуемых экземпляров, определяются правообладатели программных продуктов, определяется стоимость экземпляров⁴.

¹ Официальный сайт судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>

² Специальные знания при выявлении и расследовании дел, связанных с нарушениями авторских и смежных прав на программы для ЭВМ и базы данных : метод. пособие. М., 2012.

³ Методика расследования преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ : науч.-метод. пособие Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб., 2004.

⁴ Справочник цен на лицензионное программное обеспечение НП ППП «Некоммерческое Партнерство Поставщиков Программных Продуктов». М., 2014.

В. А. Мещеряков

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Достаточно незаметно для каждого из нас человечество плавно вошло в стадию своего развития, которая получила название «информационное общество». Информационное общество – это общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы – знаний.

Сегодня мы четко осознаем, что информация имеет приоритет над всеми другими видами человеческой деятельности. Информация в чистом виде, а также сервис доступа к ней становятся предметом купли-продажи. Взаимодействие человека и государства, государства и бизнеса, некоммерческих организаций

между собой строится на основе информационно-телекоммуникационных технологий.

По данным, приведенным в одном из отчетов аналитиков Всемирного банка, национальное богатство развитых государств составляют:

5 % – природные ресурсы;

18 % – материальный, произведенный капитал;

77 % – знания и умения ими распорядиться.

В информационном обществе изменятся не только производство, но и весь уклад жизни, система ценностей. Человек везде (в производственных процессах, коммуникациях, отдыхе и развлечении) активно использует технические устройства на основе вычислительной техники и информационных технологий («интернет вещей»).

Наряду с традиционным материальным миром возникает специфическая среда существования человека – «кибернетическое пространство», обладающее рядом характерных особенностей.

1. Человек неотделим от комплекса технических устройств, которые он либо носит с собой (мобильные телефоны, гаджеты), либо попадает в их сферу действия (камеры видеонаблюдения, базовые станции мобильной связи), либо регулярно обращается к ним (социальные сети, интернет-ресурсы).

Вот несколько фактов, подтверждающих данный тезис.

Мобильные телефоны. По данным Всемирной книги фактов (The World Factbook), ежегодно издаваемой Центральным разведывательным управлением, в октябре 2013 г. в мире насчитывалось около 6,8 млрд мобильных телефонов, что означает 87%-ный охват населения. При этом данные показатели для Европейского союза были равны 93,7 %, для США – 103,9 % и для Российской Федерации – 155,5 %.

Камеры видеонаблюдения. По результатам исследований проведенных в 2011 г. в Великобритании в графстве Чешир, оказалось, что обычный человек в обычный день при существовавшей на момент проведения исследования плотности видеокамер (это в среднем 1 видеокамера на 32 человека) будет запечатлен около 70 раз различными видеокамерами. Всего же в Великобритании в 2011 г. насчитывалось более 1,85 млн работающих видеокамер.

Появление недорогих и качественных мобильных видеорегистраторов привело к их повсеместному использованию: от автомобиля и беспилотника до экипировки спортсменов экстремаль-

ных видов спорта. Сегодня каждый пятый автомобиль в России (а их сегодня более 50 млн) оснащен видеорегистратором. Только в 2013 г. их продано более 2 млн 100 тыс. штук.

Социальные сети. Поражает глубина овладения современными информационными сервисами человеческим обществом. Так, по данным статистики на конец 2012 г. 34,3 % всего населения планеты имело доступ в интернет. В Европе этот показатель превысил 63 %.

В Российской Федерации примерно в это же время (сентябрь 2012 г.) число пользователей социальной сети «Facebook» приближается к 5 % всего населения страны (6 655 720 зарегистрированных учетных записей) с различным уровнем проникновения: от 19 % в Москве и 13 % в Санкт-Петербурге до 6 % в Воронеже и 2 % в Рязани. Все это не считая других распространенных социальных сетей – «Одноклассники», «Вконтакте» и др.

В популярную игру «World of Tanks» 29 января 2014 г. одновременно играло более 1 млн 114 тыс. человек.

В таком мире сегодня человек проводит время, получает и распространяет информацию, взаимодействует с себе подобными. Соответственно, в нем он оставляет следы своей активности и проявляет различные стороны своей личности.

2. Все технические устройства содержат в себя связанные элементы, позволяющие подключать их к компьютерным сетям и осуществлять взаимодействие между собой. Круг таких предметов очень разнообразен: телевизоры, кондиционеры, видеокамеры, часы, пульсометры, теперь даже лампочки и столовые приборы. Все эти предметы взаимодействуют между собой и пытаются подстроить собственные режимы работы к привычкам и особенностям конкретного человека. Уже сложился термин «интернет вещей», отражающий подобную ситуацию, в которой мы начинаем жить.

3. Все названные выше устройства генерируют, хранят и передают огромные объемы информации различных форматов и свойств. Объемы такой информации гигантские и измеряются космическими числами. Мы сталкиваемся с явлением, которое получило обобщенное название «большие данные».

Приведем несколько фактов, для того чтобы представить, что такое «большие данные». По результатам исследования, проведенного в 2012 г., в ближайшие 8 лет количество данных в мире достигнет 40 зеттабайт, что эквивалентно 5200 гигабайт (Гб) на каждого жителя планеты. 40 зеттабайт эквивалентно 40 трилли-

онам Гб, что в 57 раз больше, чем количество песчинок на пляжах на всей поверхности Земли.

По прогнозам, количество данных на планете будет удваиваться каждые два года вплоть до 2020 г.

Большую часть данных, которая будет произведена в период с 2012 по 2020 г., сгенерируют не люди, а машины в ходе взаимодействия друг с другом и другими сетями данных. Сюда относятся, например, сенсоры и интеллектуальные устройства, которые могут взаимодействовать со сторонними устройствами.

В качестве источников больших данных могут выступать непрерывно поступающие данные с измерительных устройств, события от радиочастотных идентификаторов, потоки сообщений из социальных сетей, метеорологические данные, данные дистанционного зондирования земли, потоки данных о местонахождении абонентов сетей сотовой связи, устройств аудио- и видеорегистрации и т.п. Собственно, массовое распространение перечисленных технологий послужило отправной точкой для проникновения больших данных во все сферы деятельности человека. При этом правоохранительная деятельность не является исключением в этом ряду.

4. Современный уровень развития вычислительной техники и информационных технологий позволяет весь этот гигантский объем разнородной информации, зафиксированной в различных форматах (видеозаписи камер наблюдения, биллинговая информация мобильных операторов, геометки фотографий и т.п.), весьма часто обновляемой и находящейся в разных источниках, обрабатывать либо в режиме реального времени, либо в режиме, пригодном для его эффективного целевого использования (пример Игоря Ашманова).

Термин «большие данные» объединяет техники и технологии, которые извлекают смысл из данных на экстремальном пределе практичности.

В связи со всем сказанным возникает закономерный вопрос: насколько готовы отечественные правоохранительные органы работать в условиях широкого внедрения новых информационных технологий.

К сожалению, преступный мир к этому готов. Так, по результатам исследования «Norton Cybercrime Report» в 2012 г. размер ущерба от киберпреступлений во всем мире достиг \$110 млрд из которых \$2 млрд приходится на Россию. В Российской Федерации более 31,4 млн человек стали жертвами киберпреступников.

За последний год около 556 млн пользователей старше 18 лет во всем мире пострадали от киберперступности – это больше, чем все население Европейского союза. Таким образом, 46 % всех онлайн-пользователей старше 18 лет в течение последнего года стали жертвами киберпреступности. При этом средний ущерб от кибератаки на одного среднестатистического пользователя составляет \$197.

Степень готовности отечественной правоохранительной системы к борьбе с высокотехнологичной преступностью можно оценить по наличию адекватной законодательной и нормативной базы, разработанности методик расследования отдельных видов преступлений и уровню подготовки следователей, оперативных работников и экспертов.

Предварительный анализ показал, что мы только вначале этого пути и предстоит сделать еще очень много.

Во-первых, есть необходимость посмотреть на кибернетическое пространство не как на сеть электрической связи, а как на новую полноценную среду человеческой жизни во всех ее проявлениях. Соответственно, в данной среде не стоит ограничиваться только традиционным контролем и записью переговоров, снятием информации с технических каналов связи. В кибернетическом пространстве могут быть осуществлены все основные оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия (например, наведение справок, оперативное внедрение, следственный осмотр и т.п.).

Во-вторых, следует глубоко теоретически проработать новые механизмы слеодообразования в кибернетическом пространстве. Формируемые в нем виртуальные следы коренным образом отличаются от общепринятых материальных и идеальных. Они дискретны, могут состоять из нескольких частей, расположенных на различных устройствах хранения и размещенных в различных географических точках. Они принципиально ненадежны, теоретически их можно подделать.

В связи с этим требуются специфические действия по их обнаружению, фиксации и корректному изъятию.

В-третьих, следует внимательно разобраться с новой категорией доказательств, основанных на цифровой информации (системные реестры, журналы событий и т.п.) и их специфических свойствах. В частности, для доказательств, основанных на цифровой информации, могут проявляться свойства просто «крамольные» для классических представлений уголовного процес-

са. Например, можно смело утверждать, что априорно степень доверия к доказательствам, сформированным с использованием более совершенного оборудования (с большим разрешением, большей частотой дискретизации и т.п.), будет выше, чем к доказательствам, сформированным на основе менее совершенного оборудования. И, как следствие, подделку, выполненную на более качественном оборудовании, будет невозможно выявить с использованием менее совершенного оборудования.

В-четвертых, следует сформировать новые представления о процессе доказывания с использованием цифровой информации. В поле зрения следствия появляются новые объекты (например, интернет-сайты, торрент-сети, виртуальные машины и т.п.). Возникает необходимость формирования принципиально новых следственных действий либо проводить глубокую специфическую модификацию существующих следственных действий. Отказ от решения этих задач уже приводит к появлению неких процессуальных суррогатов – нотариального удостоверения такого факта, как текущий вид интернет-сайта.

Без решения всех обозначенных проблем существующее положение вещей будет только усугубляться.

А. В. Лясковец, А. А. Сизов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТРОЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ И ПЛАНИРОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ

Кража как статистически одно из наиболее распространенных преступлений требует особого внимания в вопросах построения криминалистических версий при ее расследовании. Особая роль данного этапа расследования подобного преступного посягательства обусловлена целым комплексом различного рода факторов, которые в своей совокупности требуют качественного построения криминалистических версий для достижения эффективного результата в максимально короткие сроки.

© Лясковец А. В., Сизов А. А., 2015

Важнейшая роль на первоначальном этапе расследования краж отведена следственным ситуациям. Категориально определяя данное понятие, в наиболее общем виде указанное определение можно сформулировать как существующую в данный момент реальность, в условиях которой действует следователь. Разумеется, судить об этой реальности он может по сведениям о ней, по той информационной модели, которая ее отражает, но ситуацией в буквальном ее значении является сама реальность, а не ее модель.

Серьезное внимание следует уделить дифференциации понятий следственной ситуации и ситуации расследования. Если в первом случае практический работник имеет дело с моделью совершенного преступного посягательства, то ситуация расследования конкретного преступления представляет собой обстановку, которая характеризует расследуемое посягательство.

Следственная ситуация образует в своей совокупности динамическую систему, постоянно изменяющуюся под воздействием объективных и субъективных факторов. Объективные факторы – это те не зависящие от участников расследования причины, которые вызывают изменения ситуации; субъективные факторы – причины, порождаемые действиями и поведением участников расследования и иных лиц, оказавшихся в той или иной степени втянутыми в сферу судопроизводства.

Для первоначального этапа расследования краж чужого имущества чаще всего характерен следующий комплекс следственных ситуаций:

- 1) имеется достаточно полная информация о преступном событии и конкретные данные о лице, совершившем преступление;
- 2) имеются относительно полная информация о преступном событии и отдельные сведения о лице, совершившем преступление;
- 3) имеются неполные данные о преступном событии, отсутствуют сведения о лицах, совершивших преступление.

Особый интерес вызывает нередко возникающая на практике следственная ситуация, при которой лицо, совершившее кражу, в принципе не имеет никакой информации, у кого конкретно оно похитило имущество. В подобном случае парадокс состоит в том, что при наличии преступления и потенциального преступника отсутствует потерпевший, либо потерпевший есть, однако следователь вынужден, анализируя полученную от подозреваемого информацию, самостоятельно выявить потерпевшего.

Несмотря на кажущуюся глупость подобной следственной ситуации, в практическом смысле ее анализ и разрешение все равно входят в компетенцию лица, расследующего преступление.

Собирание, исследование и оценка доказательств по уголовному делу – это сложный многогранный процесс. Его конечная цель состоит в полном и точном установлении всех обстоятельств расследуемого события. Выводы следователя относительно фактов, образующих преступление, сформулированные в обвинительном заключении или другом процессуальном документе, которым завершается расследование, должны быть истинными, т.е. соответствующими действительности.

Однако истинное знание о составе преступления складывается не сразу, а в итоге тщательного и всестороннего изучения и проверки доказательств.

В начальный период расследования о многих фактах можно составить не истинное, а вероятное, предположительное мнение. В ряде случаев нельзя определенно утверждать, кем было совершено преступление, с какой целью, когда, где, при каких обстоятельствах, было ли совершено преступление или имеет место инсценировка либо несчастный случай.

Подобные неопределенности объясняются неполнотой, противоречивостью доказательственной информации. Постепенно, по мере изучения фактов и накопления достоверной информации, предположение сменяется точным и полным знанием, догадки уступают место достоверным выводам, которые и образуют истинное знание о событии.

Переход от вероятности к достоверному знанию – закономерность любого процесса познания, в том числе и расследования преступлений. На основе этой закономерности разрабатываются методы познания, одним из которых является построение и проверка версий как на первоначальном, так и на последующем этапе расследования.

Таким образом, при расследовании краж чужого имущества на основании анализа информации, полученной в результате первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, определяется содержание планирования дальнейшего расследования. При этом выдвигаются наиболее типичные общие версии о происшедшем. Такими версиями в зависимости от конкретных обстоятельств дела обычно являются следующие:

- 1) кража имела место при обстоятельствах, о которых сообщает заявитель;
- 2) кража имела место, но при других обстоятельствах;
- 3) кражи не было, а заявитель добросовестно заблуждается;
- 4) кража инсценирована.

Проверка этих версий определяет общее направление расследования и позволяет решить вопрос, была ли в действительности совершена кража. Названные версии определяют направления расследования по факту расследования кражи и составляют основу планирования.

На данном этапе важнейшее значение имеет умение следователя выбрать правильное направление расследования. То есть с точки зрения планирования версий следует определиться с тем объектом, от которого необходимо отталкиваться при дальнейшем производстве расследования кражи. В качестве подобного объекта может выступать, например, личность потерпевшего. Следовательно, исходя из его показаний практический работник строит расследование, а в дальнейшем проводит соответствующие следственные действия и мероприятия.

Иными объектами могут выступать личность преступника либо само похищенное имущество.

Выбор объекта – сложный и важный аспект, который должен отталкиваться от конкретной информации, имеющейся у следователя, на первоначальном этапе расследования. Правильный выбор объекта позволяет сократить срок расследования, при этом добиться эффективного результата.

Например, при расследовании кражи какого-то нестандартного либо приметного имущества имеет смысл выбрать направление следственных действий, отталкиваясь именно от похищенного предмета. Подобная ситуация также может быть применена к индивидуально определенным предметам, идентификация которых, а также выяснение их местонахождения являются относительно несложной задачей (например, автомобиль или предметы искусства).

Ситуация, когда приходится отталкиваться от личности заявителя, наиболее распространена. В подобном случае процесс построения криминалистических версий тесно завязан с потерпевшим, кругом его общения, взаимоотношениями в социальных группах, а также рядом иных факторов. Качественный анализ может позволить следователю не просто выявить мотив и причину кражи, но и определиться с кругом потенциальных подозреваемых.

Версия об инсценировке кражи должна проверяться наряду с другими версиями по делу. Инсценировка предпринимается мнимыми потерпевшими с целью сокрытия фактов присвоения и растраты доверенного имущества, своей халатности при хранении и использовании документов, как личных, так и служебных, сокрытия тех или иных неблагоприятных поступков или обстоятельств. Случаи инсценировки возможны при расследовании всех видов краж, но наиболее типичны для сокрытия присвоения или растраты доверенного имущества¹.

Эффективными средствами подтверждения и разоблачения инсценировки служат осмотр места «кражи», следственный эксперимент и экспертиза.

Наряду с указанными общими версиями, выдвигаются также версии относительно лица, совершившего кражу, или круга лиц, среди которых следует искать преступника, в частности:

1) кража совершена посторонним лицом (т.е. не связанным с деятельностью объекта при краже из учреждений, организаций, предприятий – без содействия материально ответственных лиц;

2) кража совершена не материально ответственным лицом, а работниками этого объекта или лицами, охраняющими его;

3) кража совершена посторонним лицом при содействии работников объекта, в том числе и материально ответственных лиц, стремящихся таким образом скрыть образовавшуюся недостачу ценностей.

Версии о лицах, причастных к совершению кражи, выдвигаются на основании выявленных фактических данных о способе совершения преступления, характере похищенного имущества, а также с учетом следов и других вещественных доказательств, оставленных преступниками на месте кражи.

В случаях когда на первоначальном этапе расследования установить преступников не удалось, чрезвычайно важно спланировать и организовать расследование по определенным версиям. Следственная практика знает примеры, когда для работы по отдельным версиям создаются специальные следственно-оперативные группы.

При расследовании рассматриваемых преступлений чаще всего выдвигаются следующие типичные версии:

1) преступление совершено лицами, работающими на предприятии, в учреждении, организации, перевозившими имущество, знавшими о его местонахождении;

2) преступление совершено лицами, проживающими или работающими вблизи от места совершения преступления;

3) преступление совершено лицами, прибывшими из других городов (преступниками-гастролерами);

4) преступление совершено лицами, ранее совершавшими аналогичные преступления (в том числе недавно освободившиеся из мест лишения свободы, находящимися в розыске);

5) преступление совершено лицами, знакомыми потерпевшему (материально ответственному лицу);

6) преступление инсценировано с целью скрыть другое преступление, например, присвоение или растрату (ст. 160 УК РФ).

Дальнейшая конкретизация версий осуществляется в зависимости от оценки полученной доказательственной и ориентирующей информации.

Планирование – это сложный мыслительный процесс, суть которого заключается в определении направленности и задач расследования, способов и средств их решения в рамках закона. Оно не является методом расследования, как иногда полагают, поскольку само по себе не служит средством установления истины. Планирование еще не означает осуществление этой деятельности – это лишь предпосылка, условие, иногда необходимость достижения поставленной цели. И в то же время планирование – метод, но не расследования, а организации расследования. И в этом смысле следует говорить о нем как об организованной основе расследования².

Организирующая функция планирования заключается в постановке задач, определении путей и способов ее разрешения, последовательности требуемых действий, расстановке имеющихся сил и средств и т.п. А это все – элементы организации расследования. Умственная деятельность следователя направлена на построение мысленной модели всего акта расследования, материальным выражением которой служит его письменный план.

Как уже отмечалось, логической основой такого планирования является следственная версия. Но из этого не следует, что версия – единственная основа планирования.

Естественно, планирование следственных действий, необходимых для проверки версии, составляет центральную часть плана. Но кроме этого, план расследования включает и другие процессуальные действия: предъявление обвинения, меру по обеспечению возмещения причиненного преступлением ущерба,

признание потерпевшим и др., а также организационно-технические мероприятия.

Наиболее типичными случаями планирования расследования по делам о кражах являются следующие:

1) планирование расследования при отсутствии данных о лице, совершившем кражу;

2) планирование расследования при наличии некоторых (частичных) сведений о подозреваемом лице;

3) планирование расследования, когда известно лицо, совершившее преступление.

В первом случае планирования предусматриваются:

– информирование личного состава органов полиции и исполнительных учреждений (в том числе соседних территорий и транспортных органов) о совершении кражи и приметах похищенного имущества;

– перекрытие каналов возможного сбыта похищенного имущества и постановка похищенных вещей на криминалистический учет;

– выявление свидетелей и допрос их с целью получения сведений о лицах, причастных к совершению кражи; установление лиц, которыми оставлены следы или какие-либо предметы на месте происшествия (проверка по дактилоскопическим учетам, предъявление свидетелям для опознания и т.д.);

– допросы свидетелей для получения дополнительных сведений об обстоятельствах кражи, позволяющих определить направление действий по розыску преступников (например, сведений о лицах, проявляющих интерес к охране объекта, наличию на объекте ценностей, наиболее легким путям проникновения на объект; данных о достоинстве похищенных купюр, о лицах, имеющих доступ к орудиям, которые могли быть использованы для взлома преград, или иным техническим средствам совершения кражи);

– выявление лиц, которые могли видеть преступника, а также лиц, располагающих иными сведениями, облегчающими их установление;

– выявление и проверка тех работников оборованного объекта, которые были судимы за различные имущественные преступления или могли быть заподозрены в причастности к совершению кражи;

– проведение различных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление лиц, подозреваемых в совершении кражи;

– использование учета похищенных и изъятых вещей, а также других возможностей криминалистических учетов (например, по способу совершения кражи);

– выявление с помощью общественности в районах совершения кражи лиц, поведение и образ жизни которых дают основания подозревать их в причастности к совершению краж, других преступлений;

– проведение экспертиз (трасологической, химической, биологической, судебно-медицинской, почерковедческой) для получения сведений о личности преступника на основании следов, обнаруженных на месте происшествия;

– проведение следственных экспериментов для проверки показаний свидетелей, а также с целью разоблачения инсценировки краж.

Во втором случае предусматриваются:

– информирование о приметах подозреваемого работников уголовного розыска, а также патрульно-постовой службы, участковых инспекторов и других работников полиции для принятия ими соответствующих мер;

– информирование о приметах подозреваемого и использование для его розыска членов специализированных народных дружин, а также работников рынков, комиссионных магазинов, ломбардов, железнодорожных, речных и морских вокзалов, аэропортов, городского транспорта, бань и медвытрезвителей.

В третьем случае при планировании следует предусматривать:

– проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление местонахождения данного лица и на собирание доказательств, подтверждающих его причастность к совершению кражи. В этих целях членам семьи подозреваемого, его родственникам, соседям и знакомым предъявляются для опознания вещи, брошенные (утраченные) преступником на месте кражи. Их заявление о том, что эти вещи принадлежат подозреваемому, подтвердит факт его пребывания на месте кражи;

– обыск у подозреваемого и предъявление потерпевшим для опознания изъятого имущества;

– предъявление для опознания вещей и ценностей, сданных подозреваемым в комиссионные и скупочные магазины, ломбарды, камеры хранения и т.д.;

– назначение экспертиз;

– задержание подозреваемого в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ.

Для установления местонахождения подозреваемого, скрывающегося от следствия, планируется осуществление розыскных мероприятий с использованием возможностей различных служб органа внутренних дел. Одновременно активно проводятся мероприятия по розыску похищенного имущества. При сборе информации о конкретных лицах, подозреваемых в совершении кражи, целесообразно выяснить образ их жизни. Существенное значение имеет также проверка алиби подозреваемых³.

После установления и задержания подозреваемого планируются дальнейшие следственные действия, целью которых является собирание доказательств по делу и установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Эти действия также проводятся в сочетании с оперативно-розыскными мероприятиями.

В процессе планирования мероприятия формируются по выдвинутым версиям. Однако это не всегда возможно, поскольку многие из них направлены на проверку одновременно нескольких версий. Поэтому по некоторым уголовным делам планирование и организация расследования должны осуществляться в соответствии не с версиями, а с направлениями расследования, объединяющими несколько однородных или тесно связанных мероприятий (следственных действий, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий) и обеспечивающими проверку нескольких версий⁴.

По всем категориям краж можно выделить следующие основные направления работы.

1. Изучение личности и образа жизни лиц, заподозренных в совершении кражи или имеющих какое-либо отношение к предмету преступного посягательства (позволяет выйти на наводчика, а иногда и на организатора совершения преступления, а также на конкретных исполнителей).

2. Поиск мест хранения похищенного, установление лиц, организаций, занимающихся реализацией похищенного.

3. Организация пресечения совершения нового аналогичного преступления (ориентирование, инструктаж работников ГИБДД, ППС, беседы с продавцами, работниками транспортных организаций, с жильцами по месту вероятного совершения нового преступления, мобилизация общественности и т.д.).

4. Проведение мероприятий в местах содержания осужденных.

5. Поиск и проверка причастности к преступлению лиц, не имеющих постоянного источника доходов, безработных, не имеющих постоянного места жительства.

6. Проверка оперативно-розыскным путем лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, имеющих значительное количество сомнительных доходов, на причастность их к совершению конкретных краж.

При отсутствии сведений о преступниках важное значение приобретает выявление всех преступлений против собственности, совершенных как в данном, так и в других районах, потому что эти преступления могли быть совершены одними и теми же лицами. Данное направление также является общим для всех категорий краж чужого имущества. Оно связано с увеличением объема информации о преступниках и возможностью координировать работу сразу по нескольким уголовным делам. При этом здесь применимо положение системного подхода о том, что система доказательственной и ориентирующей информации в результате обработки окажется большей, чем сумма информации по отдельным делам.

Для рассматриваемого направления работы характерны следующие организационные мероприятия (если они ранее не проводились):

- проверка по способу совершения противоправного деяния с целью выявления аналогичных преступлений, оставшихся нераскрытыми;

- проверка по учетам следов пальцев рук с мест нераскрытых преступлений;

- проверка по дактилоскопической картотеке лиц, представляющих оперативный интерес;

- направление ориентировок, запросов в ОВД различных регионов.

Если установлено несколько преступлений, совершенных аналогичным способом, то результативность анализа доказательственной и ориентирующей информации, полученной в процессе их изучения (особенно многоэпизодных), в значительной степени зависит от эффективности методов работы с ней.

Таким образом, мы видим, что планирование расследования является ключевым моментом в деятельности следователя, по-

скольку без предварительной подготовки практически невозможно правильно организовать работу и выделить приоритетные задачи предварительного следствия.

¹ См.: *Шурухнов Н. Г.* Расследование краж. М., 1999. 112 с.

² *Самойлов А. А.* Установление механизма совершения кражи в процессе расследования / А. А. Самойлов. М., 2010. 152 с.

³ *Асташкина Е. Н., Марочкин Н. А.* Криминалистические алгоритмы в расследовании квартирных краж. М., 2003. 120 с.

⁴ *Юмашев Н. С.* Значение криминалистической характеристики вида преступлений для разработки системы типичных версий // Вопросы борьбы с преступностью в современных условиях : сб. науч. трудов ВНИИ МВД СССР. М., 1989. С. 48–52.

Ю. Ю. Смирнова

**ПОДКУП И ПРИНУЖДЕНИЕ К ДАЧЕ ЛОЖНЫХ
ПО КАЗАНИЙ / ЗАКЛЮЧЕНИЮ ЭКСПЕРТА
(СПЕЦИАЛИСТА) В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

На установление судом истины по делу большое влияние оказывает достоверность показаний свидетелей и потерпевших, заключений экспертов, являющихся одним из средств процессуального доказывания, важность которых трудно переоценить¹. Посягательства на реализацию процессуальных гарантий добровольности дачи показаний и объективности исследования обстоятельств дела в виде понуждения к нарушению обязанности содействовать правосудию признаются уголовно наказуемым деянием.

Впервые норма, криминализирующая подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо

© Смирнова Ю. Ю., 2015

к неправильному переводу, появилась в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. (ст. 183).

В действующем в настоящее время Уголовном кодексе РФ 1996 г. эти деяния предусмотрены ст. 309, гласящей:

«Статья 309. Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу.

1. Подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода –

наказывается...

2. Принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких, –

наказываются...

3. Деяние, предусмотренное настоящей статьей, совершенное с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья указанных лиц, –

наказывается...

4. Деяния, предусмотренные настоящей статьей, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья указанных лиц, –

наказываются...».

Как видим, в этой статье способы противоправного воздействия на участников процесса расположены по степени их общественной опасности в порядке возрастания.

Первый способ – подкуп путем передачи указанным лицам материального вознаграждения в виде денег, иного имущества либо предоставления выгод имущественного характера в целях дачи свидетелем ложных показаний, экспертом – ложного заключения или ложных показаний, переводчиком – осуществления неправильного перевода. При решении вопроса об ответственности не имеет значения размер подкупа и то, что участниками процесса не выполнена просьба лица, совершившего подкуп.

Второй способ – принуждение свидетелей, экспертов и переводчиков к совершению указанных действий, а также к уклоне-

нию их от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких. Под уклонением от дачи показаний следует понимать отказ лица от явки в суд, несмотря на вызовы.

Формы преступного воздействия на участников уголовного судопроизводства, изложенные в ст. 309 УК РФ, по мнению И. С. Семенова, не предусматривают все возможные действия угрозоносителей. Диспозицией статьи охватываются подкуп, принуждение путем шантажа, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких, а также принуждение, совершенное с применением насилия. Практика показывает, что такие формы угрозы и принуждения к отказу или изменению показаний встречаются крайне редко, в большинстве случаев потерпевших и свидетелей уговаривают, «просят помочь хорошим людям», ограничиваются намеками. В настоящее время значительная часть угроз, поступающих в адрес защищаемых лиц со стороны угрозоносителей, имеет характер психологического воздействия².

Заметим, что подобные методы противоправного воздействия на участников судопроизводства криминализированы (с некоторыми модификациями) и в уголовном законе большинства стран (что отражает реалии международной правоприменительной деятельности).

К примеру, в ст. 299 УК Азербайджанской Республики «Подкуп или принуждение к уклонению от дачи показаний, к даче ложных показаний или заключения либо к неправильному переводу» в качестве возможных адресатов угрозы названы только близкие родственники потерпевших, что является более узкой категорией, нежели категория «близкие лица».

Часть 1 ст. 372 УК Грузии «Подкуп или принуждение свидетеля, потерпевшего, эксперта или переводчика» устанавливает ответственность за подкуп свидетеля, потерпевшего с целью дачи ими ложных показаний либо эксперта с целью дачи им ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода; ст. 353 УК Республики Таджикистан «Подкуп или принуждение к даче ложных показаний, ложному заключению либо к неправильному переводу» почти полностью повторяет содержание ст. 309 УК РФ. В ч. 2 этой статьи лишь отсутствует указание на угрозу повреждением имущества потерпевших.

Статья 386 УК Украины «Воспрепятствование явке свидетеля, потерпевшего, эксперта, понуждение их к отказу от дачи показаний или заключения» состоит из одной части, предусматривающей ответственность одновременно за три различных деяния:

1) воспрепятствование явке свидетеля, потерпевшего, эксперта в суд, органы досудебного следствия, временные следственные и временные специальные комиссии Верховной Рады Украины либо дознания;

2) понуждение названных лиц к отказу от дачи показаний или заключения, а равно к даче заведомо ложных показаний или заключения;

3) подкуп свидетеля, потерпевшего или эксперта.

В статье названы следующие способы воспрепятствования, понуждения и подкупа: угроза убийством, насилием, уничтожением имущества этих лиц или их близких родственников либо разглашением позорящих их сведений.

Уголовное законодательство стран дальнего зарубежья также имеет нормы, устанавливающие ответственность за анализируемое деяние. Так, ст. 245 УК Республики Польша устанавливает ответственность для лица, применяющего насилие или противоправную угрозу с целью повлиять на свидетеля, эксперта, переводчика, обвинителя или обвиняемого или в связи с этим нарушающего телесную неприкосновенность. УК КНР в ст. 307, наряду с ответственностью за содействие сторонам в уничтожении или фальсификации улик, устанавливает ответственность за воспрепятствование даче свидетелем свидетельских показаний или принуждение его к даче ложных показаний путем насилия, угроз, подкупа или иными способами. Статья 285 «а» УК Голландии предусматривает ответственность лица, которое умышленно, устно либо жестом, письменно или с помощью изображения обращается к другому лицу с явным намерением повлиять на свободу этого лица делать правдивое или добросовестное заявление судье или публичному служащему, если виновный знал или имел серьезное основание предполагать, что такое заявление будет сделано³.

В уголовных кодексах штатов США нет целостной системы норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану участников уголовного судопроизводства, хотя отдельные подобные нормы в них закреплены. Так, например, в УК штата Техас предусматри-

вается ответственность за подкуп или принуждение свидетеля к даче показаний либо к уклонению от дачи показаний (ст. 36.05), за причинение вреда лицу, осуществляющему правосудие, свидетелю или информатору (ст. 36.06)⁴.

Анализируя УК Германии, можно увидеть, что в нем закреплено несколько норм, посвященных охране интересов участников уголовного процесса. Они не образуют единой системы, так как разбросаны по разным главам: «ложное подозрение», заключающееся в совершении лицом, осуществляющим правосудие, незаконных процессуальных мероприятий в отношении ложно подозреваемого (§ 164); незаконное помещение в тюрьму (§ 239); вынесение неправосудного приговора или решения (§ 336); принуждение к даче показаний (§ 343) и ряд других⁵.

В УК Испании в разделе XX отдельно выделены несколько групп преступлений, посягающих на интересы участников уголовного судопроизводства:

1) глава 1 – преступления, связанные с вынесением незаконного приговора (решения) или злостной отсрочкой отправления правосудия (ст. 446–449);

2) глава 7 – преступления, связанные с обструкцией правосудия и нарушением профессионального долга (неявка участника уголовного процесса без уважительных причин в суд (ст. 463), применение насилия или запугивания в отношении участника уголовного процесса, чтобы он изменил свою процессуальную позицию (ст. 464), разглашение тайны следствия прокурором или адвокатом (ст. 466) и др.). Такой подход является несомненным достоинством испанского уголовного законодательства⁶.

Из исследования юридической литературы по данному вопросу можно сделать некоторые выводы:

– американский законодатель уделяет большое внимание уголовно-правовой охране свидетелей и потерпевших, интересы же остальных участников уголовного процесса в законодательстве США специальными нормами практически не защищены;

– в континентальной правовой системе законодатель более последователен, и во многих странах преступления против правосудия систематизированы и выделены в специальные главы.

В то же время отечественный УК не оговаривает, в каком виде судопроизводства может осуществляться подкуп свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста или переводчика; следовательно, им может быть как уголовное, так и гражданское, арбитражное,

ражное производство, производство по делу об административных правонарушениях; в литературе чаще всего ст. 309 УК РФ анализируется применительно лишь к условиям судопроизводства уголовного⁷.

А как обстоит применение данной нормы в условиях гражданского и арбитражного судопроизводства?

Автор согласен с мнением о том, что УК РФ можно рассматривать в качестве одного из источников гражданского процессуального права, потому что по своей сути УК РФ является своеобразным собранием запретительных норм самой различной отраслевой принадлежности, в том числе процессуальной. Составы преступлений, возможных в сфере гражданского судопроизводства, предусмотренные УК РФ, содержат указания на варианты поведения в процессе, которые недопустимы ни для одного из участников процесса. Таким образом, нормы уголовного закона позволяют лицам, участвующим в деле, и другим субъектам судопроизводства составить более отчетливое представление о содержании и пределах своих процессуальных возможностей⁸.

Гражданский процесс возбуждается в связи с возникновением спора между различными участниками материально-правовых отношений, когда нет возможности урегулировать возникшие разногласия, минуя юрисдикционные органы.

После возбуждения гражданского дела в суде спорящие лица становятся субъектами гражданских процессуальных правоотношений и попадают в сферу регулирования гражданского процессуального права.

Участники обязательственных правоотношений начинают именоваться истцом и ответчиком или сторонами гражданского процесса.

Таким образом, отличительной чертой искового производства является спор о праве, который ведется между сторонами. Стороны являются основными участниками процесса. Ранее ст. 33 ГПК РСФСР давала перечень участников процесса, которые могут быть сторонами. В отличие от ГПК РСФСР, в ГПК РФ такого перечня нет, имеется только указание на состав лиц, участвующих в деле, и судебных представителей.

Поскольку суд только в судебном решении может дать окончательный ответ, то до момента вынесения решения он исходит из предположения, что данные лица являются субъектами спорного материального правоотношения. Поэтому истец и ответчик –

только предполагаемые субъекты спорных прав и обязанностей. Истец – лицо, которое предположительно является обладателем спорного права и которое обращается к суду за защитой. Ответчик – лицо, которое по заявлению истца является нарушителем его прав и интересов и вследствие этого привлекается к ответу.

Очевидно, что в силу различного рода обстоятельств в ходе гражданского судопроизводства как на истца, так и на ответчика также может оказываться противоправное воздействие, предусмотренное ст. 309 УК РФ. В результате его истец может отказаться от своих требований в процессе рассмотрения дела. Также возможен другой вариант, когда ответчик, вопреки «внешней логике», признает требования и т.п.

Автору известен случай, когда в процессе рассмотрения гражданского дела истец отказался от своих требований. Участники процесса, в том числе и представитель истца, были удивлены такому исходу дела (так как ранее истец настаивал на рассмотрении дела, заявлял отводы судье, который, по его мнению, предвзято относился к нему, настаивал на удовлетворении исковых требований). Лишь через некоторое время стало известно, что на истца было оказано «давление». К сожалению, такие случаи противоправного воздействия на участников гражданского/арбитражного судопроизводства, многие из которых оказываются латентными, не являются исключительными.

Особого внимания в изучаемом контексте заслуживает вопрос о представителях в гражданском процессе.

Судебные представители – это лица, которые на основании предоставленных им полномочий выступают в суде от имени лица, интересы которого представляют, а также для оказания ему помощи в осуществлении своих прав, предотвращения их нарушения в процессе и оказания суду содействия в отправлении правосудия по гражданским делам.

Возможности «заинтересовать» противоправными средствами представителя различны. К примеру, до начала судебного процесса (на этапе написания заявления) в ходе судебного разбирательства на этапе прений представителя истца (заявителя) склоняют к представлению интересов в ущерб интересам представляемого. Чаще всего граждане, интересы которых представляют, не могут оценить ситуации в силу юридической безграмотности.

Ситуации, когда ответчик по тем же причинам признает искивые требования, согласен на заключение мирового соглашения

ния, вопреки своим интересам, также далеко не являются исключениями в правоприменительной практике. Нет сомнений, что выявление таких фактов, тщательное их расследование – не только задача правоохранительных органов, но и некий способ усовершенствования судопроизводства, не говоря уже о защите прав граждан.

В арбитражном законодательстве закреплён состав лиц, участвующих в деле. Такими лицами являются стороны; заявители и заинтересованные лица – по делам особого производства, по делам о несостоятельности (банкротстве) и в иных предусмотренных настоящим Кодексом случаях третьи лица; прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и организации, граждане, обратившиеся в арбитражный суд в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

Оказание влияния на лиц, участвующих в арбитражном судопроизводстве, аналогично рассмотренному выше вопросу.

В связи с большой материальной заинтересованностью и большим количеством привлечённых представителей для защиты своего права и исхода судебного разбирательства в свою пользу, данная категория лиц является наиболее подверженной деяниям предусмотренной ст. 309 УК РФ.

Существуют ситуации, когда исковые требования предъявлены не к одному, а к нескольким ответчикам или с исковыми требованиями «выходят» несколько граждан. Можно предположить, что данные случаи могут затруднить принуждение к даче показаний или подкупа или уклонению от дачи показаний граждан. Однако в условиях рыночной экономики и существующей судебной системы это и остаётся лишь предположением.

По мнению ряда авторов, ст. 309 УК РФ в настоящей редакции не отвечает потребностям судопроизводства и не является эффективным способом обезопасить лиц, содействующих уголовному судопроизводству⁹.

Таким образом, исходя из изложенного выше, логично было бы включить истца, ответчика, представителей в суде, а также их близких в диспозицию ст. 309 УК РФ.

В связи с этим предлагаем целесообразным ч. 1 и 2 ст. 309 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Часть 1. Подкуп свидетеля, потерпевшего, истца, ответчика, представителя, а также их близких в целях дачи ими ложных показаний в суде либо эксперта, специалиста в целях дачи ими

ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода – наказывается...

Часть 2. Принуждение свидетеля, потерпевшего, истца, ответчика, представителя, а также их близких к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких, – наказываются...».

Не можем не затронуть причины и (или) принуждения. По мнению авторитетных специалистов в сфере уголовного судопроизводства (автор полностью поддерживает данную точку зрения), в целом они сводятся: 1) к низкой общей и правовой культуре; 2) неуважению к человеку; 3) терпимости ко лжи; 4) несправедливости правосудия; 5) жестокости наказания; 6) невозможности примирения по желанию потерпевших; 7) неуважению к правосудию¹⁰.

Предотвращение подкупа или принуждения к даче показаний – сложный, трудоемкий процесс, который заслуживает особого внимания.

В юридической литературе высказываются разные предположения по поводу предотвращения данного вида деяния. В основном они сводятся к следующему:

- криминологическими методами необходимо тщательно и динамично раскрывать причины и условия, способствующие принуждению к даче показаний;

- своевременными, в том числе государственными, методами искоренять профессиональную деформацию представителей следствия и дознания (например, пересмотром системы оплаты их труда, официальными тренингами профессионального и морального развития);

- выработать и постоянно совершенствовать государственные меры по профилактике таких преступлений;

- принять меры к повышению правового уровня и сознания всего населения страны;

- повышать сознание и вводить «моду» на пользование услугами профессионального и квалифицированного защитника¹¹.

Следственная и судебная практика свидетельствуют о крайне неудовлетворительном качестве расследования фактов подкупа и принуждения к даче показаний¹². В большей степени это связано с отсутствием научно-методических разработок в криминалистической литературе.

По нашему мнению, проблемы, в постановочном и тезисном плане рассмотренные в настоящей статье (о подкупе и принуждении к даче ложных показаний / заключению эксперта (специалиста) в условиях гражданского / арбитражного судопроизводства), в силу своей значимости требуют дальнейших углубленных монографических исследований.

¹ См.: *Зериков Э. В.* Подкуп или принуждение к лжесвидетельству и уклонению от дачи показаний : криминологическая характеристика и предупреждение. Ставрополь, 1999. С. 4.

² См.: *Иванов И. С.* Административно-правовое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в России. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: URL: http://www.pravo.vuzlib.su/book_z1958_page_20.html

⁴ См.: Уголовный кодекс штата Техас. СПб., 2006. С. 380–383.

⁵ См.: Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996.

⁶ См.: Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С. 139–146.

⁷ См., например: *Баев О. Я.* Методические основы и типовые программы расследования принуждения к даче показаний : научно-практическое пособие. М., 2013. 200 с. ; *Он же.* Методика расследования принуждения к даче показаний, подкуп или принуждения к даче ложных показаний, уклонению от дачи показаний. М., 2014. 248 с. ; *Чучаев А., Федоров А.* Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу // Законность. 2004. № 7 ; и др.

⁸ См.: *Нохрин Д. Г.* Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве. М., 2009. С. 105.

⁹ См., например: *Зиганин А. Е.* Квалификация преступного противодействия осуществлению правосудия. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: *Баев О. Я.* Методика расследования принуждения к даче показаний, подкуп или принуждения к даче ложных показаний, уклонению от дачи показаний. М., 2014. С. 292.

¹¹ См., например: *Семенухин В. В.* Ответственность организаций и их руководителей. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: Рос. газета. 2013. 27 марта.

М. В. Стояновский

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИКИ
(К ДИСКУССИИ О НОВАЦИЯХ И ТРАДИЦИЯХ
В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ)**

Продолжающиеся дискуссии по поводу структурирования, систематизации объектов, изучаемых криминалистикой (да и, более того, самой науки криминалистики в целом), – явление само собой разумеющееся, закономерно обусловленное. Предопределено это, думается, действием двух основных факторов, назовем их условно эмпирическим и теоретическим.

Первый фактор (*эмпирический*) связан, с одной стороны, с процессами криминализации, усложнением механизмов криминальной деятельности, использованием субъектами таковой новых технологий и средств, в свою очередь, являющихся потенциальными объектами криминалистических исследований и обобщений. С другой же стороны, данное обстоятельство обусловлено адекватным для криминальных реалий развитием научно-технического прогресса, закономерной реакцией на эти явления криминалистической практики и необходимостью ее систематики.

Действие второго фактора (*теоретического*) обусловлено «настроениями» в научной среде, в частности убежденностью ряда криминалистов в необходимости смены научной парадигмы криминалистики, а также малопонятными процессами модернизации «научной политики» (а именно, искусственным разделением родственных научных специальностей – криминалистики и уголовного процесса).

Такого рода реалии, по очевидным причинам, не могут не оказать определенного влияния на системность криминалистической науки и процессы ее самоидентификации (откуда появилась криминалистика, что она собой представляет, куда она идет и т.п.¹).

К примеру, В. Ю. Сокол, характеризуя, по его мнению, кризисное состояние современной отечественной криминалистики, пишет: «Неизбежность «перелома» отечественной криминалистики прежде всего обусловлена распространением в последние деся-

тилетия концептуальных идей постнеклассической научной парадигмы, включая существенное изменение *норм и идеалов* (курсив наш. – М. С.) современного научного исследования... Такие принципы постнеклассической науки, как примат междисциплинарных исследований, комплексные исследовательские программы, синтетическая картина реальности, универсальный эволюционизм и т.п. с трудом проникают в отечественную криминалистическую науку. Российская криминалистика отстает в своем развитии от других гуманитарных наук, которые взяли на вооружение новые методы»². Результатом всего этого, по мнению данного автора, являются фундаментальные проблемы теории, методологии и истории отечественной криминалистики, остающиеся недостаточно разработанными в современной криминалистической науке и слабо представленными в научной и учебной литературе³.

Приведенное мнение представляется, мягко говоря, недостаточно убедительным. Малопонятной, в частности, является сама концепция новой научной парадигмы криминалистики, гарантирующая выход криминалистики из кризисного состояния (к слову, наступил ли кризис?). В. Ю. Сокол, к сожалению, не детализирует и указанные им положения (принципы) парадигмы *применительно к криминалистике*, за исключением констатации (по малоубедительным, на наш взгляд, основаниям) собственного критического отношения к методологии диалектического материализма в системе методов криминалистики, а также необходимости «свободного обмена информацией сравнительных исследований с развитыми странами мира»⁴ (что само собой разумеется, однако не предполагает полного заимствования теоретического и практического опыта других стран).

В специальной литературе имеются и иные, в том числе более «четкие» представления новой научной парадигмы криминалистики: «Сегодня, – пишет Д. В. Ким, – наступила очередь криминалистики теоретически, что значит системно, переопределить свой предмет. Надо попытаться представить криминалистику как открытую систему, имеющую внутренние тенденции развития... Другого пути быть не может – если предмет науки не определен как система, способная к организации, саморазвитию, системному функционированию, самодетерминации, то такая наука не может стать научной системой знаний об изучаемой ею реальности, системой теоретического знания и познания»⁵. При этом, по мнению Д. В. Кима, основополагающим при определении предмета криминалистики должен стать ситуационный подход⁶.

Однако тем самым, на наш взгляд, Д. В. Ким лишь смещает акценты в определении предмета криминалистики с изучаемых криминалистикой традиционных *закономерностей* на изучение *ситуаций*. В результате создается некое усеченное представление о предметной области криминалистики (объеме изучаемых ею закономерностей).

Обратим внимание в связи с этим и на следующее обстоятельство.

В настоящее время достижения криминалистической науки все более активно используются в других видах судопроизводства, помимо уголовного процесса. Это, в свою очередь, приводит ряд авторов к предложению расширить представление о предмете криминалистики.

Так, М. В. Жижина и Е. П. Ищенко пишут о *криминалистическом обеспечении гражданского (арбитражного) процесса* как новом научном направлении, возникающем в рамках современной криминалистики. «Методологическая часть криминалистики, – по их мнению, – поднимаясь на надотраслевой уровень, должна получить более интегрированный характер. Например, учения о версиях, о планировании должны стать более обобщенными. Необходимо исследовать закономерности построения версий в гражданском (арбитражном) процессе и вести речь не только о версиях следователя о факте и об обстоятельствах совершенного преступления, но и о версиях сторон о фактических данных и основанной на них юридической квалификации гражданских правоотношений»⁷.

Еще более категорично об этом же пишет А. М. Кустов, полагая, что «перед учеными-криминалистами встает исторический вопрос расширения предмета науки и сферы использования ее достижений – познание закономерностей механизмов правонарушений (преступлений и гражданско-правовых и административных проступков), закономерностей возникновения информации о самих правонарушениях и их участниках, закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств в гражданском, арбитражном и административном производстве, обеспечения криминалистическими разработками (на основе познаний этих закономерностей) вышеуказанных судебных процессов»⁸.

Полагаем, подобного рода направления научных изысканий (пропагандирующие «примат» в криминалистике не собственных, а междисциплинарных исследований, «перестройку» ее

предмета и отход от изучения традиционных закономерностей) вряд ли следует рассматривать в качестве основного ориентира развития современной российской криминалистики.

Придание этим принципам и направлениям статуса доминирующих в криминалистической науке может вызвать сугубо негативный результат в виде «расслоения» криминалистики, разрушения ее предмета и системы (или, что не лучше, привести к созданию из нее некой бесформенной и бессистемной «меганауки», состоящей, в том числе из ряда красиво поименованных, но по природе своей вовсе не криминалистических отраслей: криминалистической информатики, нотариальной криминалистики, семейной криминалистики и т.п.). Как справедливо замечает А. С. Подшибякин, при этом сами криминалистические методы сути своей не меняют, а сущность криминалистики размывается⁹. «Изучение возможностей использования достижений криминалистики в других, помимо уголовного, видах судопроизводства, — отмечает О. Я. Баев, и мы всецело поддерживаем это мнение, — есть прерогатива соответствующих отраслей юридических наук (наук гражданского процесса, процессов административных и арбитражных), существенная часть предметов исследований этих наук... И потому изучать возможности рационализации деятельности сторон в этих видах процесса должны не криминалисты, а профессионалы, ученые, специализирующиеся на изучении этих видов судопроизводства, активно заимствующие для того при необходимости достижения науки криминалистики, интерпретирующие их в целях, стоящих перед этими науками»¹⁰.

Вполне естественно то, что криминалистика есть система динамичная и открытая. Образно выражаясь, она представляет собой живой и развивающийся организм¹¹. Методологически точно на это обстоятельство указывает О. Я. Баев: «Криминалистика... «не имеет заборов», открыта для включения в нее новых направлений, средств, приемов, методов, основанных на познании вновь открываемых закономерностей движения уголовно-релевантной информации и результатов их проявлений»¹². При этом критерий истинного развития криминалистики, — замечает в этой же связи А. С. Подшибякин, — один: «приращение нового знания или уточнение уже имеющегося, на основе сохранения теоретических идей, разделяемых большинством криминалистов»¹³. Проще говоря, ограничение здесь может быть только одно — предметная область криминалистики (в классическом ее понимании)¹⁴.

Криминалистика, как и любая иная наука, испытывает и революционные потрясения, и длительные процессы эволюционного развития¹⁵. «Но и в период революций, и в процессе эволюции знания, – методологически корректно и весьма убедительно пишет об этом Р. С. Белкин, – в науке сохраняется нечто неизменное, своеобразный костяк, позволяющий ей сохранить свою индивидуальность, неповторимость, отличие от других областей знания... Это устойчивое, неизменяемое, существенное в содержании науки приобретает значение *традиционного* для данной области знания...»¹⁶. Свои традиции есть и в криминалистике, и относятся они в первую очередь, – резюмирует Р. С. Белкин, – к системе науки (а равно к ее языку, объектам и пользователям ее достижений)¹⁷.

Интерпретируя эти рассуждения в аксиологическом аспекте, отметим, что традиции криминалистики, по сути, есть ее ценности; «хранителем» же этих ценностей по праву должна и может считаться самостоятельная структурная составляющая общей теории криминалистики – криминалистическая систематика. Дело в том, на наш взгляд, очевидном факте, что системный подход к познанию криминалистически значимых объектов (систематизация, классификация и т.п.) является неотъемлемой составляющей методологического базиса криминалистики, условием формирования и эволюции теории данной науки в условиях *действующей* научной парадигмы.

В аксиологическом аспекте значение криминалистической систематики выражается в следующем:

- 1) в общей систематизации криминалистических научных знаний, т.е. в системе науки;
- 2) в совокупности частных систем, каждая из которых объединяет только одну группу явлений, процессов, сторон объективной действительности;
- 3) в построении и использовании различных криминалистических классификаций объектов, их свойств и признаков, связей и отношений, категорий и понятий¹⁸.

Говоря о первой составляющей указанного аксиологического аспекта систематики – о системе криминалистики, – заметим, что традиционно таковая рассматривается как состоящая из четырех разделов: общей теории криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики. Каждый из указанных разделов, в свою очередь, состоит из подсистем различных иерархических уровней. Именно та-

кая система науки криминалистики, как пишет Р. С. Белкин (и мы совершенно солидарны с этим мнением) максимально адекватно отражает предмет криминалистики. В обоснование такого утверждения ученые приводят весьма убедительные аргументы:

- указанная система криминалистики противостоит среде как единое целое, поскольку представляет собой единую науку, однородную по своей природе и социальной функции;

- свойства и функции каждого элемента системы криминалистики взаимоопределены свойствами и функциями всей системы в целом;

- все элементы данной системы неразрывно связаны друг с другом и, как показывает развитие криминалистики, не могут быть от нее (системы) произвольно отделены;

- каждый из элементов системы может рассматриваться как нечто сложное, как подсистема (состоящая из элементов); при этом изменение состояния любой из подсистем приводит к изменению состояния других подсистем и в конечном счете к изменению состояния всей системы криминалистики в целом¹⁹.

Тем не менее в последние годы в специальной литературе встречается все больше упоминаний о необходимости и целесообразности выделения в системе криминалистики пятого ее элемента (раздела) – криминалистической стратегии²⁰. Не углубляясь в «толщу» дискуссии об этом в рамках настоящей статьи, но, принимая во внимание наличие разнообразных суждений по поводу содержания, места и статуса криминалистической стратегии в системе криминалистической науки, заметим, что главным на сегодня является не просто количественное преобразование системы криминалистики, а, как совершенно справедливо пишут по этому поводу О. Я. и М. О. Баевы, – углубленное изучение проблем криминалистической стратегии в этой науке²¹.

Системность криминалистики, отмечают В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде, позволяет выразить наиболее полно и экономно в определенных логических и знаковых формах научные знания о процессе расследования преступных деяний²². К числу таких форм в первую очередь, думается, должна относиться криминалистическая классификация, являющаяся, по выражению Р. С. Белкина, «одним из необходимых условий использования практикой криминалистических рекомендаций, совершенствования этой практики и осуществления связей внутри самой науки»²³.

Криминалистическая классификация, как полагают В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде, может быть определена как «установление логической связи между объектом и группой понятий, в которую введены определенные криминалистические *ценности*»²⁴ (курсив наш. – М. С.). «В случае установления этой связи, – пишут они, – появляются объективные основания для положительного утверждения о принадлежности исследуемого объекта... к группе понятий, обобщенных в определенной группе криминалистической классификационной системы»²⁵.

Несмотря на констатацию данными авторами, с одной стороны, достаточно известных постулатов о сущности криминалистической классификации как системном построении и методе познания, приведенное высказывание отличается тем, что в его смысловом объеме отчетливо выражен аксиологический (ценностный) компонент, подчеркнута необходимость дальнейшего развития теоретических и методологических основ криминалистики.

Нам думается, что в противовес участвовавшим на доктринальном уровне высказываниям ученых о смене научной парадигмы в криминалистике, кризисе отечественной криминалистики, излишней ее теоретизации, на сегодняшний день актуализируется в первую очередь *идея ценности* криминалистической науки как самостоятельного и устойчивого системного образования, ее традиций и приемлемых новаций (в условиях функционирования действующей научной парадигмы криминалистики), в том числе определения степени ценности системных построений отдельных ее объектов. При этом собственно аксиологический аспект системных исследований и их результатов в криминалистике заключается (исходя из общих принципов аксиологии) и в том, чтобы показать, каково отношение той или иной криминалистической ценности к «фактам» реальности»²⁶.

Так, процесс раскрытия и расследования практически любого преступного деяния не обходится без использования специальных познаний, проведения соответствующих экспертных исследований. Понятие криминалистической экспертизы предполагает известную совокупность научных исследований, выступающих элементами системы «криминалистическая экспертиза». Представление же данной системы в развернутом виде возможно как в форме деления объема заданного понятия («криминалистическая экспертиза»), на основе предшествующего познания соответствующих закономерностей криминалистики, так и в форме возведения в системную иерархию новых результатов научных

исследований, могущих на равных началах войти в данное системное построение в качестве самостоятельного элемента (разновидности). В конечном же счете, эти системные построения служат наглядной схемой, ориентиром деятельности, задают направления поиска, принятия верных решений с целью достижения желаемого результата.

В то же время с позиций системности, методологии разработки и постулатов собственно криминалистической науки отдельные системные конструкции в ней требуют своего усовершенствования.

Например, достаточно специфическими представляются взгляды Н. В. Бурвикова на феномен классификации в целом и на предлагаемую им модель межведомственной классификации судебных экспертиз. В качестве центрального (структурирующего) основания классификации судебных экспертиз автор предлагает рассматривать, в частности, объект экспертного исследования, полагая, что такое деление будет соответствовать ряду критериев: устойчивость, стабильность, универсальность²⁷. Нам же кажется, что выбор *объекта исследования* в качестве структурирующего основания *межведомственной* классификации судебных экспертиз искусственно усложняет такую систему, обуславливая, к тому же, возникновение сложностей в части соблюдения известных формально-логических правил классифицирования и построения понятной и непротиворечивой системы.

Более убедителен подход Е. Р. Россинской, полагающей, что основной структурирующей единицей классификации следует считать род судебных экспертиз, который, в свою очередь, связан с определенными задачами и объектами исследования. «Поскольку все судебные экспертизы находятся на разных стадиях формирования, – пишет Е. Р. Россинская, – нельзя говорить о едином основании для их подразделения по классам, родам и видам. Для сложившихся родов судебных экспертиз характерны четко сформулированные задачи и перечень вопросов..., структурированность по видам, в зависимости от объектов, унифицированные методики экспертного исследования»²⁸.

Попутно обратим внимание и на следующее обстоятельство. Построение непротиворечивых криминалистических систем во многом предопределяется характером связей криминалистики со смежными науками. Так, характеризуя системные построения судебных экспертиз, Н. В. Бурвиков уверенно констатирует, что возрастающий интерес к проблемам классификационных систем в судебной экспертизе объясняется, в частности, тем обстоятель-

ством, что, «отпочковавшись от криминалистики, новая наука «судебная экспертиза» потребовала от ученых формирования своей методологии, научных концепций и принципов»²⁹.

К слову, дискуссия, касающаяся отделения судебной экспертизы, начавшись несколько десятилетий назад, по сей день так и не получила своего полного разрешения. Однако таковое непременно оказало бы заметное влияние на систему криминалистики, ее внутрисистемные научные построения (в частности, криминалистическую технику) и связи между ними, способствовало бы точному определению места научных основ *криминалистической* экспертизы в системе научного знания.

Ограниченный объем научной статьи не позволяет произвести комплексный анализ многочисленных системных построений в криминалистике. Таковые, вероятно, имеют как «плюсь», так и «минусь».

В заключение приведем лишь выдержку из одной, недавно вышедшей в свет научной публикации. Ее автор, анализируя вопросы криминалистической классификации, пишет: «Возможно, что, расширяя объем решаемых задач, криминалистика уже сейчас или в скором будущем не будет связана с раскрытием и расследованием преступлений, а примет всеобъемлющий характер науки обо всех следах и о правилах восстановления мысленного образа всех прошедших событий, независимо от того, являются ли они преступлениями или нет»³⁰.

Очевидно, такого рода прогнозы развития криминалистики не просто опасны, а пагубны для нее, поскольку разрушают все ее системные границы. По сути, этот подход, с одной стороны, создает предпосылки для необоснованного отождествления криминалистики с теорией познания (гносеологией), а с другой – обуславливает, образно выражаясь, «предметное переплетение» с научными сферами, от криминалистики, мягко говоря, отдаленными (к примеру, с археологией – наукой, занимающейся раскопками вещественных доказательств – следов прошлого, и формулирующей на основе научной реконструкции исторические выводы).

Фактически же гносеологическая сущность *криминалистического* познания обусловлена несколькими обстоятельствами:

- особым объектом познания – *преступлением* (это и этимологически, и исторически предопределено);
- спецификой правового (уголовно-процессуального) режима такого познания;

– использованием специфической системы криминалистических средств и методов.

Сказанное позволяет прийти к выводу о том, что развитие и совершенствование криминалистической систематики как структурной составляющей общей теории криминалистики – объективно заданный процесс, предопределяемый необходимостью сохранения системных традиций криминалистики и в то же время постоянного упорядочения криминалистических знаний, в частности, путем определения в этой системе должного места криминалистическим новациям. В этом смысле криминалистическая систематика есть, своего рода, аксиология криминалистического знания (или, выражаясь терминологически «более научно», – криминалистическая аксиология).

Фундаментальным же аксиологическим и системообразующим основанием криминалистических систем, группировок и классификаций, на наш взгляд, следует считать *предметную область криминалистики*³¹. А в построенных системных конструкциях учет этого критерия позволит оценить их ценность, выявить недостатки и пробелы, сопоставимость и взаимосвязь исследуемых объектов и их классов.

¹ См.: *Баев О. Я.* К дискуссии об объекте, предмете и субъектной системе современной криминалистики // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 15. Воронеж, 2013. С. 18.

² *Сокол В. Ю.* Кризис современной отечественной криминалистики // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (26 апреля 2013 г.) : в 2 т. Краснодар, 2013. Т. 1. С. 130–132.

³ См.: Там же. С. 132.

⁴ См.: Там же. С. 138–139.

⁵ *Ким Д. В.* Ситуационный подход как методологическая основа предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2006. С. 46.

⁶ «Криминалистика, – пишет Д. В. Ким, – это наука, изучающая целостное движение информационных процессов в ситуациях совершения, раскрытия, предварительного расследования преступлений и их судебного рассмотрения в целях создания научных основ и практических рекомендаций для решения задач уголовного судопроизводства специальными средствами, приемами и методами» (См.: *Ким Д. В.* Указ. соч. С. 8, 46).

⁷ Цит. по: *Баев О. Я.* Самоидентификация современной криминалистики (объект, предмет и субъектная система современной науки кри-

миналистики) // Библиотека криминалиста : научный журнал. № 4 (5). 2012. С. 322.

⁸ Там же.

⁹ См.: *Подшибякин А. С.* Современная криминалистика и ее развитие // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (26 апреля 2013 г.) : в 2 т. Краснодар, 2013. Т. 1. С. 10.

¹⁰ *Баев О. Я.* Самоидентификация современной криминалистики (объект, предмет и субъектная система современной науки криминалистики). С. 322–323.

¹¹ См.: *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. М., 2009. С. 38 ; *Яблоков Н. П., Головин А. Ю.* Криминалистика : природа, система, методологические основы. М., 2009. С. 6 ; *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 68.

¹² *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. С. 38.

¹³ *Подшибякин А. С.* Указ. соч. С. 10.

¹⁴ См.: *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. С. 38.

¹⁵ *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 68.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1: Общая теория криминалистики. С. 60 ; *Головин А. Ю.* Криминалистическая систематика. М., 2002. С. 23.

¹⁹ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1: Общая теория криминалистики. С. 390.

²⁰ См., например: *Баев О. Я., Баев М. О.* О конечных целях деятельности участников уголовного судопроизводства и стратегиях их достижения (к проблеме криминалистической стратегии) // Криминалист первопечатный. 2013. № 7. С. 8–18 ; *Фомина А. С.* О пятом элементе системы современной криминалистики (проблемы криминалистической стратегии) // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 15. Воронеж, 2013. С. 310–326 ; и др.

²¹ См.: *Баев О. Я., Баев М. О.* Указ. соч. С. 18.

²² См.: *Терехович В. Н., Ниманде Э. В.* Логика структуры и содержания теории криминалистики // Библиотека криминалиста : научный журнал. № 1 (2). 2012. С. 191.

²³ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1: Общая теория криминалистики. С. 381.

²⁴ *Терехович В. Н., Ниманде Э. В.* Проблема определения системы методов криминалистического познания / Теорія та практика судової експертизи і криміналістики : збірник наукових праць. Вып. 13 / ред. кол.: М. Л. Цимбал, В. Ю. Шепітько, Л. М. Головченко. Харків, 2013. С. 37.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ См.: *Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева [и др.].* М., 1983. С. 764.

²⁷ См.: Бурви́ков Н. В. Системные построения в судебной экспертизе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С.11, 18–20.

²⁸ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2008. С. 145–146.

²⁹ Бурви́ков Н. В. Указ. соч. С. 15.

³⁰ Карепанов Н. В. Вопросы классификации преступлений // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2012. № 1 (6). С. 86.

³¹ Предметную область криминалистики, мы солидарны с мнением большинства криминалистов, образуют несколько групп закономерностей: а) закономерности преступной деятельности; б) закономерности механизма следообразования; в) закономерности деятельности по расследованию преступлений. Более подробно рассуждения автора по данному вопросу см.: Стояновский М. В. От криминалистики «без границ» до криминалистики «без преступлений» (к дискуссии о предмете науки) // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 15. Воронеж, 2013. С. 290–299.

А. С. Фомина

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ РИТУАЛЬНЫХ (РЕЛИГИОЗНЫХ) УБИЙСТВ

В настоящее время следователи испытывают определенные сложности при расследовании убийств, совершенных по религиозным мотивам (или, как их называют по-иному, ритуальных убийств). В Российской Федерации деятельность религиозных объединений регламентируется Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹. Однако в нем речь идет о законной деятельности религиозных объединений и лишь в общем виде сформулированы ограничения, служащие основанием для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке. Об ответственности как религиозного объединения (религиозной организации или группы) в целом, так и их отдельных представителей в случае нарушения норм уголовного и иного законода-

тельства в законе положений не содержится, равно как и об ответственности религиозных «фанатов»-одиночек. Это во многом порождает безнаказанность религиозных адептов, способствует увеличению количества тоталитарных сект и иных запрещенных законом религиозных объединений. Результатом их противоправной деятельности является совершение административных правонарушений, а также уголовных преступлений, в том числе наиболее тяжких из них – убийств.

В связи с этим Г. В. Костылева пишет: «За последние годы правоохранительные органы России столкнулись с криминальными проявлениями в религиозной и околорелигиозной сфере жизни общества. Одной из форм этих проявлений стали религиозно-культовые или ритуальные преступления, которые совершаются членами религиозно-мистических сект, групп и движений.

Анализ следственной практики и материалов уголовных дел показал, что расследование убийств, связанных с исполнением религиозного обряда, вызывает немалые трудности, которые в основном связаны с недостаточностью методического обеспечения данного процесса»².

В отдельных случаях следователи, выезжая на место преступления, испытывают сложности при проведении осмотра места происшествия, а равно при производстве иных следственных действий, когда речь идет о религиозном (ритуальном) убийстве. Поэтому возникает необходимость в определении используемой терминологии, а также рекомендациях по расследованию подобных преступлений.

По мнению А. В. Холопова, «ритуальное убийство – это система обрядовых действий, направленных на умерщвление человека, целью совершения которых является причинение человеку особых психофизиологических мучений и смерти в рамках исполнения ритуала религиозного характера, основанного на выполнении определенных ритуально-магических правил в зависимости от вида исполняемого ритуала»³.

Н. Н. Китаев и А. В. Путинцев полагают, что «подобные убийства, совершенные одиночками, страдающими психическими аномалиями, не могут рассматриваться как культовые, ибо каждый из этих лиц действует в силу своих индивидуальных фантазий. Если же эти убийства совершаются членами секты, наподобие сатанистов, то есть все основания относить такие деяния к

ритуальным (культовым) убийствам» (сразу же отметим, что мы солидарны с этой точкой зрения)⁴. Г. В. Костылева пишет: «При расследовании убийств необходимо установить, что смерть жертвы наступила именно вследствие противоправного лишения его жизни, связанного с исполнением религиозного обряда»⁵.

Г. В. Костылева считает, что «с правовой точки зрения вид исследуемых убийств – это умышленное причинение смерти другому человеку с соблюдением всех форм религиозной обрядности лицом (лицами), исповедующим(-и) нетрадиционное вероучение»⁶.

Представляется, что криминалисты должны разграничивать термины «религиозное убийство», т.е. совершаемое одним или несколькими лицами, не входящими в секты, но обладающими психическими аномалиями и нетрадиционными религиозными воззрениями, и «ритуальное убийство», т.е. заранее спланированное, совершаемое членами определенной секты с целью выполнения обязательного садистского ритуала с сознательным намерением причинить жертве особые страдания. В зависимости от подобного разграничения будет иметь определенные различия последовательность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Г. В. Костылева пишет, что наиболее распространенный среди основных мотивов, связанных с исполнением религиозного обряда, – корыстный (приводится статистика – 37 % случаев)⁷. На наш взгляд, корыстный мотив является подчиненным по отношению к собственно религиозному и иным. В то же время корыстный мотив характерен для сект, которые и создаются для «принуждения членов и последователей религиозного объединения и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения» (см. ст. 14, ч. 2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях») – так называемые «секты-вымогатели». В случае же совершения выделяемого нами в качестве самостоятельного понятия «религиозного убийства» речь идет о сугубо религиозном мотиве и сопутствующем ему мотиву мести, ревности и т.п.

В частности, совершенное в Воронежской области в 2011 г. супругами Кошимбетовыми убийство своей дочери Александры основывалось исключительно на религиозных побуждениях, смешанных с ревностью и местью: 7 января 2011 г., около 20.00 в квартире Антоновой Е. В., расположенной по адресу: г. Воронеж, ул. Переверткина, д. 20, кв. 32 между Кошимбетовым С. Т. и Ан-

тоновой Е. В., с одной стороны, и их дочь Кочимбетовой А. С., с другой, на почве личных неприязненных отношений, вызванных бредовым восприятием действительности, появлением бредовых идей любовного содержания, идей мессианства и экзорцизма, возникла ссора, в результате которой Кочимбетов С. Т. в присутствии Антоновой Е. В. и Кочимбетовой О. С. стал высказывать Кочимбетовой А. С. намерения ее убить. После этого в целях реализации своих бредовых идей любовного содержания, мессианства и экзорцизма, 7 января 2011, около 20.00, находясь в квартире по адресу: г. Воронеж, ул. Переверткина, д. 20, кв. 32, Кочимбетов С. Т. и Антонова Е. В., действуя группой лиц, стали избивать свою дочь Кочимбетову А. С., нанося ей удары руками, ногами и иными тупыми, твердыми предметами по лицу, туловищу и другим частям тела, повалив при этом ее спиной на пол⁸.

А. В. Холопов выделяет следующие признаки, указывающие на совершение ритуала религиозного характера, направленного на причинение смерти жертве:

1. Ритуальные убийства совершаются в определенных типичных местах: как правило, используются специально подготовленные и приспособленные для отправления ритуалов помещения (частные квартиры, подвалы, загородные дома, дачи, заброшенные дома), а также места, имеющие для преступников ритуально-магический смысл (заброшенные храмы, кладбища, места древних захоронений или места расположения древних городищ, храмов, святилищ), другие малолюдные и отдаленные места и участки местности (строящиеся объекты, подземные коммуникации как естественного, так и искусственного происхождения, лесопарковые зоны и т.д.).

2. Взаимное расположение предметов окружающей обстановки на месте происшествия типично для совершения ритуала религиозного характера, направленного на умерщвление человека (наличие, например, на открытой местности больших плоских камней, расположенных в определенном порядке, используемых преступниками в качестве жертвенного алтаря, различных деревянных построек в виде больших крестов различного вида, каменных сооружений мегалитического характера).

3. Наличие на месте происшествия надписей, знаков и символов ритуально-магического и оккультно-мистического характера, например, магических кругов, внутри которых, как правило,

совершаются ритуалы умерщвления человека. Знаки и символы могут быть вычерчены на земле, нарисованы на полу и т.д. При их осмотре необходимо определить и тщательно отразить в протоколе, каким способом и, если возможно, в какой последовательности нанесены знаки и символы, поскольку способ и последовательность начертания знаков ритуально-магического характера подчиняются определенным правилам, например: «Гексаграмма состоит из двух равносторонних треугольников, повернутых вершинами вверх. Начните с вершины верхнего треугольника и начертите его по часовой стрелке. Затем укажите вершину второго треугольника и начертите его по часовой стрелке. Вершина нижнего треугольника должна совпадать с центром верхнего». Практически для написания всех знаков и символов ритуально-магического характера существует универсальное правило: они должны вычерчиваться одной непрерывной линией. От соблюдения этих правил зависит успех осуществления ритуала в целом. Таким образом, изучив способ нанесения знаков на поверхность, можно получить предварительную информацию о лицах, совершивших преступление, и о характере группы (секты) в целом.

Знаки и символы могут быть вычерчены острым предметом (магические шпага или жезл), обсыпаны белым или иного цвета порошкообразным веществом (образцы этого вещества необходимо взять для сравнительного исследования), нанесены краской или какой-либо другой жидкостью, например кровью (их образцы также необходимо изъять с места происшествия для последующего экспертного исследования) и т.д.

Знаки и символы ритуально-магического характера могут располагаться не только на поверхности земли или пола, но и на стенах помещений или рядом стоящих построек, на стволах деревьев, камнях и т.д. Расположение и общий вид этих знаков и символов необходимо тщательным образом зафиксировать в протоколе и провести их узловую и детальную фотосъемку.

4. Наличие ритуальных орудий и средств, применяемых для причинения жертве особых психофизических страданий, умерщвления жертвы, сбора крови, изъятия и хранения органов и тканей жертвы (ритуальные кинжалы, иглы, чаши, специальные ножи).

Изучение орудия убийства (допустим, ножа с сатанинскими символами) может дать первоначальную информацию о преступнике. Необходимая информация может быть получена при

производстве трасологической и криминалистической экспертиз холодного оружия, в ходе которых эксперт выясняет, каким способом изготовлено орудие убийства – заводским или кустарным, каким способом на орудие нанесены символы и знаки, где оно изготовлено.

Данные о способе изготовления орудия убийства и гравирования на нем магических символов и знаков, а также профессионализме изготовителя могут дать следствию направление поиска непосредственного изготовителя орудия убийства либо того, кто наносил знаки и символы на орудие.

Действия по изготовлению или приобретению орудия убийства позволяют говорить о заранее обдуманых поступках преступника и мотивах преступления.

Как уже было отмечено выше, на месте совершения ритуального убийства могут быть обнаружены не только непосредственные орудия убийства (кинжал, ритуальный нож, иглы), но и другие предметы, также позволяющие выдвинуть версию о совершении ритуального убийства. К таким предметам относятся емкости для сбора крови (ритуальные чаши).

5. Наличие разбитых православных икон или осколков от них, разорванных, сожженных Библий, молитвослова или листов из них, разбитых или сломанных христианских крестов.

6. Наличие следов босых ног и обуви, свидетельствующих об исполнении на месте совершения преступления религиозных обрядов. В литературе, посвященной ритуальной магии, приводится характерный для ритуальных убийств рисунок расположения участников на месте совершения ритуала. В связи с этим в ходе производства осмотра места совершения преступления важно установить не только положение жертвы, но и положение и возможные перемещения самих преступников.

При установлении границ осмотра места происшествия следует иметь в виду, что на определенном удалении от места обнаружения трупа могут находиться следы шин автотранспортных средств, на которых преступники прибыли на место. Если вблизи или на определенном удалении отсутствуют следы шин автомобиля, но по совокупности признаков убийство носит ритуальный характер, то следователю необходимо решить вопрос относительно способа доставления жертвы на место преступления. В таком случае необходимо будет рассмотреть частную версию о

личности потерпевшего: потерпевший был знаком с преступниками, являлся членом секты, но за какую-либо провинность стал жертвой ритуального убийства либо, будучи знаком с преступниками, был завлечен на место преступления обманным путем (например, члены секты пригласили жертву присутствовать при совершении ритуального убийства животного).

7. Наличие на месте преступления или вблизи него останков животных или птиц. Во многих черномагических ритуалах перед умерщвлением человека убивается черная кошка, а ее кровь используется для дальнейших магических манипуляций. В некоторых случаях перед обрядом умерщвления человека требуется принести в жертву, например, петуха, что в большей степени характерно для культов Вуду, но также может встречаться и в сатанинских черномагических ритуалах.

8. Наличие микрочастиц черного воска от свечей, используемых в сатанинских черномагических ритуалах, что позволяет найти преступников, выявив места приобретения или изготовления такого рода свечей, пепла от сжигания различных благовоний и трав, кореньев, сушеных насекомых, минеральных и органических веществ и т.п., волокон от специфической одежды участников ритуала, например, от балахонов черного цвета и т.д.⁹

Сочетание приведенных признаков позволяет в ходе осмотра места происшествия установить ритуальный характер совершенного убийства. При наличии только одного из признаков следствием должна выдвигаться версия об инсценировке ритуального убийства с целью сокрытия истинных мотивов совершения преступления, — полагает А. В. Холопов¹⁰.

В целом мы согласны с приведенными выше признаками, однако полагаем, что в случае религиозного убийства, совершенного преступником-одиночкой (или даже группой лиц), не являющимся членом секты, картина места происшествия может быть несколько иной, позволяя следователю выдвигать версии одновременно и о сексуальном, и о корыстном, и об иных мотивах убийства. «Обычные» (если воспользоваться таким определением) религиозные убийства чаще совершаются не в специально отведенных или подготовленных для этого местах, а на дому или в прилегающих к дому постройках, принадлежащих жертве. В качестве жертвы (и это, на наш взгляд, еще одно отличие от ритуальных убийств) выступает родственник или иное близкое лицо. Об этом могут сви-

детельствовать совершенное в городе Воронеже в собственной квартире супругами Кошимбетовыми убийство дочери Александры, связанное с проведением обряда экзорцизма (2011 г.), а также убийство в собственном частном доме А. Кананыкиным своих родителей в селе Латное Воронежской области (2013 г.)¹¹.

Г. В. Костылева полагает, что «при совершении убийства, связанного с исполнением религиозного обряда, смерть наступает не только при участии постороннего лица, в ряде случаев жертва совершает акт самоубийства под контролем как «старшего наставника», так и всей группы (секты)»¹².

А. В. Холопов выделяет следующие признаки, указывающие на совершение ритуала религиозного характера, направленного на причинение смерти жертве:

1. Труп находится в месте, типичном для совершения ритуальных убийств.

2. Труп окружают культовые предметы, используемые при совершении ритуальных убийств: ритуальный кинжал, обрывки литературы религиозного характера (например, разорванная Библия), алтарь в виде специально подготовленных приспособлений (крест) или естественных природных объектов (например, алтарь на большом плоском камне) и т.п.

3. Поза трупа похожа на специфический рисунок, характерный для ритуального жертвоприношения. В следственной практике встречались случаи, когда жертву помещали на заранее подготовленное приспособление в виде креста. О таком способе совершения убийства свидетельствует сочетание особой локализации и особого характера повреждений в виде сквозных ран на кистях и стопах.

Поза трупа может быть иной. Например, конечности тела жертвы могут быть раздвинуты в виде пятиконечной звезды (пентаграммы).

Если поза трупа не имеет специфического рисунка, указывающего на ритуальный характер совершенного убийства, и установлено, что тело жертвы было перенесено с реального места совершения преступления, необходимо определить позу трупа в момент убийства. Это можно сделать, например, по следам от веревок на шее, руках, ногах и т.д.

4. На отдельных участках тела трупа, по конфигурации напоминающих ритуальные предметы, отсутствуют трупные пятна (предметы отпечатываются на теле трупа в виде бледных пятен или рельефных следов в результате сдавливания сосудов).

Расположение трупных пятен может помочь в решении вопроса о том, изменялось ли положение трупа после смерти и в каком положении тело находилось в течение первых часов после смерти. Это имеет большое значение, так как после окончания ритуала умерщвления жертвы с трупом могут совершаться различные действия ритуально-магического характера: например, труп помещается вниз головой для сбора жертвенной крови, изымаются органы и ткани и т.д.

5. Жертва облачена в специальное одеяние, например, в белую накидку (или балахон), на которую нанесены знаки и символы ритуально-магического характера. По виду одежды и находящимся на ней знакам и символам можно установить вид совершенного ритуала, а иногда и личность потерпевшего, если он являлся членом секты или имел непосредственное к ней отношение. Впоследствии с помощью специалиста в области религиоведения по виду одежды, знакам и символам, обнаруженным на ней, можно установить вид группы (секты), характер ее деятельности, возможные места ее расположения¹³.

В «обычном» религиозном убийстве (например, А. Кананыкиным своих родителей) местом происшествия являлось домовладение, расположенное по адресу: Семилукский район, село Латное, ул. Свободы, 29, где в доме на полу был обнаружен труп гражданки Кананыкиной А. В., 1948 г.р., с признаками насильственной смерти – множественными кровоподтеками в области головы, руки и ноги трупа были связаны скотчем и веревками; в одноэтажном кирпичном строении (временке), расположенном на территории домовладения, на полу был обнаружен труп гражданина Кананыкина В. Я., 1943 г.р., с признаками насильственной смерти – ранами и кровоподтеками на лице и шее, ранами на передней поверхности груди, ранами на левом предплечье и левом лучезапястном суставе, на груди трупа была вырезана пиктограмма в виде звезды в круге, при этом вблизи от местонахождения трупа обнаружены множественные следы бурого цвета, похожего на кровь, в виде брызг и мазков. Рядом с телами отца и матери валялись согнутые пополам крестики, на кухне сорвано со стены зеркало (оторвано вместе с гвоздями), в прихожей зеркало было закрыто ковром, все иконы тоже были сорваны. Кроме того, в ходе осмотра территории, прилегающей к дому № 29 по ул. Свободы с. Латное Семилукского района Во-

ронежской области, обнаружены камни с изображением на них пятиконечных звезд в круге. Как видно из содержания протокола осмотра места происшествия, специальных подготовительных мероприятий для совершения убийства Кананыкиным не производилось, все произошло достаточно внезапно, спонтанно. Действий, указывающих на осуществление специальных магических ритуалов, производилось минимум, это было поведение «дилетанта»-одиночки, а не представителя какой-либо секты.

Наше мнение подтверждается показаниями специалиста Ю. В. Ушаковой – преподавателя сектоведения Воронежской православной духовной семинарии, которая, ознакомившись с протоколом осмотра места происшествия и прилагаемой к нему фототаблицей, констатировала, что символ «звезда в круге» является каббалистическим знаком, означает некоторое Божественное присутствие. Изображение такого символа на камнях означает, что человек таким образом вступает в контакт с Божественным присутствием, пытается подняться разумом, постичь истину и получить энергию. Ничего опасного и агрессивного в этом не отмечается. Что касается изображения «звезда в круге», обнаруженного на трупе Кананыкина В. Я., то, скорее всего, оно означает, что сделавшее его лицо хотело таким образом «припечатать» нечистые силы внутри тела, т.е. не позволить им выйти. Судя по всему, убийца воспринимал Кананыкина В. Я. как «беса», «нечистую силу» и потому хотел уничтожить его. То же самое можно сказать и о смерти Кананыкиной А. В. Ее труп был обнаружен связанным, вокруг трупа был очерчен круг кровью (это тоже делается для того, чтобы нечистая сила не могла выйти и начать преследовать). Все эти изображения пятиконечных звезд, а также очерченный круг вокруг Кананыкиной А. В. указывают на то, что это не было жертвоприношением либо каким-то сатанинским обрядом, а было именно убийством на фоне имеющегося убеждения, что в Кананыкиных В. Я. и А. В. сосредоточены «нечистые силы», бесы, которых убийца таким образом «изгонял». По поводу того, что крестик Кананыкина В. Я. был обнаружен на месте происшествия согнутым, это означает, что убийца видел «нечисть» в его владельце. Зеркала, на месте происшествия обнаруженные в перевернутом состоянии, а также накрытые, указывают на наличие у убийцы, по всей видимости, галлюцинаций. Его поведение можно объяснить совокупностью обрывочных знаний об оккуль-

тных течениях и расстроенной психикой, как это часто бывает, на фоне употребления наркотических средств либо психотропных веществ. Исходя из обстановки места происшествия, специалист Ушакова с уверенностью показала, что убийца Кананькиных В. Я. и А. В. не принадлежал к какому-либо деструктивному оккультному течению, но, видимо, увлекался каббалистическими направлениями.

На наш взгляд, привлечение специалиста в области религиоведения необходимо, начиная с осмотра места происшествия и продолжая другими следственными действиями (например, обысками, допросами), для оптимизации и в то же время объективизации процесса расследования.

А. В. Холопов сформулировал комплекс признаков, обнаруженных при осмотре тела трупа и указывающих на ритуальный характер совершенного убийства.

1. Следы повреждений на теле трупа в виде вырезанных символов и знаков ритуально-магического характера, например, различного рода крестов, пентаграмм, слов на латинском, арамейском языках и т.д.

2. Следы повреждений на теле жертвы в виде единичного ранения острым колющим предметом в жизненно важный орган (например, ранение в сердце или надрез на горле для сбора крови) при условии отсутствия следов борьбы: жертва была обездвижена или приведена в состояние беспомощности.

Если для подавления сопротивления жертвы и ее обездвиживания использовались наркотические или психотропные вещества, то на теле жертвы должны быть следы уколов. При назначении судебно-медицинской экспертизы следователю необходимо поставить перед экспертом вопрос об идентификации использованного препарата.

Также могут наблюдаться следы повреждений на теле жертвы в виде множественных, как изолированных, так и неизолированных, ранений острым колющим предметом, не затронувших жизненно важных органов: в момент нанесения указанных повреждений жертва находилась в сознании. По характеру нанесения подобные повреждения были направлены на причинение жертве особых психофизических мучений, что происходит практически во всех ритуалах с целью умерщвления жертвы. Множественность подобных повреждений на теле жертвы может

указывать на групповой характер совершенного убийства, а также на вид исполненного ритуала. Кроме этого, к повреждениям на теле жертвы, указывающим на ритуальный характер совершенного убийства, следует отнести надрез на затылке, так как в ритуально-магической практике считается, что сквозь подобный надрез забирается душа человека.

3. Следы обривания волосяного покрова на голове, груди, половых органах и т.д. Удаление волос на теле жертвы может являться одним из элементов ритуала – представлять собой обряд лишения человека «защитной, духовной энергии», содержащейся в волосяном покрове.

Удаленные с тела жертвы волосы могут впоследствии храниться у лица, совершившего ритуал, как объект, содержащий духовную энергию убитого человека. Удаление волос с головы жертвы в совокупности со следами повреждений магистральных артерий на шее может указывать на то, что в ходе ритуала проводился сбор жертвенной крови, в процессе которого тело жертвы переворачивается вниз головой для лучшего кровоистечения.

4. Татуировки на теле жертвы в виде знаков и символов ритуально-магического или оккультно-мистического содержания, что указывает на ритуальный характер совершенного убийства и на то, что потерпевший являлся членом секты или пытался вступить в секту. На основе таких следов можно выдвинуть частные версии относительно личности преступников, потерпевшего и вида совершенного ритуала: совершен ритуал мести над членом секты за нарушение каких-либо внутренних правил или имел место ритуал посвящения в члены секты, где жертвой ритуального убийства стал сам посвящаемый. Важно установить время нанесения татуировок, поскольку они могут быть сделаны после наступления смерти или незадолго до причинения смерти.

5. Следы изъятия органов и тканей. Следователю необходимо получить от врача, осуществляющего осмотр трупа, первоначальную информацию о том, какие органы и ткани отсутствуют.

Факт изъятия органов и тканей позволяет следствию выдвинуть сразу несколько версий: 1) о совершении убийства с целью использования человеческих органов и тканей для трансплантации; 2) о совершении убийства с извлечением органов и тканей в целях каннибализма; 3) о совершении убийства с последующим извлечением органов и тканей в целях полового фетишизма; 4) о

совершении ритуального убийства с извлечением органов и тканей жертвы для последующего использования в ритуально-магических целях. Указанные версии можно разграничить, основываясь на видах и способах извлечения органов и тканей.

6. Следы полового сношения участников ритуала с жертвой. Эти следы указывают на ритуальный характер совершенного убийства в совокупности с вышеприведенными следами, выявленными при осмотре трупа на месте его обнаружения. На теле жертвы также могут быть обнаружены следы укусов, полученных в момент совершения полового акта. Впоследствии как по следам зубов, так и по следам слюны и спермы можно идентифицировать преступника (преступников).

7. Следы крови, как на теле трупа, так и вблизи него. На теле трупа следы крови могут присутствовать в виде различных по форме брызг, что позволяет установить механизм и направление нанесения ударов, а также положение тела в момент совершения преступления. Также на теле жертвы могут быть обнаружены следы крови в виде контактных следов (динамических и статических). На теле жертвы и на предметах окружающей обстановки могут быть кровью нарисованы знаки и символы ритуально-магического характера. В процессе проведения изуверских ритуалов кровь жертвы может смешиваться с кровью участников ритуала, знаки и символы на теле жертвы могут быть нарисованы кровью одного из участников ритуала. Важно учитывать наличие следов скоплений крови в виде луж вблизи трупа. Если таких луж не наблюдается, а характер повреждений на теле трупа предполагает большую кровопотерю, и нет признаков перемещения трупа с реального места преступления, значит, действия преступников были направлены на сбор крови, что является признаком ритуального убийства¹⁴.

Однако, несмотря на определенное сходство указанных признаков с признаками убийства Кошимбетовой А. С., на наш взгляд, в нижеприведенном случае речь все-таки идет об «обычном» религиозном убийстве.

«Продолжая свои преступные действия, Антонова Е. В. в кухне дома взяла воду и, действуя группой лиц совместно с Кошимбетовым С. Т., стала заливать ее в ротовую полость потерпевшей, а Кошимбетов С. Т., при этом сидя на Кошимбетовой А. С. сверху, подавлял сопротивление последней, удерживая ее руками.

Продолжая свои противоправные действия, Антонова Е. В. приказала находящейся в доме престарелой Микрюковой Е. А. поднести ей воды. Последняя, будучи не осведомленной о преступных намерениях Антоновой Е. В. и Кошимбетова С. Т., испугавшись происходящего, принесла из кухни квартиры в емкостях различного объема воду, которую передала Антоновой Е. В., а последняя, продолжая свои противоправные действия, действуя группой лиц совместно с Кошимбетовым С. Т., в присутствии своей малолетней дочери Кошимбетовой О. С., являющейся близким родственником потерпевшей – родной сестрой Кошимбетовой А. С., причиняя ей особые страдания и переживания, т.е. с особой жестокостью, своими руками стала удерживать левую руку и ноги потерпевшей, а Кошимбетов С. Т. продолжал сидеть сверху на Кошимбетовой А. С. и вливать ей в ротовую полость воду, при этом закрывал верхние дыхательные пути, не давая вздохнуть.

После этого Антонова Е. В., продолжая свои противоправные действия, группой лиц совместно с Кошимбетовым С. Т., в присутствии своей малолетней дочери Кошимбетовой О. С., причиняя ей особые страдания и переживания, т.е. с особой жестокостью, в целях реализации своих бредовых идей любовного содержания, мессианства и экзорцизма, правой рукой несколько раз проникла в задний проход потерпевшей, травматически разделила толстый и частично тонкий кишечник, отделила брыжейки кишечника и большого сальника, причинив множественные разрывы наружного и внутреннего сфинктеров прямой кишки, а Кошимбетов С. Т., действуя группой лиц, продолжал подавлять сопротивление потерпевшей, удерживая ее руки, ноги и туловище, сидя на ней сверху.

Не останавливаясь на достигнутом, в период времени с 20.00 7 января 2011 г. до 5.00 8 января 2011 г., находясь в квартире, Антонова Е. В., действуя группой лиц совместно с Кошимбетовым С. Т., стала ходить по туловищу потерпевшей Кошимбетовой А. С.

Смерть Кошимбетовой А. С. явилась результатом воздействия на потерпевшую нескольких факторов (комбинированной травмы) – травматического воздействия в область шеи и закрытия просвета дыхательных путей жидкостью, осложнившихся развитием асфиксии, и травматического воздействия на органы брюшной полости, осложнившегося развитием шока, что подтверждает

ется обнаружением при судебно-медицинском исследовании трупа стойкой мелкопузырчатой пены в отверстии левого носового хода, в просвете трахеи и крупных бронхов, жидкости в пазухе основной кости, внутриальвеолярных кровоизлияний в легких, кровоизлияний под легочной плеврой, кровоизлияния в области правого сосудисто-нервного пучка шеи, неполного разрыва капсулы правого полусустава подъязычной кости, кровоподтека в левых щечной и околоушно-челюстной областях, передней поверхности шеи слева и ее левой боковой поверхности, ссадин на передней поверхности верхней трети шеи справа, кровоподтека на передней поверхности средней трети шеи справа, признаков асфиксии в виде увеличения объема легких, острой эмфиземы ткани легких, спазма бронхов, жидкого состояния крови в трупе, разделения толстого и частично тонкого кишечника с полным отсутствием слепой кишки, восходящей, поперечной, нисходящей и сигмовидной ободочной кишок, частичным отсутствием тонкой кишки, отделением брыжейки кишечника и большого сальника, с множественными разрывами тонкой и прямой кишок, кровоизлияния в брюшную полость, множественных разрывов наружного и внутреннего сфинктеров прямой кишки, обнаружением при судебно-биохимическом исследовании признаков шока в виде высокой концентрации глюкозы и миоглобина в крови, а также результатами судебно-гистологического исследования и медико-криминалистического исследования.

Получая большое количество травматических воздействий, потерпевшая Кошимбетова А. С. испытывала многократную боль»¹⁵.

На наш взгляд, в данном случае в процессе расследования активную роль должен был играть специалист-религиовед, для того чтобы в полной мере, исследуя механизм преступления, дать заключение о ритуальном характере убийства либо об отсутствии типичных для ритуальных убийств признаков, иной мотивации, несмотря на кажущийся превалирующим обряд экзорцизма.

Вышесказанное обосновывает тезис о том, что в ходе расследования религиозных (ритуальных, культовых) убийств особое значение в процессе доказывания имеет назначение и производство следующих видов экспертиз: судебно-медицинской экспертизы трупа и вещественных доказательств, генотипоскопической, экспертизы микрочастиц и микроволокон, религиоведческой, психиатрической, в ряде случаев – сексопатологической экспертизы.

В отношении супругов Кошимбетовых по результатам психиатрической экспертизы, выводам следствия и суда было принято решение о назначении в отношении них принудительных мер медицинского характера. При этом мы согласны с В. Н. Исаенко в том, что «в процессе досудебного производства по отдельным уголовным делам о применении ПММХ иногда становится известным факт успешной симуляции лицом, в отношении которого оно ведется, наличия у него психического заболевания, в последующем разоблаченной в результате проведения повторной СПЭ. Следователям необходимо учитывать возможности такой симуляции»¹⁶. В. Н. Исаенко полагает, что «в необходимых случаях следует использовать все возможности оценки обоснованности и объективности выводов СПЭ, в том числе в результате взаимодействия следователей и сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность»¹⁷.

В случае погибших супругов Кананыкиных трагедии можно было избежать, если бы их сын Алексей был своевременно помещен на стационарное психиатрическое лечение (тем более, что родители за день до убийства обращались с ним в психиатрическую клинику, однако на лечение его там не оставили). В связи с этим приведем точку зрения М. Г. Гонгадзе: «Кратковременные психические расстройства (далее – КПР) – это тот вид патологии, который чаще всего определяет совершение особо агрессивных деяний. Так, в большинстве случаев, лица в состоянии КПР совершали правонарушения, квалифицированные как насильственные преступления против личности, включая убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести. О том, что субъект в момент совершения преступления находился в состоянии КПР, зачастую свидетельствуют следы, оставшиеся на месте преступления, такие как отсутствие следов подготовки к совершению преступления и следов его сокрытия, необычный способ лишения жизни человека, особая жестокость исполнения, надругательство над трупом и т.д. Производя осмотр места происшествия, следователь должен учитывать, что, как показывает практика и подтверждается результатами нашего опроса следователей, лица, совершившие преступления в состоянии КПР, зачастую остаются в районе места происшествия (общаются с находящимися там людьми, засыпают недалеко от этого места). Эту особенность также следует учитывать, определяя границы осмотра»¹⁸. На наш взгляд, данная рекомендация М. Г. Гонгадзе

в полной мере относится и к расследованию религиозных (ритуальных) убийств, учитывая, что лица, их совершающие, зачастую страдают и кратковременными психическими расстройствами.

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (с изм. от 05.12.2012 г. № 30-П) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

² *Костылева Г. В.* Методика расследования убийств, связанных с исполнением религиозного обряда // Убийство : частные методики расследования : курс лекций / под ред. А. М. Кустова. М., 2010. С. 269.

³ *Холопов А. В.* Тактические особенности организации и производства осмотра места происшествия и трупа на месте его обнаружения по уголовным делам о совершении убийств с признаками исполнения ритуала религиозного характера // Следственная практика. Вып. 177. М., 2008. С. 178.

⁴ *Китаев Н. Н., Путинцев А. В.* Современные культовые (ритуальные) убийства. Постановка проблемы // Юридические записки. Вып. 7. Расследование преступлений : Вопросы теории и практики / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 1997. С. 126.

⁵ *Костылева Г. В.* Указ. соч. С. 269.

⁶ Там же. С. 267.

⁷ См.: Там же. С. 269–270.

⁸ См.: Уголовное дело № 11118001. Постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера от 6 октября 2011 г. // Архив Следственного Управления Следственного Комитета Рос. Федерации по Воронежской области. 2011.

⁹ См.: *Холопов А. В.* Указ. соч. С. 279.

¹⁰ См.: Там же. С. 185–186.

¹¹ См.: Уголовное дело № 13808053 (уголовное преследование прекращено в связи со смертью подозреваемого) // Архив Следственного Управления Следственного Комитета Рос. Федерации по Воронежской области. 2014 ; Уголовное дело № 11118001. Постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера от 6 октября 2011 г. // Там же. 2011.

¹² *Костылева Г. В.* Указ. соч. С. 269–270.

¹³ См.: *Холопов А. В.* Указ. соч. С. 185–186.

¹⁴ См.: Там же. С. 193–194.

¹⁵ Уголовное дело № 11118001. Постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера от 6 октября 2011 г.

¹⁶ *Исаенко В. Н.* Оценка выводов судебно-психиатрической экспертизы в досудебном производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Рос. следователь. 2011. № 18. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Гонгадзе М. Г. Результаты осмотра места происшествия как основание для выдвижения версии о совершении преступления лицом в состоянии кратковременного психического расстройства // Воронежские криминалистические чтения. 2010. № 12. С. 105–111.

А. В. Хмелева

**О НАПРАВЛЕНИЯХ РАБОТЫ
СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РАСКРЫТИЮ
И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОШЛЫХ ЛЕТ**

Одно из основных условий успеха в борьбе с преступностью – установление по каждому преступлению лица (лиц), его совершившего. Положение о том, что не тяжесть наказания, а его неотвратимость в большей степени способствует предупреждению преступности, является аксиоматичным. Однако не секрет, что правоохранительные органы раскрывают далеко не каждое преступление из выявленных. Удельный вес нераскрытых преступлений и количество уголовных дел, приостановленных по п. 1, 2, 3 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), неуклонно растет. Если к 1968 г. (по статистике органов СССР) массив нераскрытых преступлений составлял около 300 тысяч, то в настоящее время, несмотря на ежегодное снятие с учета за истечением давности лет части нераскрытых преступлений, он увеличился более чем в 50 раз¹.

Как свидетельствуют официальные статистические данные, большинство нераскрытых преступлений прошлых лет составляют кражи, грабежи, разбойные нападения. Вместе с тем увеличилось число убийств, фактов причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть, мошенничеств, умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества и др. Все это, безусловно, не отвечает назначению уголовного судопроизводства (ст. 6

УПК РФ) – защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления.

Именно эти задачи обусловили повышенное внимание руководства Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) к работе по нераскрытым преступлениям прошлых лет. В соответствии с приказом Председателя СК РФ от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» это направление – одно из основных в деятельности следственных подразделений СК РФ вообще и отделов криминалистики, в частности. На управления и отделы криминалистики возложена обязанность оказания практической помощи следователям при расследовании таких преступлений, а также изучение, анализ, обобщение и распространение положительного опыта по раскрытию преступлений прошлых лет. Эти задачи призваны решать и аналитические межведомственные группы, созданные во всех региональных следственных управлениях.

Можно выделить основные *тенденции*, сложившиеся в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет:

- последовательный рост общего количества нераскрытых преступлений прошлых лет;
- остающийся низкий уровень ежегодной раскрываемости преступлений этой категории;
- ежегодное снятие с учета в связи с истечением сроков давности преступлений, фактически оставшихся нераскрытыми, количество которых значительно превышает число раскрываемых за тот же период преступлений прошлых лет;
- недостаточно высокая активность следователей и оперативных сотрудников по раскрытию преступлений указанной категории, недостаточная подготовленность их к работе по этому направлению².

Проведенный анализ следственной практики позволяет нам определить пути (направления работы) по раскрытию преступлений прошлых лет.

К ним можно отнести следующие направления работы.

1. *Изучение материалов уголовных дел, дел оперативного учета и проверка полноты проведенного расследования.*

Большое значение при этом имеет выявление необходимости дополнительных допросов лиц, заподозренных ранее в совер-

шении преступления; потерпевших, свидетелей; установление новых свидетелей и возможных очевидцев преступления. Этому способствует анализ уже имеющихся в деле показаний, проведение дополнительных следственно-оперативных мероприятий по проверке «алиби» подозреваемого или заподозренного лица, выявление его связей и работа с этими лицами. Нередко в ходе повторно проведенных поквартирных (подомовых) обходов удастся получить сведения об очевидцах преступления, об обстоятельствах самого преступления.

Так, при повторном поквартирном обходе по возобновленному производством уголовному делу об убийстве журналистки в Костромской области удалось установить очевидца преступления, которое несколько лет оставалось нераскрытым, – женщину, которая проживала в квартире одного из домов и наблюдала в бинокль за действиями трех лиц, которые удерживали девушку около себя, пытались насильно заставить ее пить спиртное, а затем, применяя насилие, увлекли ее в сторону шахты, куда впоследствии ее еще живую сбросили.

По уголовному делу об убийстве П. во Владимирской области (дело 2001 г.) после возобновления предварительного следствия были предприняты меры по установлению новых лиц из окружения убитого и был установлен С., который вел антиобщественный образ жизни, употреблял наркотические средства. В ходе подготовленного и тактически грамотно построенного допроса сожительница С. дала показания о совершении ее сожителем убийства. Преступление было раскрыто.

По уголовному делу об убийстве К. в Астраханской области в течение длительного времени не был установлен подозреваемый. При возобновлении следствия было решено расширить круг обрабатываемых лиц, в число которых попал сосед потерпевшей. Выявленная в результате опроса на полиграфе его причастность к совершению преступления была генотипоскопической экспертизой по следам на его одежде, оказавшимися следами крови убитой.

2. Ревизия имеющихся вещественных доказательств по уголовным делам (их наличие, состояние), назначение по ним судебных экспертиз.

Например, назначение генотипоскопических экспертиз по биологическим объектам, которые ранее не исследовались молекулярно-генетическими методами.

Например, в Астраханской области вернулись к отработке лица, ранее проверявшегося на причастность к убийству соседки по дачному участку. На одежде Г. были обнаружены незначительные следы крови, которая могла принадлежать как ему, так убитой. Генотипоскопическая экспертиза подтвердила принадлежность крови погибшей.

Важное значение приобретает в плане раскрытия указанных преступлений исполнение требования Главного управления криминалистики СК РФ (письмо от 19 июля 2010 г. № 246-7765-10) о направлении всех копий заключений с выявленными ДНК-профилями лиц, чьи биологические следы обнаружены на объектах, в отделение биологических исследований ГУК СК РФ и проверки генотипов по базам данных о генотипах, поставленных на учет. Необходимо систематически проводить работу по выявлению вещественных доказательств с биологическими следами, в отношении которых не были проведены исследования на уровне ДНК (эти объекты могут находиться как в следственных подразделениях, так и судебно-экспертных учреждениях (с учетом установленных соответствующими Инструкциями срока их хранения).

Так, по возобновленному производством делу об изнасиловании Д. в областном центре Воронежской области в ГУК СК РФ в 2012 г. была направлена одежда потерпевшей для выявления ДНК-профиля преступника по следам спермы и проверки по имеющейся базе его генотипов. Был получен положительный результат – преступление прошлых лет было раскрыто.

3. Проверка следов или объектов по оперативно-справочным, криминалистическим и иным учетам.

В г. Москве в 2001 г. было совершено убийство женщины, которое осталось нераскрытым. Обнаруженные на месте происшествия следы пальцев рук, принадлежность которых не была установлена, направлялись для постановки на учет в базу данных «Папилон» в Экспертно-криминалистические центры всех субъектов России. Через несколько лет экспертом было установлено совпадение одного из следов с оттиском пальца руки административно задержанного в одном из районных центров Воронежской области. Через отдел криминалистики Следственного управления была налажена связь с соответствующим следственным отделом г. Москвы, выехавшему в Воронежскую область следователю и оперативным сотрудникам преступник дал признательные показания.

Весной 2002 г. на берегу р. Дон в Хохольском районе Воронежской области со следами насильственной смерти был обнаружен труп З. На изъятой с места происшествия пивной банке был обнаружен след пальца руки, однако принадлежность его в то время не была установлена. Через несколько лет проверка следа по внедренной системе учета «Папилон» позволила идентифицировать след – он оставлен некой А., которая ранее в поле зрения следствия не попадала. Скоординированные отделом криминалистики Следственного управления Следственного комитета с Управлением уголовного розыска ГУВД и территориальным ОВД мероприятия позволили установить местонахождение А. Используемый в беседе с ней фактор внезапности и создание преувеличенного представления об осведомленности органов следствия об обстоятельствах преступления побудили А. к даче правдивых показаний. После возобновления предварительного следствия на допросе она показала, что несколько лет назад поддерживала отношения с тремя молодыми людьми, которые подговорили ее заманить в лес водителя машины иностранного производства. Так она, подсев в машину к З., уговорила его доехать до берега Дона, где ее знакомые убили водителя и завладели его автомобилем. В ходе следствия они были установлены и в дальнейшем привлечены к уголовной ответственности.

Важное значение имеет выявление по приостановленным уголовным делам следов рук, изъятых с места происшествия, но не поставленных в свое время на дактилоскопический учет.

Так, постановка на криминалистические учеты изъятых по ряду нераскрытых преступлений следов позволило раскрыть совершенное 17 лет назад в Кировском районе г. Астрахани убийство престарелой женщины, которой в ходе разбойного нападения в собственной квартире нанесли множество ножевых ранений.

В 2008 г. в Новосибирске был убит из огнестрельного оружия Б., занимавшийся куплей-продажей иностранной валюты. Предварительное следствие по делу было приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Через несколько лет при расследовании разбойного нападения у подозреваемого был обнаружен пистолет. Проверкой по пулегильзотеке установлено, что гильза, обнаруженная на месте убийства Б., стреляна в данном оружии. В дальнейшем оба преступления были раскрыты.

4. Работа по IMEI-коду похищенных преступниками средств мобильной связи потерпевших.

С 2006 г. оставалось нераскрытым убийство Т. в г. Михайловке Волгоградской области. При осмотре места происшествия не был обнаружен мобильный телефон убитой. Проверка его активации результатов не дала. При изучении в дальнейшем материалов уголовного дела и дела оперативного учета обнаружили существенную недоработку: на контроль в Управление специальных технических мероприятий ГУВД ИМЕI-код похищенного телефона поставлен не был. Приняли срочные меры, и был получен результат: телефон обнаружен с sim-картой жителя г. Смоленска. Было установлено, что убийство совершил он.

5. Проведение аналитической работы по выявлению аналогии криминалистической характеристики преступлений («почерка» преступника), совершенных в настоящее время, и преступлений прошлых лет.

Например, в 2008 г. за покушение на изнасилование 13-летней девочки был задержан К. В рамках проверки о возможной причастности задержанного к совершению аналогичных преступлений отдел криминалистики провел анализ нераскрытых преступлений. Было выявлено еще одно преступление, схожее по криминалистическим признакам – изнасилование малолетней в 2002 г. Предварительное следствие незамедлительно возобновили. Девочка уверенно опознала преступника, были получены и другие доказательства причастности К. к совершению данного преступления.

В декабре 2007 г. было совершено разбойное нападение на водителя Б. и экспедитора Ж. в Верхнемамонском районе Воронежской области. При этом водитель был убит путем удушения, а в экспедитора произведен выстрел из огнестрельного оружия, в результате которого Ж. получила тяжелое ранение. Преступление было раскрыто по «горячим следам», задержан некий Смирнов, местный житель. При изучении этого дела было обращено внимание, что в этом же населенном пункте ранее было совершено убийство Б., оставшееся нераскрытым. Б. также работала экспедитором, нападение на женщин были совершены рано утром, когда они выходили из дома для поездки в областной центр за товарами, имели при себе значительную сумму денег. Правда, наблюдалась разница в способах убийства: ножевые ранения в первом случае и огнестрельное ранение – во втором. Правильно спланированная и тактически верно проведенная оперативно-следственная работа с задержанным позволила получить его при-

знательные показания и по первому убийству. В обоих случаях он работал водителем в тех же организациях, что и потерпевшие.

6. Использование оперативной информации сотрудников уголовного розыска отделов полиции, а также подразделений Федеральной службы исполнения наказаний.

В сентябре 2006 г. в г. Санкт-Петербурге был убит студент, гражданин Индии. Преступление, вызвавшее большой общественный резонанс, долгое время оставалось не раскрытым. В 2008 г. в ходе совместных оперативно-розыскных мероприятий с Управлением Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России) России по г. Санкт-Петербургу была остановлена Х., осужденная за совершение другого убийства. При умелой оперативной работе она дала показания о том, что преступление совершили члены неформальной организации «скинхедь» и назвала преступников.

В 1999 г. в г. Ижевске было совершено убийство несовершеннолетней путем удушения, труп девочки был обнаружен в подвале дома. На причастность к совершению преступления в числе других лиц проверялась подруга убитой Р., однако ее вина не была доказана. После изучения материалов уголовного дела и ОПД членами аналитической группы было установлено, что Р. отбывает наказание за совершение другого преступления. Сотрудниками Управления ФСИН и оперативными сотрудниками исправительного учреждения была проведена совместная работа, результатом которой стало раскрытие преступления прошлых лет: Р. призналась в совершении убийства подруги, ее показания были подкреплены другими доказательствами по делу.

7. Выдвижение следствием новых версий.

В начале 2009 г. аналитической группой по раскрытию преступлений прошлых лет Следственного управления по Волгоградской области было изучено дело о совершенном еще в 1996 г. убийстве двух водителей-дальнобойщиков на автостоянке в черте областного центра. Взглянув на обстоятельства по-новому, аналитическая группа попыталась уйти от ранее отработывающихся версий совершения убийства лицами из числа конкурентов, лиц, специализирующихся на разбойных нападениях на водителей транспорта, проституток. Выдвинули версию о возможном случайном конфликте с кем-то из жителей прилегающего к автостоянке района. Проведенными следственно-оперативными мероприятиями было установлено, что преступление совершено местным жителем, который познакомился с погибшими при по-

купке спиртного и в дальнейшем при его распитии между ним и водителями произошли пьяные разборки, в результате которых установленный мужчина застрелил водителей из их же оружия.

Можно отметить важную роль, которую должна сыграть в раскрытии преступлений прошлых лет реализация положений Федерального закона Российской Федерации от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»: постанoвка на учет генотипов лиц, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности, преступлений против половой неприкосновенности, неустановленных преступников, чьи биологические следы обнаружены на месте происшествия, и трупов неустановленных лиц и проверка их по имеющимся учетам. Однако, механизм действия этого закона еще не урегулирован в достаточной мере.

Следует иметь в виду, что прошедшее время зачастую отрицательно влияет на успешность следственно-оперативных мероприятий, проводимых по возобновленному делу: из памяти допрашиваемых свидетелей, потерпевших исчезают какие-либо детали, многие лица переезжают в другую местность, уходят из жизни; становятся непригодными для экспертного исследования (или утрачиваются, что, к сожалению, случается) вещественные доказательства, происходит ротация кадрового состава следователей и оперативных сотрудников, затрудняющая общение с лицами, участвующими в расследовании преступления ранее. Часто жертвы преступлений, совершенных по сексуальным мотивам, спустя годы создают семьи, растят детей и не желают «вспоминать прошлое», подвергать огласке свершившееся в отношении них преступное посягательство.

В то же время временной фактор может сыграть и положительную роль. Например, когда лицо, подозревавшееся в совершении преступления находится в местах лишения свободы, потерпевшие или свидетели становятся более свободны в своих показаниях, не испытывают имевшегося ранее страха перед преступником; кроме того, лицо, отбывающее наказание или находящееся под стражей в связи с совершением другого преступления, может дать показания относительно преступления, совершенно в прошлом, под влиянием возможности получения определенных «преференций», неофициальных соглашений со следователем, которые должны быть реально возможны и продуманы. С

течением времени и изменением обстоятельств могут дать необходимую правдивую информацию лица, которые ранее создавали ложное алиби преступнику (бывшие жены, сожительницы, мужья), скрывали свою осведомленность об обстоятельствах происшедшего. Возможна и такая ситуация, когда при работе «по горячим следам» не было возможности тщательно подготовиться к допросу задержанного, изучить его личность, составить его психологический портрет, позволяющий положительно решить задачи установления контакта с допрашиваемым, выбора наиболее благоприятного момента и эффективной тактики допроса, получить признательные показания. При работе по возобновленному делу можно избежать этих недоработок. Фигуранты впоследствии могут употреблять наркотики, злоупотреблять спиртными напитками, что делает их психологически более уязвимыми.

В Обзоре Главного управления криминалистики СК РФ состояния работы по раскрытию и расследованию убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, в том числе преступлений прошлых лет, а также эффективности деятельности аналитических групп по раскрытию и расследованию тяжких и особо тяжких преступлений № 214/1 – 1627-11 обращено внимание на факторы, в значительной степени способствующие достижению положительных результатов в работе по делам прошлых лет. К ним относятся:

- обеспечение надлежащего взаимодействия следственных подразделений с прокуратурой, органами дознания Министерства внутренних дел России, ФСИН России, Федеральной службы безопасности России, в том числе по розыску подозреваемых, обвиняемых;

- устранение недостатков следствия, допущенных на первоначальном этапе расследования, в том числе проверка ранее выдвинутых версий в полном объеме;

- использование возможностей оперативно-справочных и криминалистических учетов и новых возможностей судебных экспертиз;

- всесторонняя проверка подозреваемых (обвиняемых) по преступлениям текущего периода на причастность к совершению аналогичных преступлений в прошлом;

- выявление и проверка новых, ранее неизвестных обстоятельств (информации);

- выдвижение новых версий на основе иной интерпретации ранее известных следствию обстоятельств;
- глубокий анализ накопленного материала.

Сюда можно добавить также изменение подхода к раскрытию преступлений прошлых лет (не секрет, что работа по этой категории дел иногда проводится «по остаточному принципу» и ограничивается уже достигнутыми «плановыми» показателями).

¹ Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского. М., 2009.

² См.: *Лавров В. П.* Проблема расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и некоторые пути ее решения // Предварительное следствие. 2009. Вып. 4 (6).

О. Ю. Цурлуй

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССМОТРЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЖАЛОБ В СВЕТЕ ЗАКОНОПРОЕКТА О ДОПОЛНЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СТАТЬЕЙ 125¹

Основной формой реализации права на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в уголовном судопроизводстве является подача и рассмотрение судом жалобы на незаконность и необоснованность какого-либо действия (бездействия) или решения следователя, дознавателя, прокурора.

Судебный порядок рассмотрения жалоб в ходе досудебного производства по уголовному делу представляет собой особый вид судебного контроля за процессуальными действиями (бездействием) и решениями органов предварительного расследования и прокурора.

В ряду процессуальных решений, законность и обоснованность которых проверяется судом по жалобе заинтересованного лица, согласно ч. 1 ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) выступает постановление о прекращении уголовного дела по основаниям, изложенным в ч. 1, 2 ст. 24, ст. 25, ч. 1 ст. 27, ст. 28, 28.1 УПК РФ. Это решение является достаточно частым объектом судебного обжалования.

Данное постановление представляет собой мотивированное процессуальное решение органа предварительного расследования, процессуальная форма и содержание которого зависят от процессуальных правил и сложившейся процессуальной ситуации по уголовному делу.

В ходе судебного обжалования постановления о прекращении уголовного дела его законность и обоснованность подвергаются судебному контролю. Контролируется также и справедливость данного процессуального решения.

Принятие каждого в отдельности решения органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела в УПК РФ оговорено особыми правилами. Фактически это формальные основания, определенные нормами кодекса РФ, которые суд при рассмотрении жалобы на постановление о прекращении уголовного дела должен внимательно рассматривать и проверять.

Вместе с тем от основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования зависит право лица, привлекаемого к уголовной ответственности, на реабилитацию в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ.

Учитывая значимость рассматриваемых вопросов, в Конституционный Суд Российской Федерации обратились граждане С. А. Боровков, обвинявшийся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Н. И. Морозов, уголовное преследование в отношении которого осуществлялось по ч. 2 ст. 146 УК РФ. Уголовные дела в отношении этих граждан постановлениями следователей были прекращены в связи с устранением новым уголовным законом (а именно, федеральными законами от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) преступности и наказуемости инкриминировавшихся им органами предварительного следствия деяний, т.е. на основании ч. 2 ст. 24 УПК РФ.

В своей жалобе С. А. Боровков и Н. И. Морозов просили признать не соответствующими Конституции Российской Федерации

ст. 10 УК РФ, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 27, ч. 4 ст. 133 и ст. 212 УПК РФ, как позволяющие прекращать уголовное дело по нереабилитирующему основанию без учета позиции самого обвиняемого. По их мнению, тем самым нарушается право на справедливое судопроизводство, право считаться невиновным и право на реабилитацию и возмещение вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием.

Конституционный Суд РФ, рассмотрев указанную жалобу постановлением от 19 ноября 2013 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. А. Боровкова и Н. И. Морозова» признал взаимосвязанные положения ч. 1 ст. 10 УК РФ, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 27, ч. 4 ст. 133 и ст. 212 УПК РФ не соответствующими ч. 1 ст. 19, ч. 1 и 2 ст. 46, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в той мере, в какой они лишают лицо, уголовное преследование которого прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства вследствие принятия нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, возможности обжалования в судебном порядке законности и обоснованности вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования этого лица актов органов дознания и предварительного следствия, в том числе фиксирующих выдвинутые подозрение, обвинение в инкриминируемом ему деянии, применение мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, а в случае установления их незаконности и необоснованности – возможности признания за ним права на реабилитацию.

В цитируемом постановлении Конституционный Суд РФ высказался относительно особенностей порядка судебного рассмотрения жалоб на постановление о прекращении уголовного преследования на основании ч. 2 ст. 24 УПК РФ. В частности, Конституционный Суд РФ отметил, «прекращение уголовного преследования со ссылкой на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, но по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 24 УПК РФ не порождает у подозреваемого или обвиняемого права на реабилитацию, как это закреплено п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, поскольку решение о прекращении уголовного дела в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость соответ-

ствующего деяния были устранены новым уголовным законом, констатирует наличие самого деяния, содержавшего признаки преступления». «Вместе с тем, – констатирует Конституционный Суд РФ, – применение нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, не предопределяет правомерность или неправомерность имевшего место уголовного преследования...», в связи с чем «постановление о прекращении уголовного дела по указанным основаниям может быть обжаловано в суд, который в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым постановлением, а также с участием прокурора, следователя, руководителя следственного органа проверяет законность и обоснованность этого постановления, оценивая лишь факты и обстоятельства, ограниченные его рамками».

Однако наиболее важным и дискуссионным является высказанное Конституционным Судом РФ положение о том, что, «разрешая по жалобе лица, подозревавшегося, обвинявшегося в совершении деяния, преступность и наказуемость которого устранены новым уголовным законом, вопрос о законности и обоснованности постановления о прекращении в отношении него уголовного дела и уголовного преследования, суд должен проверить, имело ли место деяние, квалифицировавшееся прежним уголовным законом как преступление, обосновано ли подозрение или обвинение данного лица в его совершении, утратило ли совершенное деяние преступность, – иное свидетельствовало бы об окончательности и неоспоримости утверждений дознавателя, следователя или руководителя следственного органа относительно совершения декриминализованного деяния лицом, уголовное преследование которого прекращено, и о правильности квалификации деяния. При этом суд не вправе вторгаться в вопрос о доказанности вины этого лица, поскольку его невиновность в совершении преступления презюмируется, а виновность может быть установлена лишь в приговоре, постановленном при рассмотрении уголовного дела по существу».

В целях реализации постановления Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П Правительством Российской Федерации внесен в Государственную Думу уже принятый в первом чтении законопроект о дополнении УПК РФ ст. 125¹ «Особеннос-

ти рассмотрения отдельных категорий жалоб». Часть 2 ст. 125¹ содержит следующие положения:

2. При рассмотрении жалобы на постановление дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в соответствии с частью второй статьи 24 настоящего Кодекса, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были устранены новым уголовным законом, судья проверяет законность и обоснованность данного решения, а также законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, привлечения лица в качестве подозреваемого, обвиняемого и применения к нему мер процессуального принуждения путем исследования в судебном заседании имеющихся в уголовном деле доказательств, свидетельствующих о фактических обстоятельствах дела, по правилам, установленным главой 37 настоящего Кодекса.

Общий процессуальный порядок рассмотрения судом жалоб, регламентированный ст. 125 УПК РФ, предусматривает рассмотрение жалоб данного вида районными судами по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, либо по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело. Согласно ч. 2 ст. 125 УПК РФ судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора не позднее, чем через 5 суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заинтересованных лиц, а также с участием прокурора, следователя, руководителя следственного органа. В судебном заседании в порядке, установленном ч. 4 ст. 125 УПК РФ, судья объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, представляется явившимся в судебное заседание лицам, разъясняет их права и обязанности, заявитель обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица, заявителю предоставляется право реплики.

Совершенно очевидно, что в ходе судебного разбирательства в рамках ст. 125 УПК РФ должны соблюдаться его общие условия, установленные главой 35 УПК РФ, т.е. нормативно закрепленные правила, применяемые в любом судебном слушании без исключения. Их соблюдение должно обеспечивать справедливость судебной процедуры в соответствии со ст. 6 Европейской конвенции от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основ-

ных свобод»¹. Судебное разбирательство по рассмотрению жалоб на процессуальное действие (бездействие) и решение органов предварительного расследования и прокурора, как и судебное разбирательство по уголовному делу, происходит на основе равенства сторон и состязательности.

Для данного вида судебного разбирательства также характерны: подготовительная часть, судебное следствие, реплика заявителя, вынесение решения судьей. Основные действия подготовительной части отражены в ч. 3 ст. 125 УПК РФ.

Судебное следствие является главной частью судебного разбирательства, в рамках которого суд проверяет законность и обоснованность обжалуемого процессуального действия (бездействия) или решения. Происходит это посредством представления сторонами исследования и доказательств, подтверждающих правильность их доводов. По этому поводу Н. С. Курышева пишет: «Суд, осуществляя проверку обжалуемого действия или решения, в судебном следствии организует работу сторон по исследованию доказательств, принимая необходимые меры, способствует сторонам в проведении этого исследования, обеспечивает соблюдение очередности предоставления доказательств сторонами и порядка их исследования, а также фиксацию проводимых действий»².

Так, безусловно, зачастую и происходит на практике рассмотрения жалоб, но эта практика вступает в противоречие с отдельными положениями, определенными ч. 4 ст. 125 УПК РФ. Эта норма не предусматривает представление сторонами доказательств в ходе судебного заседания по рассмотрению жалобы.

Данное положение поддерживается и конкретизируется Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Так, согласно п. 14, 15, 16 названного постановления, проверяя законность и обоснованность обжалуемых решений, судья обязан выяснить, соблюдены ли нормы, регулирующие порядок принятия соответствующего решения, а также принято ли решение уполномоченным должностным лицом, при наличии к тому законных оснований, и соблюдены ли при его вынесении требования, установленные нормами УПК РФ.

При этом Верховный Суд РФ четко прописал, что судья, рассматривая жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным

материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Следует отметить, что определение понятия доказательства, данное законодателем в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, по своей сущности кажется не вполне соответствующим содержанию и целям процедур, определенных ст. 125 УПК РФ, так как в ч. 2 ст. 74 УПК РФ законодатель приводит ограничительный перечень источников доказательств. Это означает, что в суд могут быть представлены доказательства не «любые» (ч. 1 ст. 74), а полученные из надлежащих источников.

Вместе с тем, если исходить из теоретической концепции понятия уголовно-процессуального доказательства, то она отражает «единство фактических данных и процессуального источника этих данных»³, а определение доказательств, данное в ее развитии, свидетельствует о том, что доказательствами «является весь тот фактический материал, которым следствие и суд оперируют в процессе всей своей деятельности при расследовании и разрешении уголовных дел и на основании которого они решают все вопросы существования этих дел»⁴.

Вид судебного контроля в форме судебного порядка разрешения жалоб имеет и свою особую форму – контроль качества доказательств⁵, который носит сквозной характер и осуществляется на различных стадиях процесса. Характеризуя эту форму контроля и содержание, В. А. Азаров и И. Ю. Таричко пишут, что ее проявление значительно отличается от других форм судебного контроля, «поскольку не облачено в самостоятельную, регламентируемую законом «юридическую оболочку», а самореализуется в процессе принятия определенных решений суда, в том числе при рассмотрении ходатайств или жалоб, «растворяясь» в ткани приведенных видов судебного контроля»⁶.

В связи с этим под понятием доказательств при реализации процедур судебного порядка рассмотрения жалоб (ст. 125 УПК РФ) могут подпадать и доказательства по конкретному уголовному делу, с которым связана жалоба заявителя (например, протоколы следственных действий), что определяется ст. 74 УПК РФ. Их признание (непризнание) судом в качестве доказательств, в части оспаривания доводов заявителя, фактически – контроль качества в процессе досудебного производства.

В целях объективности принятия судебного решения жалоба должна содержать не только обоснование заявителем на основе аргументированных доводов, но и их подтверждение фактическими данными и документами. Без их предоставления заявителем обоснование жалобы представляется неполным.

В уголовно-процессуальном законе отсутствует нормативное закрепление обязанности должностных лиц, чьи действия обжалуются, предоставлять судье необходимые доказательства и фактические данные, что, безусловно, является недостатком процедуры рассмотрения жалобы в суде.

На это обстоятельство косвенно указывает упомянутое постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в п. 12 которого закреплено право лиц, участвующих в судебном заседании, представлять в суд дополнительные материалы, имеющие отношение к жалобе. Пленум рекомендует судье при подготовке к рассмотрению жалобы «истребовать по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе материалы, послужившие основанием для действия (бездействия) или решения должностного лица, а также иные данные, необходимые для проверки доводов жалоб»⁷.

Рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ должно отвечать прежде всего требованиям проверки законности и обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений с позиции соблюдения при их осуществлении и принятии требований ст. 7 УПК РФ, где законодатель определил, что решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Процессуальное закрепление критериев законности и обоснованности представляется исключительно важным для достижения целей судебного контроля на стадиях досудебного производства. Данные критерии являются базовыми для так называемого «сквозного» судебного контроля качества доказательств⁸.

Однако только на этапе судебного рассмотрения уголовного дела по существу разрешается основной вопрос уголовного процесса – вопрос о доказывании, поскольку в этом случае возможности сторон и суда в исследовании спорных процессуальных проблем значительно шире. Судебный контроль на стадии предварительного расследования по отношению к основному – обычному отложенному судебному контролю носит частный, вспомогательный, правообеспеченный, сервисный характер, следо-

вательно, он ни в коей мере не в состоянии заменить обычный отложенный судебный контроль⁹.

Фактически судебный контроль на стадиях возбуждения и предварительного расследования уголовного дела является не более чем дополнительной гарантией соблюдения прав и свобод участников процесса, и он преследует иные, чем обычный отложенный судебный контроль, процессуальные цели.

Доказывание как уголовно-процессуальный институт закреплено в главе 11 УПК РФ. Статья 85 данной главы определяет, что доказывание состоит в собирании, оценке и проверке доказательств. Последующие нормы этой части кодекса определяют правила собирания (ст. 86), проверки (ст. 87) и оценки (ст. 88) доказательств, однако в этих нормах отсутствуют правила относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию при реализации уголовно-процессуальной функции судебного контроля в качестве особой формы преломления функции правосудия. Вместе с тем в части расследования уголовного дела они определены (ст. 73).

Закономерен вывод: законодатель не счел нужным определять обстоятельства, подлежащие доказыванию при реализации судебного контроля, а также не определил требования к данным доказательствам. Это стало причиной проблемы, а следовательно, и спора о том, с каких позиций суд должен проверять и оценивать представленные в ходе предварительного расследования сторонами материалы, а также каковы пределы его контрольных полномочий. В этом же ключе, пожалуй, одним из основных является вопрос контроля качества доказательств, который реализуется судом в процессе доказывания.

Возвратимся к постановлению Пленума Верховного Суда РФ, где рекомендация судам относительно поставленного вопроса выражена следующим образом: «При проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. В частности, судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния».

Данный подход всецело согласуется с действием процессуального принципа презумпции невиновности, в соответствии с которым суд, на стадии предварительного расследования осуществляя функцию судебного контроля, не может обсуждать вопрос о виновности, а потому, не вправе связывать свое процессуальное

решение с доказанностью виновности подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу.

Решение вопроса в порядке судебного контроля оценки достаточности доказательств означает «наличие предположительного вывода о том, что какие-либо обстоятельства имеют место быть»¹⁰.

Относительно проблем судебного контроля за качеством доказательств на стадии предварительного расследования является вопрос о достоверности доказательств, которые суд кладет в основу принимаемого им решения при осуществлении указанной уголовно-процессуальной функции. Однако в уголовно-процессуальном праве достоверность доказательств определяется посредством существенных признаков их истинности и отсутствия разумных сомнений по содержанию¹¹. Это закономерно вызывает вопрос: как суд процессуальными средствами судебного контроля может установить истинность доказательств в процессуальных ситуациях, основанных на явном недостатке доказательственной информации, что обычно присуще стадии предварительного расследования? Поэтому, осуществляя контроль качества представленных доказательств в процессе слушания жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, судье следует проверить достоверность содержащейся в ней информации, ее соответствие действительности. Правда, в силу объективных причин на досудебных стадиях уголовного судопроизводства это не всегда возможно, в первую очередь потому, что достоверность не может носить предположительный характер, она может быть только в «наибольшей степени вероятной»¹².

Проведение исследований в этом аспекте обстоятельств, которые подлежат доказыванию при судебном рассмотрении жалоб, можно констатировать, что решения, принимаемые судом в порядке судебного контроля и в соответствии с ним контроля качества доказательств, представленных спорящими сторонами, суд с некоторой долей вероятности может установить факт преступного деяния, а также обстоятельства, его исключающие. Кроме того, суд в этих обстоятельствах может выявить обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого, смягчающие и отягчающие обстоятельства его виновности, возможности освобождения от уголовной ответственности.

В соответствии с изложенным можно сделать выводы о том, что функция судебного контроля, реализующаяся посредством судебного порядка рассмотрения жалоб на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, представляет собой законодательно регламентированную судебную деятель-

ность, которая не связана с решением вопросов о виновности и ответственности. Она направлена на охрану прав и свобод личности, а также придание юридической значимости процессуальным действиям и решениям должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, что способствует достижению назначения уголовного судопроизводства.

Сущность судебного контроля качества доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства заключается в проверке и оценке судом, на основе познания и логического осмысления, представленных сторонами в порядке ст. 125 УПК РФ данных относительно обжалуемого действия (бездействия) или решения с позиций разумной вероятности, относимости, допустимости и достаточности для принятия конкретного судебного решения.

В связи с изложенным, на наш взгляд, относительно судебного рассмотрения жалоб на постановление о прекращении уголовного дела справедливо высказался Верховный Суд РФ в соответствующем постановлении: «Если заявитель обжалует постановление о прекращении уголовного дела, то при рассмотрении такой жалобы судья, не давая оценки имеющимся в деле доказательствам, должен выяснять, проверены ли и учтены ли дознавателем, следователем или руководителем следственного органа все обстоятельства, на которые указывает в жалобе заявитель, и могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод о наличии оснований для прекращения уголовного дела. При этом по результатам разрешения такой жалобы судья не вправе делать выводы о доказанности или недоказанности вины, о допустимости или недопустимости доказательств».

Важным этапом в исследовании законности и обоснованности постановления о прекращении уголовного дела судом является установление соответствия содержательной, качественной стороны указанного постановления и материалов уголовного дела. Подход здесь однозначный – необходимо установление соответствия данных материалов уголовного дела и постановления о его прекращении. Установление этого тождества судом производится на основе анализа и оценки данных, добытых органом предварительного расследования произведенных в аспекте положений, как материального, так и процессуального права.

Установление судом несоответствий указанным требованиям, их грубое нарушение могут быть рассмотрены судом в качестве оснований для отмены постановления о прекращении уголовного дела.

Судебные решения относительно рассматриваемой жалобы выносятся на основе системного анализа данных, установленных в судебном разбирательстве, и они могут быть основаны на оставлении жалобы без удовлетворения или признания постановления незаконным (необоснованным). Последнее решение влечет необходимость возложения на компетентного прокурора обязанности устранить допущенное нарушение, что фактически означает отмену постановления о прекращении уголовного дела.

Отметим, что, принимая решение о прекращении уголовного дела, органы предварительного расследования обязаны принять еще и целый комплекс процессуальных решений (отмена меры пресечения, наложения ареста на имущество и пр.). Поскольку эти процессуальные решения не относятся к предмету судебного контроля, то они в судебном разбирательстве в соответствии с обжалованием постановления о прекращении уголовного дела рассматриваться не должны.

На наш взгляд, предоставление суду права в ходе судебного рассмотрения жалобы на постановление о прекращении уголовного дела по основаниям, закрепленным в ч. 2 ст. 24 УПК РФ, «проверять законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, привлечения лица в качестве подозреваемого, обвиняемого и применения к нему мер процессуального принуждения путем исследования в судебном заседании имеющихся в уголовном деле доказательств, свидетельствующих о фактических обстоятельствах дела, по правилам, установленным главой 37 настоящего Кодекса», противоречит целям судебного контроля в рамках досудебного производства по уголовному делу и влечет подмену собственно правосудия.

¹ О защите прав человека и основных свобод : Европейская конвенция от 4 ноября 1950 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Курьшева Н. С.* Вопросы производства по жалобе на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя и прокурора М., 2009. С. 124.

³ *Победкин А. В.* Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. С. 128–135 ; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 197.

⁴ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 287–288.

⁵ См., например: *Азаров В. А.* Судебный контроль качества доказательств в уголовном процессе // *Доказательства при осуществлении правосудия по уголовным делам* : сб. науч. тр. Волгоград, 2002. С. 8–12.

⁶ *Азаров В. А., Таричко И. Ю.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2004. С. 176.

⁷ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // *Рос. газета*. 2009. № 27.

⁸ *Азаров В. А., Таричко И. Ю.* Указ. соч. С. 215.

⁹ *Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева. М., 2011. С. 195.

¹⁰ *Лупинская П. А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // *Рос. юстиция*. 2002. № 7. С. 8.

¹¹ *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс : краткий курс. СПб., 2008. С. 88.

¹² *Руденко А. В.* Переход от вероятности к достоверности в доказывании по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 25.

А. А. Эксархопуло

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Следственный эксперимент относится к числу тех следственных действий, посредством проведения которых решается комплекс задач, стоящих перед субъектом процессуального доказывания. Среди них наиболее значимы два, так или иначе связанных с выяснением обстоятельств уголовного дела: проверка доказательств (например, проверка достоверности сведений, полученных при допросе свидетеля) и получение новых доказательств (в частности, установление механизма события или его элементов). Соответственно, различают эксперименты по проверке возможности видеть, слышать, иным образом воспринимать те или иные события либо совершать определенные действия, эксперименты

по выяснению возможности существования отдельных фактов или явлений и эксперименты по установлению механизма события и его элементов, в том числе механизма образования следов.

В силу большого разнообразия экспериментальных способов познания каждый из указанных видов следственного эксперимента может привести к известному множеству результатов: подтверждению или опровержению проверяемых фактов, получению новых сведений либо безрезультатному завершению опытных действий и т.д. Правильно оценить познавательную сущность и доказательственное значение полученных результатов следственного эксперимента – весьма сложная задача, от решения которой зависит порой исход расследования или судебного рассмотрения уголовного дела. Этому вопросу, к сожалению, уделялось мало внимания в современной и криминалистической и процессуальной литературе. Несмотря на достаточную разработанность и правовых основ, и тактики производства следственного эксперимента¹, рекомендации по оценке его результатов в лучшем случае сводились к изложению общих правил, касающихся достоверности проведенных опытов без учета специфики решаемых каждым из видов следственного эксперимента задач.

Результаты следственного эксперимента должны, между тем, оцениваться с двух позиций: с точки зрения их **достоверности** (*криминалистический аспект*) и **доказательственного значения** (*процессуальный аспект*). Оценивая результаты следственного эксперимента по этим показателям, важно помнить, что их достоверность зависит, во-первых, от того, насколько условия эксперимента соответствовали тем, в которых происходило проверяемое событие или совершались проверяемые действия, и, во-вторых, от правильности постановки самих опытов, в которых эти действия должны воспроизводиться.

Условия проведения следственного эксперимента в ходе оценки его результатов должны выясняться с особой тщательностью. Здесь следует исходить из общего правила, согласно которому место, время проведения, а также материальная обстановка предстоящего следственного эксперимента могут быть изменены только при условии, если такие изменения не влияют на результаты опытов.

Информацию об условиях проведения следственного эксперимента обычно содержат протоколы следственных действий, в задачу которых входило исследование материальной обстановки проверяемого события, в частности протокол осмотра места происшествия. Сведения о месте, времени, внешних условиях, в которых происхо-

дило проверяемое событие, и которые были учтены следователем при подготовке к проведению следственного эксперимента, можно найти в протоколах допроса участников проверяемого события. Эта информация должна сопоставляться с описанием аналогичных элементов материальной обстановки и иных условий проведения следственного эксперимента, получивших отражение в соответствующем протоколе данного следственного действия.

Так, если экспериментально выяснялась возможность наблюдать за событием в определенное время суток, то для оценки результатов опытов особенно важно проверить правильность выбора *времени* проведения следственного эксперимента, который может существенно повлиять на их достоверность. В тех регионах, где освещенность в пределах суток заметно меняется в зависимости от времени года, организация следственного эксперимента должна быть ориентирована не столько на соответствие тому времени суток, когда происходило проверяемое событие, сколько на выбор времени с соответствующим уровнем освещенности, обеспечивающим адекватность восприятия.

Оценивая достоверность результатов следственного эксперимента, важно также проверить правильность выбора *места* его проведения. Лучше, когда следственный эксперимент проводился в том же месте, где происходило проверяемое событие. Это требование в зависимости от решаемых экспериментальным путем задач может быть категоричным, а может и не иметь принципиального для достоверности ожидаемых результатов значения. Недопустимо, например, переносить место проведения следственного эксперимента, если проверяемое событие непосредственно связано с определенным местом, в частности при проверке возможности размещения недостающего товара на складе, откуда совершена кража. Бывают, однако, ситуации, когда смена места проведения следственного эксперимента не влияет на его результаты. Например, при проверке профессиональных навыков, если для выполнения той или иной работы в другом месте будет подготовлено все необходимое оборудование.

К условиям проведения следственного эксперимента, существенно влияющим на достоверность его результатов, относится и материальная *обстановка* со всеми ее элементами, в которой происходило либо могло происходить проверяемое событие. Оценивая результаты, следует иметь в виду, что обстановка следственного эксперимента реконструируется с учетом сведений о ее состоянии именно на момент совершения действий или событий,

подлежащих экспериментальной проверке. При этом важно обращать внимание на точность воспроизведения материальной обстановки, особенно тех ее элементов, которые пришлось заменить реквизитом и которые могли в случае такой замены существенно повлиять на достоверность результатов проведенных опытов.

Реквизитом следственного эксперимента называют орудия, инструменты, материалы, которые либо стали непосредственным объектом воздействия, либо были использованы участниками расследуемого события в качестве средств достижения преступной цели. Так, для экспериментальной проверки профессиональных навыков конкретного лица необходимы не только инструмент, но и материалы, из которых с использованием инструмента должны быть изготовлены товары или произведены иные профессиональные действия; для установления времени, в течение которого можно преодолеть определенное расстояние на автомашине – соответствующее транспортное средство; для установления механизма образования следов – следообразующие и следовоспринимающие объекты, аналогичные участвовавшим в проверяемом следообразовании; и т.д. Если выяснится, что предметы, фигурировавшие в реальном, проверяемом событии, например, сами похищенные вещи или непосредственно орудия преступления, были заменены для проведения следственного эксперимента аналогами, то следует обратить внимание как на внешние, так и на функциональные характеристики такого реквизита: они не должны существенно отличаться от оригинала. В частности готовящийся реквизит должен быть, как правило, такого же назначения, веса, габаритов, цвета, изготовлен из такого же материала, в такой же упаковке и т.д. Оценивая адекватность реквизита важно помнить, что различия допускаются только при условии, если они не могут повлиять на результаты опытов. В противном случае достоверность полученных результатов следственного эксперимента будет обоснованно вызывать сомнения.

Так, по делу о гибели гражданина К., последовавшей в результате падения из окна шестого этажа, следователь в рамках проверки версии о несчастном случае провел следственный эксперимент для выяснения вопроса о том, на каком расстоянии от стены здания должен был оказаться потерпевший, если версия о несчастном случае соответствует действительности. Для проведения опытов использовался муляж трупа, весом 50 кг. Результаты многократно проведенных опытов с падением муляжа из

окна шестого этажа, опровергали версию о несчастном случае, поскольку муляж, падая без посторонней помощи, всякий раз оказывался не в том месте, где был обнаружен труп потерпевшего. Это стало основанием привлечения гражданина С. к уголовной ответственности за убийство с инсценировкой несчастного случая, поскольку он оказался единственным человеком, кто тот вечер проводил вместе с потерпевшим. Результаты следственного эксперимента были положены в основу обвинительного заключения. В судебном заседании адвокат подсудимого заявил ходатайство о проведении повторного эксперимента, обратив внимание суда на тот факт, что в следственном эксперименте использовался муляж весом 50 кг, в то время как вес потерпевшего был более 70 кг. Суд удовлетворил ходатайство адвоката. По результатам повторного следственного эксперимента, для проведения которого был подобран муляж соответствующего веса, выяснилось, что место его падения совпадает с местом обнаружения трупа. В результате гражданин С. был оправдан.

Уяснение содержания опытных действий и их последовательности является второй важной составляющей работы по оценке достоверности полученных результатов следственного эксперимента.

Содержание опытов, как известно, определяется характером проверяемого события или действия, которые должны экспериментально воспроизводиться. Чтобы, например, проверить возможность видеть, наблюдая за событием с определенного места и при определенных условиях, следователю необходимо организовать визуальное восприятие участниками следственного эксперимента именно с этого места и той самой территории, за которой, судя по показаниям конкретного лица или исходя из версии следователя, велось наблюдение. Результатом такой экспериментальной проверки должно стать установление зоны видимости с фиксацией всего того, что можно наблюдать из данной конкретной точки.

Установить правильность выбора *последовательности* постановки опытных действий требуется в тех случаях, когда каждое из них в планируемой серии опытов должно воспроизводиться в измененных условиях. Например, когда необходимо экспериментально установить механизм проверяемого события или действия либо проверить противоречивые показания об их характере. Последовательность постановки опытов в таких экспериментах часто зависит от необходимости решения конкрет-

ных, стоящих перед следователем тактических задач. Так, возможность размещения товара на определенной площади может сначала проверяться путем экспериментальной расстановки товара со слов материально-ответственного лица, подозреваемого в хищении, затем со слов иных работников торгового предприятия. Наконец, опыты могут быть поставлены с целью выяснения принципиальной возможности размещения в конкретном месте определенного количества товара с учетом его габаритов и наличия свободных площадей в складском помещении.

Чтобы оценить результаты проведенного следственного эксперимента как вполне достоверные и объективные, важно убедиться, что в реконструированных условиях результат каждого опыта, в котором адекватно воспроизводились проверяемые действия или события, наступал закономерно, а не случайно.

Оценка доказательственного значения результатов следственного эксперимента зависит от его вида и поставленных перед экспериментом задач. Ими могут быть задачи по *установлению новых* или *проверке имеющихся фактов*. Если следственный эксперимент проводится для установления *новых фактов*, например для установления механизма события, то его результат в виде установленного способа действия, который приводит к возникновению определенных последствий, может оказаться либо *однозначным*, либо *многовариантным*. *Однозначным* можно считать результат эксперимента по установлению, например, механизма образования следов, если опытным путем будет подтверждено, что след конкретной разновидности может возникнуть только при условии, если действовать строго определенным образом и в определенной последовательности. Однозначность установленного механизма дает основание для категорического вывода о способе действия как единственно возможным, при котором только и могут возникнуть конкретные следы. Такие результаты следственного эксперимента имеют безусловное доказательственное значение. *Многовариантные результаты*, т.е. допускающие возможность действовать альтернативно и при этом получать одинаковые результаты, дают основание лишь для вероятностных выводов о механизме проверяемого события, в том числе механизме образования следов. Доказательственное значение таких результатов невелико. Они могут быть использованы в основном для конструирования версий, планирования расследования дела, принятия тактических решений и пр. Для формулировки процессуально значимых выводов и для приня-

тия процессуальных решений, устанавливающих юридически значимые факты, многовариантные результаты следственного эксперимента могут использоваться только в совокупности с другими доказательствами, собранными по делу.

Доказательственное значение результатов следственного эксперимента, решающего задачу **проверки версий или полученной в ходе расследования доказательственной информации**, зависит от того, какими оказались эти результаты: *положительными* или *отрицательными*. *Положительным* считается результат следственного эксперимента, подтверждающий объективную возможность восприятия или существования того или иного факта или явления, совершения определенных действий и т.д. В тех случаях, когда в ходе опытов выясняется принципиальная невозможность существования проверяемого события в данных условиях, то такой результат считается *отрицательным*. Доказательственное значение положительного и отрицательного результата следственного эксперимента различно. Если отрицательный результат всегда опровергает возможность существования проверяемых в эксперименте событий или действий, давая основание для категорического вывода о том, что при заданных условиях эти события или действия не могли иметь место, то положительный результат, подтверждая лишь возможность их существования, еще не доказывает, что они были на самом деле. Например, установив, что, находясь в квартире, где проживает допрошенный свидетель, нельзя видеть участок улицы, на котором происходило расследуемое событие, следователь имеет основание утверждать, что свидетель не мог наблюдать за ним из окна и, следовательно, его показания относительно обстоятельств увиденного из квартиры события не соответствуют действительности. Напротив, экспериментально установленная возможность видеть из окна дома участок улицы, где происходила драка, еще не подтверждает тот факт, что свидетель обязательно за ней наблюдал. Положительные результаты следственного эксперимента дают основания только для вероятностных выводов о возможности существования проверяемого события или действия, но не говорят о том, что они имели место в реальности. Это обстоятельство необходимо учитывать в процессе доказывания.

Известную сложность может вызвать оценка результатов следственного эксперимента, организованного для проверки индивидуальных качеств лица, заявившего на допросе о совершении им действий, которые обычный человек в обычных условиях

совершить не в состоянии. Отрицательный результат такого эксперимента далеко не всегда дает основание для категоричного вывода о том, что допрошенное лицо не совершало тех действий, о которых оно сообщило следователю, и которые безрезультатно воспроизводились в эксперименте. Часто это объясняется невозможностью, восстановить в полной мере условия, в которых происходило проверяемое событие. Невозможно, например, восстановить психологическое состояние человека в момент совершения им определенных действий. Практике известны случаи, когда человек под влиянием страха преодолевает препятствия, которые в иной ситуации никогда преодолеть не смог бы; в безвыходном положении поднимает тяжести, которые никогда бы ранее не поднял и т.д. В случаях невозможности реконструировать обстоятельства проверяемого события в силу их экстраординарности и возможности оказания существенного влияния на поведение человека лучше от проведения такого следственного эксперимента отказаться.

¹ См.: *Белкин Р. С., Белкин А. Р.* Эксперимент в уголовном судопроизводстве : метод. пособие. М., 1997 ; *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. Воронеж, 2012 ; *Степанов В. В., Фирсов Е. П.* Тактика следственного эксперимента. Саратов, 2000 ; и др.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баев Максим Олегович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Воронежского государственного университета.

Баев Олег Яковлевич – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

Белкин Анатолий Рафаилович – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, профессор Московского государственного университета приборостроения и информатики.

Боков Сергей Никанорович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Гайдин Александр Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского института Министерства внутренних дел России, подполковник полиции.

Галяшина Елена Игоревна – доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, заместитель заведующей кафедрой судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина.

Давыдов Владимир Олегович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета (Институт права и управления), полковник полиции, почетный сотрудник Министерства внутренних дел России.

Завьялова Дарья Владимировна – аспирант кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Звягин Иван Сергеевич – майор полиции, преподаватель кафедры криминалистики Воронежского института Министерства внутренних дел России.

Зотов Денис Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

Ищенко Евгений Петрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московского

государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

Комаров Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета.

Комбарова Елена Леонидовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российской академии правосудия.

Куликова Ольга Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции.

Лясковец Андрей Владимирович – ассистент кафедры уголовного права и процесса Московского государственного социального университета (филиал г. Курск).

Мещеряков Владимир Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Осипенко Анатолий Леонидович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Воронежского института Министерства внутренних дел России по научной работе.

Пучнин Александр Васильевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Воронежского института Министерства внутренних дел России, капитан полиции.

Сизов Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Московского государственного социального университета (филиал г. Курск).

Смирнова Юлия Юрьевна – соискатель кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Стояновский Максим Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Фомина Анна Stanisлавовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Хмелева Алла Владимировна – кандидат юридических наук, заместитель руководителя отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Воронежской области.

Цурлуй Олеся Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Воронежского экономико-правового института.

Эксархопуло Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Баев М. О.</i> Проблемы допустимого правового поведения адвоката на стадии принятия защиты по уголовному делу	5
<i>Баев О. Я.</i> Специальная превенция подкупа и/или принуждения к даче ложных показаний	18
<i>Белкин А. Р.</i> И как же все-таки быть с понятыми?	30
<i>Боков С. Н.</i> Значение концепции возрастной периодизации психического развития для расследования преступлений несовершеннолетних.....	38
<i>Гайдин А. И., Осипенко А. Л.</i> О проблемах собирания доказательств в электронном виде.....	44
<i>Гайдин А. И., Пучнин А. В.</i> Проверка информации о должностных хищениях	55
<i>Галяшина Е. И.</i> Проблемы научно-методического и информационного обеспечения судебной экспертизы в свете модернизации законодательства	67
<i>Давыдов В. О.</i> О некоторых аспектах обнаружения признаков преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств социальной компьютерной коммуникации, и принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела	80
<i>Завьялова Д. В.</i> Сущность и виды образцов для сравнительного исследования: порядок получения и истребования.....	89
<i>Звягин И. С.</i> Ретроспективный анализ подделки денежных билетов в России	96

<i>Зотов Д. В.</i> Надежность системы доказательств с ненадежными элементами: постановка проблемы применительно к понятию «пределы доказывания».....	109
<i>Ищенко Е. П.</i> Киберпреступность и задачи криминалистики.....	119
<i>Комаров И. М.</i> Объективная истина в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации: продолжение дискуссии.....	128
<i>Комбарова Е. Л.</i> Особенности уголовно-процессуального доказывания в некоторых упрощенных формах судебных производств в мировых судах Российской Федерации.....	136
<i>Куликова О. Н.</i> Особенности использования специальных знаний при рассмотрении сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел в сфере авторских и смежных прав	148
<i>Мещеряков В. А.</i> Влияние информационного общества на развитие криминалистики.....	153
<i>Лясковец А. В., Сизов А. А.</i> Некоторые аспекты построения криминалистических версий и планирования при расследовании краж	158
<i>Смирнова Ю. Ю.</i> Подкуп и принуждение к даче ложных показаний / заключению эксперта (специалиста) в судопроизводстве по гражданским делам (постановка проблемы)	168
<i>Стояновский М. В.</i> Аксиологические проблемы криминалистической систематики (к дискуссии о новациях и традициях в современной криминалистике)	178
<i>Фомина А. С.</i> Особенности расследования ритуальных (религиозных) убийств	189

<i>Хмелева А. В.</i> О направлениях работы следователя по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет..	206
<i>Цурлуй О. Ю.</i> О некоторых особенностях рассмотрения отдельных категорий жалоб в свете законопроекта о дополнении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации статьей 125 ¹	215
<i>Эксархонупо А. А.</i> Оценка результатов следственного эксперимента.....	228
Сведения об авторах.....	235

Научное издание

**ВОРОНЕЖСКИЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

В ы п у с к 17

Под редакцией *Баева Олега Яковлевича*

Ведущий редактор издательской группы *Е. В. Пономарева*
Компьютерная верстка *Е. Н. Комарчук*
Корректор *М. С. Исаева*

Подписано в печать 30.03.2015. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 15,9. Усл. п. л. 14,0. Тираж 550 экз. Заказ 969

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3